

Востокъ и миѳы

составилъ

К. А. Ивановъ,

Директоръ ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Царскосельской гимназіи.

Изданіе восьмое.

съ рисунками.

Цѣна 80 коп.

Книгоиздательство Т--ва
„Петроградскій Учебный Магазинъ“.
Петроградъ, Каменноостровскій, 29.
1916.


UNIVERSITY OF TORONTO
VELUT ARBOR ÆVO

Востокъ и миѳы

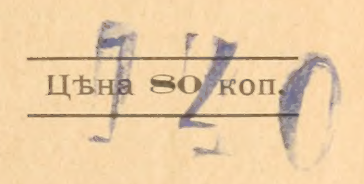
составилъ

К. А. Ивановъ,

Директоръ ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Царскосельской гимназіи.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ,

съ рисунками.



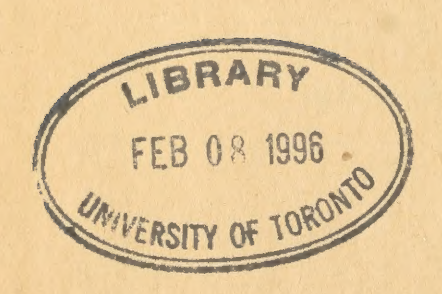
Цѣна 80 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Т—ВА

„Петроградскій Учебный Магазинъ“.

Петроградъ, Каменноостровскій, 29.

1916.



Петроградъ. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Нельзя не назвать счастливою мысль о выдѣленіи исторіи Древняго Востока и миѳическаго періода греческой исторіи въ особый курсъ, а именно — въ курсъ III-го класса среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. До недавняго времени исторіи Востока удѣлялось всего какихъ-нибудь четыре или пять уроковъ изъ общаго числа часовъ, предназначавшихся для прохожденія древней исторіи. Кто изъ моихъ коллегъ по профессіи не знаетъ, какіе, по-истинѣ, жалкіе результаты получались, благодаря этому, по отношенію къ исторіи Древняго Востока? Между тѣмъ, именно въ настоящее время исторія Древняго Востока представляетъ самый живой, можно сказать, захватывающій интересъ. Чуть не каждый мѣсяцъ приноситъ извѣстія о новыхъ и новыхъ открытіяхъ, многія изъ старыхъ представленій рушатся безповоротно, воскресаютъ цѣлыя народности, до сихъ поръ не составлявшія предмета историческаго изученія. Однимъ словомъ, изученіе давно умершаго Востока является теперь чуть-ли не самою живою страницею въ изученіи исторіи вообще.

Въ то же время выдѣленіе изъ курса древней исторіи миѳическаго періода исторіи греческой представляется намъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ. Съ одной стороны, благодаря этому, переносится изъ IV-го класса въ III-ій тотъ именно матеріалъ, который какъ разъ соотвѣтствуетъ возрасту учащихся и ихъ запросамъ. Съ другой стороны, для прохожденія исторіи греко-римскаго міра предоставляется большее количество урочныхъ часовъ, почему изученіе этого важнаго отдѣла всемірной исторіи можетъ быть болѣе обстоятельнымъ. Учащіеся уже не будутъ переноситься съ быстротою отъ одного совершенно для нихъ новаго явленія къ другому, не успѣвая надлежащимъ образомъ продумать и усвоить матеріалъ, только что служившій объектомъ ихъ умственной работы.

Издавая въ свѣтъ настоящую свою работу, составитель задался цѣлью дать доступное пониманію учениковъ III-го класса учебное руководство. Къ своей работѣ онъ позволилъ себѣ

приступить только послѣ серьезнаго ознакомленія съ наиболѣе крупными изъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдованій по исторіи Древняго Востока. Онъ питаетъ надежду, что и настоящее руководство встрѣтитъ то же благосклонное вниманіе со стороны спеціалистовъ, какого удостоились его прежнія работы.

С.-Петербургъ, 26-го октября 1903 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Первое изданіе настоящаго руководства разошлось въ теченіе перваго-же учебнаго года. Ободренный этимъ успѣхомъ, авторъ приложилъ свои старанія къ улучшенію книги въ предлагаемомъ теперь второмъ изданіи. Въ этомъ отношеніи большую помощь оказала ему благопріятная рецензія извѣстнаго знатока исторіи Древняго Востока, Бориса Александровича Тураева, замѣчаніями котораго авторъ и воспользовался для улучшенія своего настоящаго труда.

Меррекюль, 24-го іюля 1904 г.

Предисловіе къ 6-му изданію.

Приступая къ настоящему изданію своей книги, авторъ сдѣлалъ тѣ частичныя исправленія, которыя были предложены ему Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Говоря о древнѣйшей культурѣ греческаго міра, авторъ, согласно указанію того же Комитета, привнесъ въ свое руководство свѣдѣнія о раскопкахъ Артура Эванса, произведенныхъ въ 1901 году. Кромѣ того онъ счелъ необходимымъ привести въ отрывкахъ гимнъ въ честь бога Атона, дополнить книгу свѣдѣніями о знаменитомъ сводѣ Хаммураби и нѣсколько освѣжить иллюстраціи книги.

С.-Петербургъ, 6-го апрѣля 1912 г.

Предисловіе къ 7-му изданію.

Работая надъ седьмымъ изданіемъ настоящаго руководства, составитель обратилъ главное вниманіе на упрощеніе текста и устранилъ то немногое, что было малопонятнымъ дѣтскому возрасту.

С.-Петербургъ, 26-го января 1914 г.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Исторія и ея памятники. Исторіей мы называемъ науку, которая изучаетъ прошлую жизнь человѣчества и объясняетъ намъ, какъ оно дошло до того состоянія, въ которомъ находится теперь. Свѣдѣнія о жизни былыхъ поколѣній исторія извлекаетъ изъ историческихъ памятниковъ.

Историческими памятниками мы называемъ все, что осталось какъ бы на память намъ отъ прошлой жизни человѣчества и знакомитъ насъ съ нею.

Особенную цѣнность имѣютъ для историка памятники письменные. Отъ прошлаго сохранились до нашего времени различные памятники этого рода. Они представляютъ или короткія надписи на предметахъ изъ камня, глины, металла и иныхъ, или погодную запись различныхъ событій (лѣтописи), или болѣе подробныя описанія отдѣльныхъ событій (хроники), или личныя воспоминанія пишущаго о своемъ времени (записки или мемуары) и т. под.

Очень много даютъ для изученія прошлаго и такъ называемые вещественные историческіе памятники, т. е. древнія сооруженія, оружіе, обстановка домашняго быта и тому подобные предметы или вещи. Долгое время люди жили, не зная письменности. Для изученія этой стародавней поры и служатъ главнымъ источникомъ вещественные памятники. Предметы эти находятъ въ землѣ, на мѣстахъ древнѣйшихъ поселеній, въ пещерахъ, въ древнихъ могилахъ. Послѣ безконечно долгаго пребыванія въ землѣ остатки древности выносятся снова на Божій свѣтъ и помѣщаются въ музеяхъ. Здѣсь всякій же-

лающій можетъ видѣть ихъ и такимъ образомъ получать наглядное представленіе о былыхъ временахъ. Ученые, которые изучаютъ вещественные памятники прошлыхъ временъ, называются археологами; самая же наука, изучающая древности, называется археологіей. Такимъ образомъ, археологія является ближайшею помощницей исторіи.

То отдаленное прошлое, отъ котораго не сохранилось никакихъ письменныхъ памятниковъ, извѣстно подъ именемъ доисторической эпохи, а бытъ, которымъ жили тогда люди, называется доисторическимъ бытомъ.

2. Доисторическій бытъ человѣка. Древнѣйшее время въ жизни людей, о которомъ говоритъ наука, принято называть каменнымъ вѣкомъ. Названіе это объясняется тѣмъ, что люди, еще не зная металловъ, пользовались для выдѣлки своихъ орудій и оружія камнемъ. Кромѣ камня употреблялись тогда кости, рога, раковины и дерево. Орудія каменнаго вѣка долгое время выдѣлывались очень грубо. Древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ ни шлифовки, ни отдѣлки, а представляютъ лишь грубо обтесанные куски камня. Эта — наиболѣе древняя—пора называется старо-каменнымъ вѣкомъ. Только съ теченіемъ времени, въ такъ называемый ново-каменный вѣкъ, человѣкъ научился болѣе тщательно отдѣлывать предметы изъ камня и началъ шлифовать ихъ. До настоящаго времени сохранилось много различныхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ камня, какъ, напримѣръ, ножи, наконечники стрѣлъ, топоры и т. под. вещи. Долгое время человѣкъ каменнаго вѣка не былъ знакомъ ни съ земледѣліемъ, ни со скотоводствомъ. Онъ не умѣлъ лѣпить изъ глины посуды и обжигать ее. Жилъ онъ или въ глубокихъ пещерахъ, или подъ навѣсами скалъ, гдѣ очагъ согрѣвалъ его въ суровую зимнюю пору. Главными предметами его занятій были рыболовство и охота. Зубчатыми баграми онъ ловилъ рыбъ и стрѣлами убивалъ птицъ. Съ помощью тяжеловѣснаго оружія охотился онъ на мамонта, сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ. Мясо, разрѣзанное на куски ножами изъ кремня, онъ варилъ въ сосудахъ изъ дерева или кожи. Кости раскалывалъ и высасывалъ изъ нихъ мозгъ. Кремнями онъ выскабливалъ кожи, сшивалъ ихъ сухожиліями съ

помощью иголокъ изъ рыбьей кости и приготовлялъ себѣ такимъ способомъ одежду.

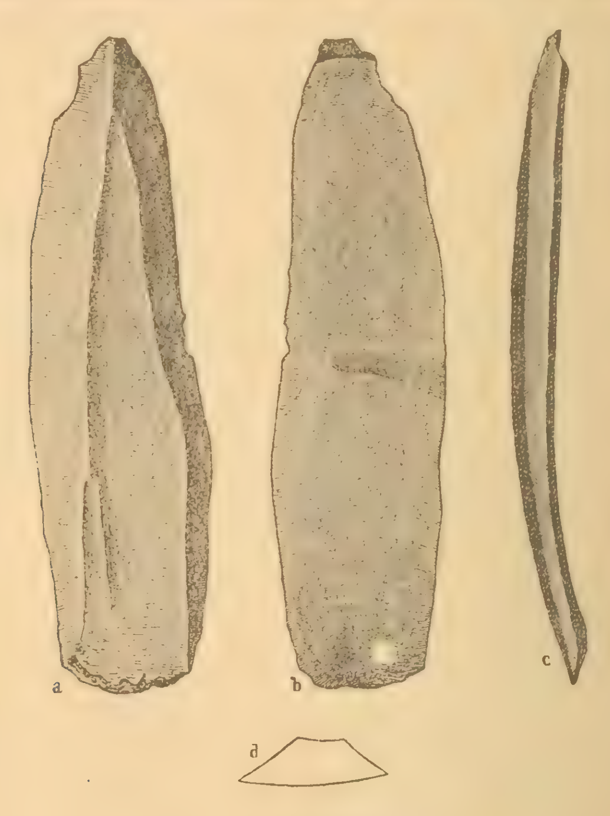
Прошло много времени, и человѣкъ сталъ приручать къ себѣ животныхъ и принялся за земледѣліе. Изъ растительныхъ волоконъ онъ сталъ приготовлять себѣ нити для тканья одежды и научился лѣпить сосуды изъ глины. Случайно человѣкъ замѣтилъ, что глина не пропускаетъ воды. Онъ сталъ обмазывать ею плетеныя корзины; глина высыхала, и получалась посуда, не пропускающая воды. Человѣкъ ставилъ этотъ вновь изобрѣтенный предметъ на огонь; прутья сгорали, а глиняная часть пріобрѣтала отъ огня еще большую крѣпость. Такіе сосуды съ отпечаткомъ плетенья сгорѣвшей корзины, добытые при раскопкахъ, сохранились до нашего времени. Затѣмъ человѣкъ сталъ лѣпить необходимые для него предметы, уже не прибѣгая предварительно къ плетенью. Такъ зародился гончарный промыселъ.



Каменные (кремневые) наконечники стрѣлъ (изъ Исландіи).

Въ древнѣйшую пору сосуды лѣпились просто руками, безъ помощи гончарнаго станка. Къ той же порѣ, въ которую возникло гончарное дѣло, относится появленіе шлифованнаго каменнаго оружія и орудія. Уже въ эту пору проявилось у человѣка стремленіе къ искусству. Онъ нацарапывалъ рисунки на костяныхъ пластинкахъ и рогахъ и даже вырѣзалъ изъ нихъ цѣлыя фигурки. Эти рисунки и фигурки поражаютъ своею правдивостью и показываютъ намъ, что доисторическій человѣкъ отличался большою наблюдательностью. Постепенно у человѣка стала пропадать привычка жить въ пещерахъ: онъ началъ строить себѣ хижины, какъ на сушѣ, такъ и на мелководныхъ озерахъ; послѣднія сооруженія извѣстны въ наукѣ подъ именемъ свайныхъ построекъ. Съ этою цѣлью въ

дно озера вбивались, на небольшихъ разстояніяхъ отъ берега, деревянныя сваи. На эти сваи настилали поперечныя бревна или доски, т. е. устраивали помостъ, а на послѣднемъ ставили жилища. Въ разныхъ мѣстахъ помоста дѣлались отверстія, черезъ которыя доставали воду, удили рыбу или выбрасывали различные предметы, въ которыхъ не было болѣе



a, b, c и d. Каменные ножи.

никакой надобности. Сюда же могли попадать случайно оброненные предметы. Вотъ почему на днѣ озеръ, гдѣ находились свайныя поселенія, также находятъ немало вещей, представляющихъ большой интересъ для археологіи, а слѣдовательно, и для исторіи. Размѣры свайныхъ поселеній были различны. Одни изъ нихъ занимали небольшое пространство, но были и такія поселенія, которыя тянулись на огромныя пространства.

Первое изъ свайныхъ поселеній было открыто въ Швейцаріи въ 1854 году. Открытіе это было вызвано случайностью. Начали осушать часть мелководной прибрежной полосы Цюрихскаго озера, чтобы затѣмъ обратить ее въ пашню. Когда вода въ этомъ мѣстѣ была совершенно устранена, и рабочіе добрались до тины, покрывающей дно озера, они увидѣли верхи множества вбитыхъ въ озерное дно деревянныхъ свай. Въ самой тинѣ нашли при этомъ цѣлый рядъ предметовъ, которые привели въ недоумѣніе людей, случайно отыскавшихъ ихъ. Слухъ объ этой находкѣ быстро распространился. Ученые обратились къ изслѣдованіямъ. Въ Швейцаріи въ общемъ было найдено около 200 остатковъ свайныхъ поселеній, а затѣмъ стали находить ихъ во Франціи, Италіи, Германіи и Австріи. Свайныя поселенія еще не вышли изъ употребленія и въ наше время и встрѣчаются у нѣкоторыхъ племенъ, живущихъ въ Южной Америкѣ и на



Обломокъ каменнаго полированнаго топора.



Полированный каменный топоръ.

островахъ Великаго океана. Особенную извѣстность пріобрѣли свайныя поселенія, находящіяся въ Новой Гвинеѣ.

Кромѣ остатковъ жилищъ, отъ позднѣйшей поры каменнаго вѣка сохранились могилы. Эти могилы устраивались различнымъ образомъ. Древнѣйшими были могилы въ пещерахъ, такъ наз. могилы-гроты. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было естественныхъ пещеръ, или гдѣ горныя породы были недостаточно мягки, чтобы выломать могилу въ нихъ, человѣкъ устраивалъ надъ трупомъ покойника особыя сооруженія изъ камня. Онъ обставлялъ мѣсто погребенія огромными камнями, или мало отесанными, или неотесанными совсѣмъ, а надъ ними устраи-

валъ изъ такихъ же камней плоскую кровлю. Промежутки между громадными камнями онъ заполнялъ камнями меньшихъ размѣровъ. Сооруженія эти извѣстны въ наукѣ подъ именемъ дольменовъ. Нерѣдко надъ этими сооруженіями насыпался земляной холмъ или курганъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ гробницъ устраивался ходъ, въ видѣ корридора изъ каменныхъ плитъ, не засыпавшихся землей. Кромѣ указаннаго способа погребенія существовалъ и обычай зарывать мертвеца въ землю въ лежачемъ или сидячемъ положеніи.



Глиняный сосудъ со слѣдами отъ плетеной корзины.

За каменнымъ вѣкомъ наступили вѣка металловъ — бронзовый и желѣзный. Знакомство съ металлами принесло человѣчеству огромную пользу. Впечатлѣніе, произведенное на человѣка открытіемъ ихъ, было велико. Оно сохранилось до сихъ поръ въ цѣломъ рядѣ сказаній, относящихся къ самымъ отдаленнымъ временамъ и имѣющихся у различныхъ народовъ. Эти сказанія говорятъ о божественныхъ или чудесныхъ кузнецахъ, о волшебныхъ существахъ (гномахъ и др.), охраняющихъ скрытыя въ землѣ сокровища. Послѣ камня матеріаломъ для выдѣлки орудія и оружія стала мѣдь. Сперва она употреблялась въ чистомъ видѣ, но затѣмъ стали сплавлять ее съ оловомъ и приготовлять такимъ образомъ бронзу. Орудія и оружія бронзоваго вѣка отличаются отъ подобныхъ же издѣлій изъ камня и большимъ разнообразіемъ, и болѣе совершенной отдѣлкой. Изъ издѣлій бронзоваго вѣка дошли до нашего времени самые разнообразные предметы, какъ напримѣръ: топоры, долота, клещи, ножи, серпы, мечи, кинжалы, пуговицы, кольца, браслеты, булавки и т. под. Когда бронзу окончательно вытѣснило желѣзо, наступилъ такъ называемый желѣзный вѣкъ.

3. Человѣческія расы и появленіе государствъ. Все человѣчество по цвѣту кожи и другимъ признакамъ дѣлится на

четыре главныя группы или расы: бѣлую, желтую, красную и черную. Красная раса распространилась по американскому материку. Материкъ этотъ не былъ извѣстенъ древнимъ и открытъ всего 400 съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ. Красная раса жила своею замкнутою жизнью, и ея исторія совсѣмъ мало извѣстна намъ. Народы черной расы, весьма распространенной и очень давно извѣстной, большею частью стоятъ на низкой ступени развитія. Эта раса ничѣмъ не улучшила человѣческую жизнь, не принесла съ собою ничего новаго.



Свайное сооруженіе

Желтая раса когда-то играла немалую роль въ дѣлѣ человѣческаго развитія, но уже во времена глубокой древности уступила эту роль бѣлой расѣ. Въ свою очередь человѣческія расы дѣлятся на вѣтви; такъ напр., главными вѣтвями бѣлой расы являются двѣ: семиты и арійцы. Семиты упоминаются въ исторіи раньше арійцевъ. Именно семиты создали древнѣйшую образованность или культуру, высокую культуру вавилонскую. Такъ названа она по имени образованнѣйшаго семитическаго народа древности—вавилонянъ. Отъ вавилонянъ непосредственно заимствовали ихъ культуру арійцы.

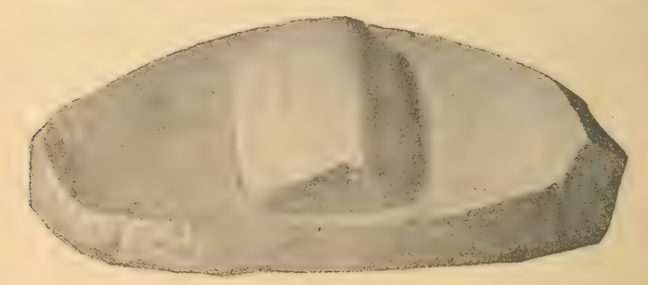
которые остались жить въ Азіи (мидяне, персы и друг.). Другой семитическій народъ древности, финикіяне, благодаря развитому у нихъ мореплаванію, занесли образованность вавилонянъ къ тѣмъ арійцамъ, которые поселились по берегамъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, арійцы были учениками семитовъ, но съ теченіемъ времени далеко превзошли своихъ учителей. Семиты стали играть второстепенную роль, уступивъ первое мѣсто арійцамъ.



Глиняный сосудъ изъ свайныхъ сооруженій на озерѣ Аттерскомъ.

Гораздо замѣтнѣе пошло впередъ совершенствованіе человѣка[1]) съ тѣхъ поръ, какъ появились государства. Но государства стали возникать только послѣ очень продолжительнаго времени.

Въ настоящее время въ каждомъ государствѣ люди живутъ семьями, т. е. небольшими обществами, состоящими изъ самыхъ близкихъ родныхъ. Но теперь семья, какъ бы она ни



Древнѣйшая ручная мельница.

была велика, не можетъ жить сама по себѣ, безъ сношеній съ другими людьми. Эти сношенія необходимы. Отцу семьи приходится посѣщать мѣсто своей службы, имѣть сношенія съ

---

[1]) Такое совершенствованіе называется латинскимъ словомъ прогрессъ, что значитъ движеніе впередъ.

другими, неродственными ему людьми по своимъ дѣламъ, такъ какъ безъ нихъ онъ и не можетъ вести своихъ дѣлъ; дѣтямъ



Дольменъ (во Франціи).

Вещи бронзоваго вѣка (изъ Шлезвигъ-Гольштейна).

приходится по необходимости посѣщать школу и т. д. Иначе обстояло дѣло въ доисторическую пору, когда еще не было

образованности, не было такихъ сложныхъ дѣлъ, которыя можно вести только сообща съ другими, и неродственными людьми. Въ древнѣйшую пору своего существованія люди жили только семьями. Родной близко держался родного человѣка, а чужого сторонился. Эти семьи все болѣе и болѣе росли, такъ какъ всѣ новые члены семьи оставались тутъ же. Такія семьи, увеличившіяся до огромныхъ размѣровъ, извѣстны подъ именемъ родовъ. Когда одинъ изъ такихъ родовъ слишкомъ разростался, изъ него выходили нѣкоторые члены и, поселившись на новомъ мѣстѣ, полагали начало новымъ родамъ.



Бронзовая лохань съ гравировкой по краямъ.

Старѣйшина рода, т. е. старшій въ немъ, былъ и правителемъ, т. е. слѣдилъ за порядкомъ и распредѣлялъ работы между другими членами рода, и судьею, а въ случаѣ надобности и предводителемъ. Законовъ еще не было, а судили на основаніи обычая, какъ судили предки, по преданію. Однимъ изъ такихъ обычаевъ была кровная месть. Этотъ обычай требовалъ, чтобы родъ мстилъ за убійство своего кровнаго, т. е. родного человѣка. Каждый родъ занималъ извѣстное пространство земли, которымъ и владѣлъ сообща. Такимъ образомъ, родъ представлялъ уже собою какъ бы маленькое госу-

дарство или скорѣе маленькое подобіе его. Такъ въ сѣменахъ многихъ растеній можно даже простымъ глазомъ разсмотрѣть крохотное подобіе будущаго растенія: въ немъ уже присутствуютъ всѣ главныя части будущаго большого растенія: корень, стебель и листья.

Но человѣкъ не могъ жить безконечное время **родовымъ бытомъ**. Чѣмъ развитѣе становился онъ, тѣмъ болѣе увеличивались его потребности. Стали встрѣчаться такія большія потребности, которыхъ не подъ силу было осуществить даже цѣлому роду. Съ другой стороны, и войско, которое выставлялъ одинъ только родъ, когда хотѣлъ или нападать, или защищаться отъ нападенія, могло также оказаться недостаточнымъ. Однимъ словомъ, различныя причины, дѣйствовавшія въ одно время, побуждали одинъ родъ сближаться съ другимъ. Когда нѣсколько родовъ соединялись въ одно цѣлое, совмѣстно работали, совмѣстно воевали противъ общихъ враговъ, возникали уже болѣе крупныя общества. Эти союзы, возникавшіе изъ соединенія нѣсколькихъ родовъ, стали называться **племенами**. И для общей большой работы, и для веденія войны, и для другихъ нуждъ необходимо было племени имѣть своего начальника. Начальникъ племени мало-по-малу пріобрѣталъ надъ своимъ племенемъ ту же власть, какую родовой старѣйшина имѣлъ надъ своимъ родомъ. Въ то же время изъ всего племени выдвигались отдѣльныя лица, благодаря своимъ способностямъ и заслугамъ. Они и ихъ потомки становились выше большей части племени. Такъ возникли **сословія**. Занятія стали распредѣляться болѣе правильно: одна часть племени



Бронзовая ваза, составленная изъ четырехъ частей.

занималась однимъ дѣломъ, другая — другимъ и т. д. Люди стали дѣлиться на группы и по роду своихъ занятій.

Съ теченіемъ времени племена, говорившія на одномъ и томъ же языкѣ, поклонявшіяся однимъ и тѣмъ же божествамъ, соединялись въ одно цѣлое. Эти новые союзы уже были государствами: появилась могущественная власть, издавались писанные законы, учреждались суды. Первобытная грубость постепенно смягчалась; развивались и становились совершеннѣе религіозныя вѣрованія; достигло болѣе или менѣе значительнаго развитія искусство, къ которому имѣлъ влеченіе еще доисторическій человѣкъ; улучшались ремесла; расширялась торговля; наконецъ, присущая человѣку любознательность положила начало наукѣ.

Древнѣйшія государства возникли на Востокѣ, тамъ же возникла и древнѣйшая образованность.

ДРЕВНІЙ ВОСТОКЪ.

Египетъ.

4. Природа Египта. Египетъ [1]) находится въ сѣверо-восточномъ углу Африки, орошаемомъ нижнимъ теченіемъ рѣки Нила. Большая часть сѣверо-восточной Африки представляетъ безплодныя—каменистыя или песчаныя—пустыни. Только коегдѣ пустыни эти оживляются небольшими клочками плодородной земли — оазисами. И Египетъ, раскинувшійся между пустынями, является какъ бы громаднымъ оазисомъ, рѣзко отличающимся отъ нихъ.

Въ незапамятныя времена часть Египта, прилегающая къ морю, составляла его заливъ. Сюда скатывались тѣ массы воды, которыя скоплялись далеко къ югу и юго-востоку отъ нынѣшняго Египта. Онѣ несли съ собою песокъ, которымъ и устилали Нильскую долину. Ежегодно наносилось сюда столько песку, что послѣдній постепенно заполнилъ и тотъ заливъ, на мѣстѣ котораго лежитъ теперь Нижній Египетъ. Сама рѣка встрѣтила въ этихъ грудахъ песку препятствіе для себя и раздѣлилась на рукава, образовавъ обширнѣйшую въ свѣтѣ дельту. Уже древніе объясняли себѣ именно такимъ образомъ появленіе Нижняго Египта. Доказательствомъ вѣрности такого взгляда они справедливо считали находимыя въ то время въ почвѣ Нижняго Египта морскія раковины и соль. Кромѣ песку мутныя воды рѣки приносили съ собою илъ. Этотъ илъ и создалъ ту замѣчательную почву, которая сдѣлала изъ Египта плодо-

[1]) Египтяне называли страну свою словомъ Кеми (черная земля). Египтомъ прозвали ее греки.

роднѣйшую страну въ мірѣ. На свою работу Нилъ потратилъ нѣсколько тысячъ лѣтъ. Такимъ образомъ, Египетъ по всей справедливости можетъ называться даромъ Нила, какъ прозвалъ его первый греческій историкъ Геродотъ.

Создавъ страну, Нилъ продолжалъ питать ее своими ежегодными разливами. Эти разливы, происходящіе всегда въ одно и то же время, вызываются періодическими дождями тропическаго пояса. Ихъ дѣйствіе обнаруживается въ іюнѣ мѣсяцѣ. Рѣка, сильно мелѣющая къ этому времени, начинаетъ постепенно подниматься, вливается въ многочисленные каналы, прорѣзывающіе ея долину, и, наконецъ, выступаетъ изъ береговъ. Самой большой высоты Нилъ достигаетъ въ первыхъ числахъ сентября (по нашему стилю), послѣ чего начинается постепенное пониженіе его уровня, пока въ январѣ мѣсяцѣ рѣка не войдетъ окончательно въ свое русло. Еще задолго до этого времени жители Египта принимаются за обработку полей, за посѣвы.

Удобренная нильскимъ иломъ, почва щедро вознаграждаетъ земледѣльца за его труды. Безъ всякаго преувеличенія можно сравнить въ такую пору Египетъ съ плодоноснѣйшимъ садомъ, который перемежается богатыми нивами. Благодаря теплому климату и постоянно ясному небу, въ Египтѣ растутъ на открытомъ воздухѣ и бананы, и пальмы, и апельсины, и маслины, и виноградъ. Въ настоящее время населеніе Египта разводитъ такія растенія, которыя были неизвѣстны древнимъ обитателямъ его. Зато древніе жители Египта пользовались въ изобиліи растеніями, встрѣчающимися въ наше время только въ рѣдкихъ случаяхъ или и вовсе невстрѣчающимися. Къ числу такихъ растеній относятся, напримѣръ, папирусъ и розовый лотосъ. И тотъ, и другой—водяныя растенія. Папирусъ произрасталъ въ изобиліи или въ медленно текущихъ, или въ стоячихъ водахъ. Во времена Геродота (т. е. за 400 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр.) египтяне употребляли папирусъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей: изъ толстыхъ стеблей связывали легкіе челноки, изъ тонкихъ—плели корзины; изъ папируса выдѣлывали канаты и паруса; корнемъ его пользовались, какъ прекраснымъ матеріаломъ для топлива, а молодые побѣги расте-



Нилъ и пирамиды.

нія употребляли даже въ пищу. Но особенно прославился папирусъ, какъ отличный матеріалъ для письма. Осторожно снимали египтяне тонкіе слои, облекающіе стволъ папируса, склеивали эти слои другъ съ другомъ такъ, чтобы волокна шли въ одномъ и томъ же направленіи, потомъ накладывали на нихъ рядъ новыхъ полосокъ, но уже такъ, чтобы волокна ихъ пересѣкали волокна нижняго ряда, и продолжали это дѣло до желаемой толщины. Получавшійся благодаря этому письменный матеріалъ носилъ названіе самого растенія. Сорта папируса различались толщиною, гладкостью, а также и своимъ



Цвѣтокъ лотоса.

цвѣтомъ. Писали на папирусѣ кистью, пользуясь при этомъ черною краскою; заглавныя буквы рисовали краскою краснаго цвѣта, а самый текстъ нерѣдко покрывали пестрыми рисунками. Въ настоящее время растеніе папирусъ представляетъ въ Египтѣ рѣдкое явленіе. Онъ растетъ еще и теперь, но гораздо южнѣе — подъ экваторомъ, въ странѣ озеръ. — Розовый-же лотосъ, этотъ красивый и благоуханный цвѣтокъ, теперь вовсе не встрѣчается въ Египтѣ. Его густыя заросли окаймляли когда-то всѣ водяные потоки какъ Верхняго, такъ и Нижняго Египта. Теперь же его можно видѣть только на фрескахъ (картинахъ, нарисованныхъ на стѣнахъ), украшающихъ

погребальныя комнаты древнихъ египтянъ. Онъ былъ любимымъ цвѣткомъ египтянъ, необходимою принадлежностью всѣхъ ихъ религiозныхъ и семейныхъ торжествъ.

5. Египтяне и вѣрованiя ихъ. За много тысячелѣтiй до Р. Хр. по берегамъ Нила жили люди чернаго племени. Они были совершенными дикарями и поклонялись различнымъ предметамъ видимаго мiра—солнцу, растенiямъ, скаламъ, животнымъ. Значительно позже, но все-же за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Хр., сюда пришелъ изъ Азiи народъ бѣлой расы, семитической вѣтви ея. Этотъ даровитый народъ принесъ въ

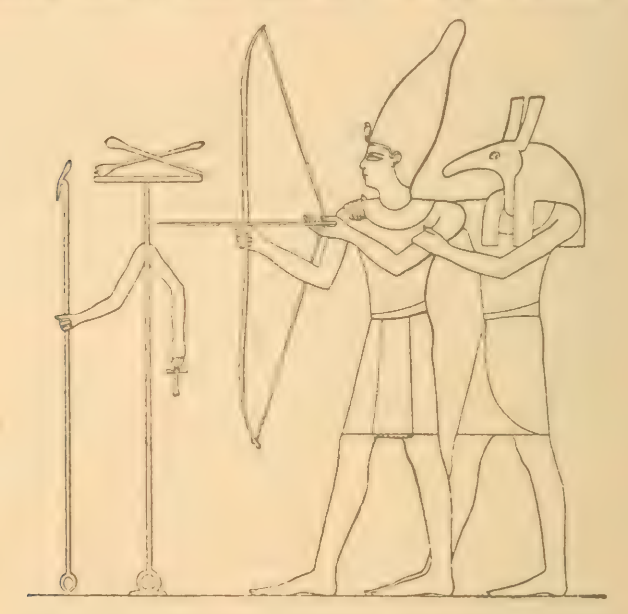


Сети I приноситъ жертву Осирису (тутъ же — Исида и сынъ ихъ Горъ).

долину Нила извѣстную образованность или культуру. Онъ прорѣзалъ долину множествомъ каналовъ, чѣмъ предотвратилъ вредъ отъ слишкомъ сильныхъ или наоборотъ—слишкомъ слабыхъ разливовъ рѣки. Въ случаѣ недостаточнаго разлива Нила сохранявшуюся въ вырытыхъ бассейнахъ воду снова направляли по каналамъ въ рѣку и такимъ способомъ орошали мѣста, которыя не были залиты наводненiемъ.

Но и пришельцы, подобно первобытнымъ жителямъ Египта, поклонялись видимымъ явленiямъ природы, т. е. непосредственно солнцу, рѣкѣ Нилу и т. под. Только съ теченiемъ

времени стали представлять себѣ египтяне боговъ, существующихъ отдѣльно отъ явленій природы и управляющихъ ими. Они давали этимъ божествамъ имена и представляли себѣ ихъ въ томъ или другомъ видѣ. Такъ какъ пришельцы не создали сразу единаго государства, но образовали въ Египтѣ цѣлый рядъ самостоятельныхъ общинъ или номовъ, то и божества носили въ разныхъ мѣстахъ различныя наименованія, и о нихъ слагались разнообразныя сказанія. Когда отдѣльныя общины соединились подъ одною властью, тогда и божества нѣкото-



Богъ Сетъ учитъ царя Тутмоса III стрѣлять изъ лука.

рыхъ изъ нихъ сдѣлались общими божествами. Таковы были: Ра и Осирисъ. Ра былъ богомъ солнца, творцомъ вселенной, то милостивымъ, то грознымъ. Подъ именемъ Осириса поклонялись божеству плодородной земли. Поклонялись египтяне и богинѣ Исидѣ, супругѣ Осириса. Изъ другихъ многочисленныхъ боговъ особеннымъ поклоненіемъ пользовался у египтянъ Тотъ, богъ мудрости и правды, руководитель усопшихъ въ ихъ странствованіяхъ въ загробной жизни. Но, кромѣ благодѣтельныхъ боговъ, у египтянъ были и злотворныя божества. Таковымъ былъ Сетъ. Подъ именемъ Сета египтяне

олицетворяли сосѣднюю пустыню, откуда дулъ временами раскаленный вѣтеръ, засыпавшій нивы Египта вреднымъ для нихъ пескомъ. Сетъ былъ такимъ образомъ врагомъ Осириса и



Египетскія вазы для храненія вынутыхъ у покойника внутренностей. Крышки вазъ изображаютъ четырехъ демоновъ, подъ защиту которыхъ ставили внутренности.

Исиды. Эту вражду изображали египетскія сказанія. Злой Сетъ, коварно напавъ на Осириса, по одному сказанію, разрѣзалъ его на части, по другому — заманилъ его въ гробъ и

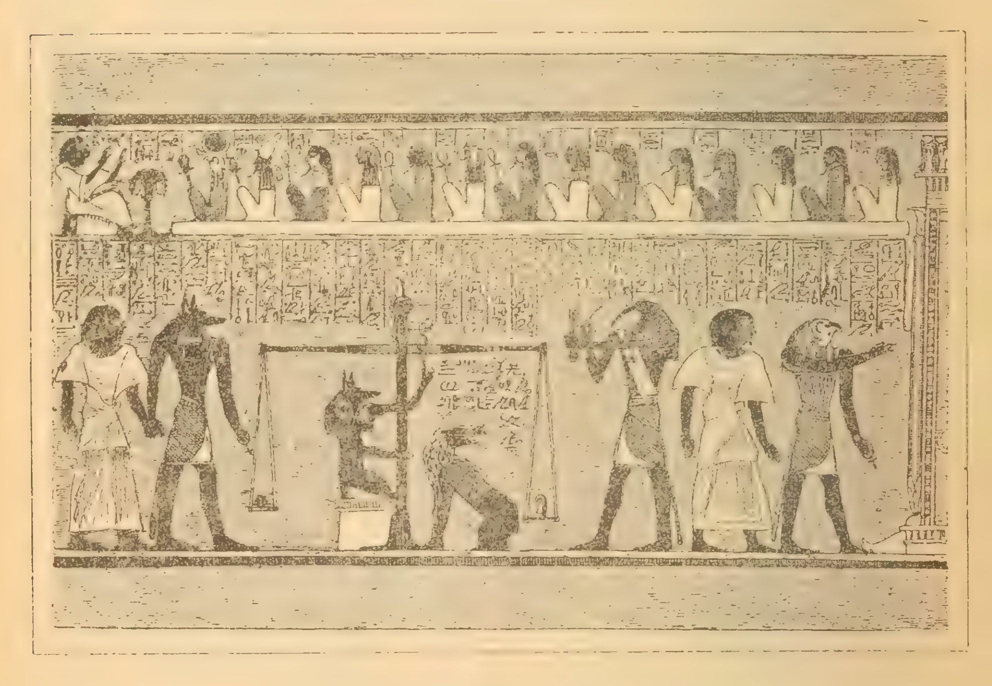


Закрытый саркофагъ съ муміей.

заколотилъ послѣдній. Долго плакала неутѣшная Исида и искала Осириса. Но вотъ у нея родился сынъ Г о р ъ. Онъ воскресилъ своего отца и побѣдилъ Сета, но не уничтожилъ

его, почему и пришлось ему уступить. Осирисъ остался жить въ преисподней, Горъ взялъ себѣ день, а ночь принужденъ былъ уступить Сету.

Очень часто египетскіе боги изображались въ видѣ людей съ головою какого-либо животнаго, посвященнаго данному божеству. Такъ напр., богиню Исиду изображали съ головою коровы, бога Тота — съ головою священной птицы ибиса и т. под.



Душа умершаго передъ судомъ Осириса.

Египетское простонародье было проникнуто грубымъ суевѣріемъ. И до позднѣйшихъ временъ существованія Египта простой народъ поклонялся животнымъ. При этомъ одни животныя почитались въ одной мѣстности, другія — въ другой. Но особеннымъ поклоненіемъ пользовался быкъ Аписъ. У него было много примѣтъ, отличавшихъ его отъ другихъ быковъ. Найти такого быка было нелегко, а потому эта находка становилась праздникомъ для всего Египта. И владѣлецъ найденнаго Аписа, и жрецъ, его нашедшій, щедро вознагражда-

лись. Найденнаго Аписа привозили въ Мемфисъ ночью, при восходѣ луны, въ раззолоченной баркѣ. Аписъ помѣщался въ храмѣ, и здѣсь служили ему. Сюда приходили всѣ, желавшіе узнать будущее. При этомъ примѣнялись различные способы гаданія.

Наиболѣе развитые люди имѣли о богахъ болѣе возвышенныя представленія. Они считали вселенную созданіемъ Единаго Бога. Таковы были вѣрованія жрецовъ, но они таили свои вѣрованія и поддерживали суевѣріе толпы.

Египтяне вѣровали, что душа человѣка продолжаетъ жить и послѣ смерти его. Отдѣлившись отъ своего тѣла, она является въ подземномъ царствѣ Осириса, передъ престоломъ послѣдняго, передъ 42-мя судьями. Осужденная душа подвергается мученію и наконецъ уничтожается. Оправданная же проходитъ рядъ испытаній, пока не очистится совершенно. Въ древнемъ Египтѣ существовалъ обычай сохранять тѣла умершихъ, не допускать ихъ до гніенія, бальзамировать ихъ. Изъ трупа вынимали внутренности и помѣщали ихъ въ особыхъ вазахъ. Самые-же трупы предохранялись отъ разложенія посредствомъ различныхъ составовъ. Набальзамированныя тѣла назывались муміями и помѣщались въ особыхъ гробахъ или саркофагахъ. Множество мумій сохранилось до нашего времени.

6. Египетскіе цари или фараоны. Съ древнѣйшихъ временъ во главѣ Египта стояли цари, называвшіеся фараонами. Вступая на престолъ, фараонъ, уже получившій имя при своемъ рожденіи, принималъ второе имя, которое заимствовалось большею частью отъ имени какого-нибудь божества. Оба имени считались священными, и, когда ихъ писали, то окружали обыкновенно оваломъ (растянутымъ кругомъ), въ знакъ особаго почитанія. Изготовляя статую царя, художникъ дѣлалъ ее въ размѣрахъ, значительно превышавшихъ естественные размѣры. Иногда эти статуи были прямо колоссальными. Послѣ смерти фараона ему поклонялись, какъ божеству. Въ позднѣйшее время въ честь фараонов воздвигались храмы еще при жизни.

Въ обыкновенное время фараонъ одѣвался и жилъ просто. Только въ торжественныхъ случаяхъ онъ являлся передъ на-

родомъ со всѣми принадлежностями своего сана. Голова фараона, умащенная благоуханнымъ елеемъ, была покрыта короною. Въ рукахъ у него были жезлъ и бичъ. Престолъ фараона былъ осѣненъ балдахиномъ, который поддерживался ко-



Фараонъ даетъ аудіенцію правителю Эѳіопіи (Фараонъ въ шлемѣ, съ бичомъ и жезломъ въ лѣвой рукѣ; у правителя въ лѣвой рукѣ — жезлъ, въ правой — опахало, какъ знакъ его сана).

лонками, съ капителями (верхушками) въ видѣ распустившагося лотоса. Когда фараонъ созывалъ совѣтъ для рѣшенія какого-либо вопроса, совѣтники являлись къ царю съ поднятыми вверхъ руками, какъ бы молясь ему; затѣмъ они падали ницъ и оставались въ такомъ положеніи, пока имъ объявля-

лось, зачѣмъ они были созваны. Прежде всего совѣтники отвѣчали фараону гимномъ, въ которомъ воспѣвались мудрость, справедливость и могущество царя. И только послѣ совершенія этого необходимаго обряда какое-либо выдающееся лицо высказывало свое мнѣніе. Но и это мнѣніе обязательно начиналось съ прославленія фараона. Такимъ образомъ, вокругъ него, во всѣхъ случаяхъ его государственной дѣятельности, раздавались хвалебные гимны, передъ нимъ благоговѣйно воздѣвали руки, падали на колѣна. Фараонъ считался олицетвореніемъ божества. По мнѣнію народа, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ богами. Вотъ почему, обращаясь съ молитвою или принося жертву тому или другому божеству, каждый египтянинъ обращался къ ходатайству своего фараона. Думали, что только при посредствѣ фараона молитва и жертва обыкновеннаго смертнаго дойдутъ до боговъ. Египтяне полагали, что боги сами бесѣдуютъ съ фараономъ, являясь ему въ сновидѣніяхъ.

7. Жрецы, воины и народъ. Господствующими сословіями въ Египтѣ были жрецы и воины. Вмѣстѣ съ фараономъ они были единственными землевладѣльцами въ странѣ. Жрецы были не только близкими людьми при дворѣ фараона, но и занимали высшія государственныя должности. Получая большіе доходы со своихъ земель, не платя поземельныхъ налоговъ, они кормились на счетъ людей, приносившихъ жертвы. Ежедневно они ухаживали за статуями боговъ, одѣвали ихъ и предлагали имъ жертвенное мясо, совершая кажденіе и произнося установленныя на каждый случай слова. Въ праздники они устраивали процессіи (торжественныя шествія), въ которыхъ носили статую бога, заключенную въ ковчегъ, или возили ее на священной баркѣ по Нилу. Иногда они изображали въ лицахъ то или другое сказаніе (миѳъ) о божествѣ. Жрецы содержали себя въ высшей степени опрятно: мылись по четыре раза въ сутки, брились черезъ каждые три дня, носили полотняныя рясы и башмаки изъ папируса. При обыкновенныхъ условіяхъ преданные фараону, жрецы могли быть очень опасными для него. Одинъ изъ фараоновъ (Аменготепъ IV или Аменофисъ) задумалъ, было, измѣнить египет-

скую народную религію. Онъ хотѣлъ уничтожить въ Египтѣ многобожіе и установить новое религіозное ученіе. Это ученіе объявляло творцомъ и промыслителемъ міра солнечнаго бога (Атона). Аменготепъ поднялъ цѣлое гоненіе на древнюю религію: разбивалъ статуи боговъ, стиралъ ихъ имена съ различныхъ памятниковъ, разрушалъ ихъ храмы. Тогда жрецы возстали противъ своего фараона. Возбуждаемый жрецами, народъ поднялъ ропотъ. Фараонъ, не считая себя болѣе въ безопасности въ г. Ѳивахъ, покинулъ ихъ и поселился въ пустынной и уединенной мѣстности. Сюда были переведены присутственныя мѣста и государственный архивъ. Здѣсь были выстроены новый дворецъ и храмъ въ честь новаго бога. Но, какъ только умеръ царь, жрецы подняли народный мятежъ. И храмъ, и дворецъ ненавистнаго имъ фараона были разрушены, его статуи разбиты, имя его стерто со всѣхъ памятниковъ. Жрецы не пощадили ни гробницы, ни муміи царя. Гробница была разбита въ дребезги, покровъ съ его муміи растерзанъ. Мѣстопребываніе усопшаго было предано жрецами проклятію и должно было оставаться навсегда необитаемымъ.

Слѣдующее мѣсто за жрецами занимали воины. Подобно жрецамъ и они не платили поземельной подати. Двѣ тысячи изъ среды воиновъ поступали ежегодно въ царскую гвардію и во время своей годовой службы получали, кромѣ своихъ обыкновенныхъ доходовъ, мясо, хлѣбъ и вино со стола фараона. Оружіе воиновъ состояло изъ луковъ, мечей, кинжаловъ и палокъ. Головы защищались шлемами. Для отраженія непріятельскихъ стрѣлъ и ударовъ служили щиты. Необходимою принадлежностью египетскаго войска были боевыя колесницы. Войска у фараоновъ было много, и съ финикійскаго побережья направлялись къ фараонамъ постоянныя просьбы о присылкѣ войска противъ Хеттовъ [1]). Азіатскіе правители, привѣтствуя въ дошедшихъ до нашего времени письмахъ фараона, посылали поклоны не только его женамъ и дѣтямъ, но также и его «конямъ, колесницамъ и многочисленнымъ воинамъ».

---

[1]) До сихъ поръ еще не могутъ быть разобраны письмена этого восточнаго народа.

Египетскіе воины очень дорожили своими правами и не желали дѣлиться ими съ посторонними. Греческій историкъ Геродотъ разсказываетъ, что они сочли себя сильно оскорбленными, когда одинъ изъ египетскихъ царей (Псамметихъ) набралъ себѣ воиновъ изъ среды грековъ. Недовольные, по его словамъ, покинули Египетъ въ количествѣ 200.000 человѣкъ и удалились въ Эѳіопію. Разсказъ этотъ относится, впрочемъ,



Статуя неизвѣстнаго писца (находится въ Луврѣ).

къ позднѣйшему времени египетской исторіи. Вообще же египтяне относились къ чужеземцамъ неблагосклонно.

Низшія сословія составляли въ Египтѣ ремесленники, земледѣльцы и пастухи. Египетскіе ремесленники хорошо приготовляли льняныя и шерстяныя ткани и прекрасно окрашивали ихъ. Они изготовляли превосходныя издѣлія изъ золота, серебра и бронзы. Имъ извѣстно было также употребленіе фаянса, стекла и эмали. Славилась и египетская мебель. Но труже-

ники, создававшіе такіе прекрасные предметы, какъ необходимости, такъ и роскоши, вели незавидный образъ жизни. Они добывали себѣ ровно столько, сколько необходимо было для пропитанія себя и своей семьи. Жили они въ невзрачныхъ домишкахъ, съ самою простою обстановкой, работали отъ восхода солнца до его заката, съ небольшими перерывами. Были и такіе, которые работали до поздней ночи. Такое положеніе ихъ объясняется ничтожными размѣрами заработка. Почти всегда имъ платили не деньгами, а натурой: небольшими мѣрами масла, солониной, а въ праздники — двумя или тремя кувшинами вина или пива. Тяжелою стороною ихъ жизни были и тѣ побои, которые получали они отъ своихъ надсмотрщиковъ. Но египетскій рабочій выносилъ безропотно свою тяжелую долю и даже отличался своею веселостью.

Наиболѣе распространеннымъ занятіемъ у египтянъ было земледѣліе. Земледѣльцы не были собственниками полей, которыя обрабатывали. Работали они много, и потребности ихъ были самыя ограниченныя. «Всякій землепашецъ—по словамъ одного папируса—проводитъ жизнь среди своего скота... Если онъ здоровъ, то здоровъ среди своихъ животныхъ, если боленъ, то постелью ему служитъ земля также среди его скота. Едва онъ успѣетъ вернуться вечеромъ въ свой домъ, въ свой огородъ, какъ ему уже нужно уходить».

Пастухи большею частью проводили жизнь особнякомъ, непрерывно перекочевывая, пока еще была трава, съ одного мѣста на другое. Ихъ сторонились и даже побаивались.

Въ общемъ египтяне обладали серьезнымъ, но вмѣстѣ и общительнымъ характеромъ. Нравы ихъ отличались большею мягкостью, чѣмъ нравы другихъ народовъ древняго Востока, и въ числѣ ихъ лучшихъ качествъ можно назвать уваженіе къ человѣческой жизни, не исключая жизни рабовъ, уваженіе къ старости, любовь къ труду, добрыя дѣла. Они пользовались крѣпкимъ здоровьемъ и избѣгали всякихъ излишествъ.

8. **Египетская наука и письменность**. Изученіе памятниковъ древняго Египта показываетъ, что въ Египтѣ учились и учили только тому, что потребно для жизни. Поэтому и всѣ знанія египтянъ имѣли, какъ говорятъ, практическій характеръ. Образованіе получали только жрецы и чиновники. Будущихъ чиновниковъ обучали только тому, чего

потребуетъ отъ нихъ служба, а требовала она, конечно, очень немногаго. Знанія египетскихъ жрецовъ были далеко не блестящими.

Наибольшихъ успѣховъ достигли египетскіе ученые въ области математики и медицины. Исторіи, въ полномъ смыслѣ этого слова, не существовало вовсе. Составлялись списки царей, жизнеописанія, наконецъ—записывались безъ всякой провѣрки всевозможныя сказанія и легенды. Что касается географіи, то здѣсь все ограничивалось составленіемъ списковъ покоренныхъ городовъ да описаніями путешествій египтянъ, преимущественно по Сиріи. Да и здѣсь почти все сводилось къ различнымъ похожденіямъ и приключеніямъ, такъ что труды эти можно назвать географическими романами. Сохранились сочиненія, въ которыхъ описываются растенія и камни, но описанія эти также имѣли въ виду ту или другую житейскую надобность: растенія описывали или лѣкарственныя, или такія, которымъ приписывали волшебную силу; описывая камни, имѣли въ виду постройки и т. п.

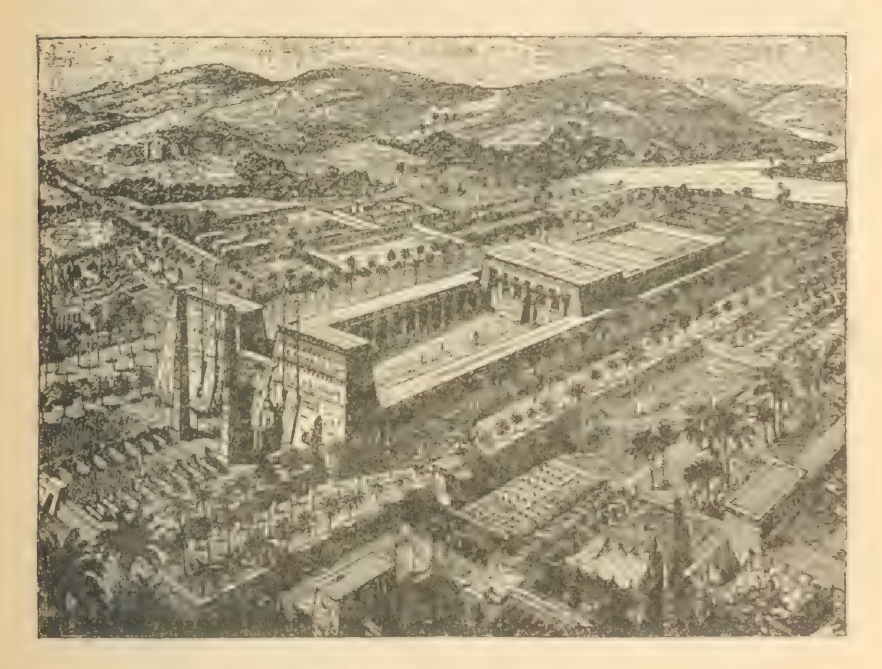
Іероглифы (часть Розеттскаго камня. Камень этотъ находится въ Лондонѣ, въ Британскомъ музеѣ).

Настоящее изученіе древняго Египта началось только съ тѣхъ поръ, какъ ученые научились разбирать древне-египетскія письмена или іероглифы. Знаки этого письма были первоначально изображеніемъ того предмета, о которомъ шла рѣчь: такъ напримѣръ, слова левъ, корона передавались рисунками, изображающими льва и корону. Для изображенія понятій отвлеченныхъ пользовались условными знаками. Наконецъ появились знаки, которыми обозначался тотъ или другой звукъ, какъ это существуетъ въ алфавитахъ. У египтянъ въ одной и той же надписи, въ одной и той же фразѣ, а иногда въ одномъ и томъ же словѣ употреблялись заразъ знаки, имѣвшіе всѣ три значенія: тутъ были и изображенія словъ въ видѣ рисунковъ, и условные знаки, и знаки, соотвѣтствовавшіе нашимъ буквамъ.

Разбирать іероглифы начали европейскіе ученые по слѣдующему поводу. Въ 1798 году Наполеонъ-Бонапартъ предпринялъ походъ въ Египетъ. Ученые и художники, находившіеся въ его свитѣ, съ большимъ интересомъ обратились къ изученію египетскихъ древностей. Съ этою цѣлью былъ даже основанъ институтъ въ г. Каиро. Разборъ іероглифовъ начался по надписи на камнѣ, найденномъ въ г. Розеттѣ. На этомъ камнѣ находилась надпись, сдѣланная египетскими письменами; тутъ-же былъ и греческій переводъ ея. Французскій ученый Шампольонъ, сопоставляя царскія имена, обведенныя овалами, съ ихъ греческимъ начертаніемъ, открылъ ключъ къ чтенію іероглифовъ. Въ 1822 году онъ сдѣлалъ во Французской Академіи сообщеніе о своемъ открытіи. Но этотъ геніальный человѣкъ составилъ не только азбуку, но и словарь, и грамматику.

9. Искусство въ древнемъ Египтѣ. Изъ памятниковъ египетской архитектуры, сохранившихся до нашего времени, первое мѣсто занимаютъ храмы. Каждый изъ египетскихъ храмовъ былъ въ то же время и сильною крѣпостью. Храмъ окружался съ трехъ сторонъ высокою и толстою стѣною (саженей въ 5 толщины). Стѣна эта замыкала въ себѣ огромное пространство земли. На четвертой сторонѣ, обращенной обыкновенно къ Нилу, устраивался самый фасадъ (передняя часть сооруженія). По сторонамъ входной двери возвышались два пилона, четырехгранныя, суживающіяся въ верху башни съ плоскими кровлями. Часто по обѣимъ сторонамъ входной двери ставились или огромныя статуи, или обелиски, высокіе, четырехгранные, высѣченные изъ цѣльнаго камня столбы съ

заостреннымъ верхомъ. Надъ входной дверью, какъ и надъ всѣми другими, высѣкался крылатый дискъ солнца съ двумя обвивающими его змѣями, бывшій священнымъ символомъ (знакомъ) Осириса. Войдя въ дверь, посѣтитель вступалъ въ обширный дворъ, окруженный крытыми колоннадами. За первымъ дворомъ устраивался иногда второй, ему подобный. Пройдя дворы, посѣтитель входилъ въ обширную храмовую

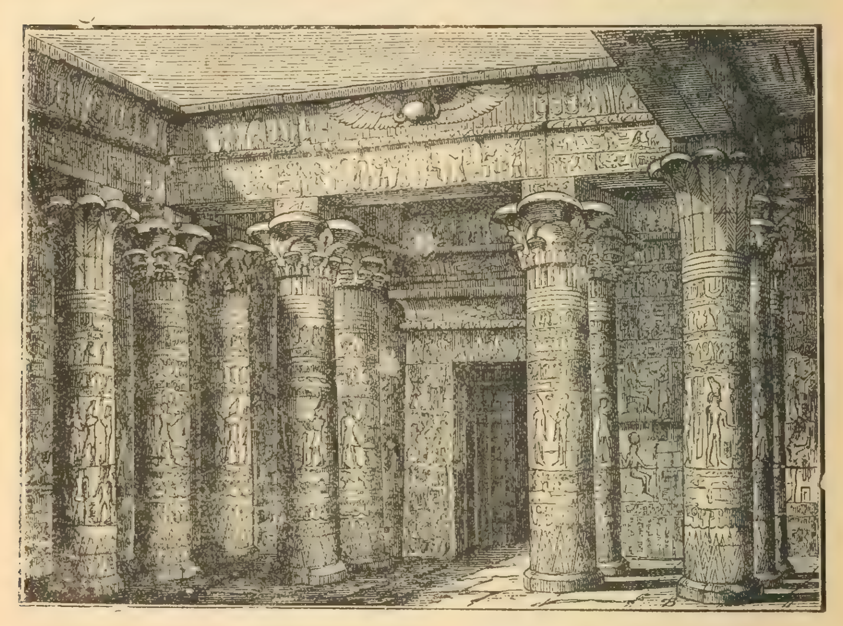


Общій видъ египетскаго храма.

залу, раздѣленную колоннами на нѣсколько частей. Дневной свѣтъ проникалъ сюда сквозь четыреугольныя окна, продѣланныя въ боковыхъ стѣнахъ. Въ эту залу, гдѣ собирались вѣрующіе, выносили для поклоненія изваянья божествъ и другіе священные предметы. За главной залой находилась другая зала, за ней еще рядъ различныхъ помѣщеній, въ концѣ же храма было расположено святилище. Оно представляло собою небольшую, низкую и совсѣмъ темную комнату, въ которой хранились изображенія божествъ. Вокругъ святилища находилось еще нѣсколько помѣщеній. Наружныя стѣны храма, его

пилоны, стѣны и потолки внутреннихъ помѣщеній, а также и колонны были въ изобиліи покрыты высѣченными изъ камня и пестро раскрашенными священными изображеніями и письменами.

Обширными размѣрами отличались и дворцы фараоновъ. Но особенное вниманіе во всѣ времена обращали и обращаютъ на себя ихъ усыпальницы, пирамиды. Это—огромныя, четырехстороннія, суживающіяся къ верху сооруженія



Часть храмового двора съ колоннами.

изъ камня. Они строились уже за 4000 лѣтъ до Р. Хр. Самыя большія изъ пирамидъ расположены недалеко отъ г. Каиро (близъ древняго Мемфиса), на лѣвомъ берегу Нила. Внутри пирамидъ устраивались комнаты съ полами, стѣнами и потолками изъ полированнаго гранита. Одна изъ нихъ назначалась для погребенія царя, другая—царицы. Гробницы, въ которыхъ помѣщались ихъ муміи, также дѣлались изъ полированнаго камня. Самая высокая изъ пирамидъ — пирамида фараона Хеопса (или Хуфу). Ея вышина доходитъ до 69 саженей.

Изъ другихъ архитектурныхъ сооруженій путешествовав-

шаго по Египту греческаго историка Геродота особенно поразилъ лабиринтъ, дворецъ, воздвигнутый нѣсколькими фараонами. Это было огромное четыреугольное зданіе, занимавшее слишкомъ три десятины. Оно вмѣщало въ себѣ 3.000 комнатъ.

Египетская скульптура не достигла большого развитія. Въ египетскихъ статуяхъ почти всегда руки и ноги тѣсно прижаты къ тѣлу. Если изображенія боговъ и дѣлались иногда въ чисто человѣческомъ видѣ, то и въ такихъ случаяхъ они сохраняли на себѣ какой-нибудь признакъ ихъ обычнаго из-



Египетскіе скульпторы (изображеніе, найденное въ одной изъ египетскихъ усыпальницъ).

браженія въ формѣ животныхъ или людей съ головами животныхъ. Такъ, напримѣръ, если Исида имѣла женскую голову, то головнымъ уборомъ ея служили коровьи рога. Но съ теченіемъ времени египетскіе скульпторы начали создавать довольно естественныя изображенія людей. Особенно это стремленіе къ правдѣ замѣтно на нѣкоторыхъ дошедшихъ до нашего времени статуеткахъ [1]). Оригинальными произведеніями египетской скульптуры были сфинксы. Это—каменныя изваянія фантастическихъ чудовищъ съ львинымъ туловищемъ и человѣческою головою. Лицу обыкновенно придавали сходство съ

[1]) Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія предметы, помѣщенные въ шкафахъ египетскаго отдѣленія Эрмитажа.

лицомъ царствовавшаго фараона. Какъ фараонъ былъ хранителемъ всего Египта, такъ и сфинксъ считался могущественнымъ охранителемъ храмовъ и гробницъ. Къ воротамъ храма вела обыкновенно цѣлая аллея, по сторонамъ которой устанавливались сфинксы различной длины и ширины. Въ Карнакскомъ



Женская статуя (находится въ Каирскомъ музеѣ въ Египтѣ).

храмѣ аллея изъ сфинксовъ тянулась на 2 версты, при чемъ по обѣимъ сторонамъ ея было установлено по 500 сфинксовъ. Самый большой изъ сфинксовъ находится недалеко отъ величайшихъ пирамидъ.

Въ живописи египтяне не были знакомы съ перспективою: всѣ предметы изображались на одной плоскости. Туловища

сплошь и рядомъ рисовались en face, а головы въ профиль. Краски были ярки, безъ перехода изъ одного тона въ другой. Человѣческое тѣло и на свѣту, и въ тѣняхъ писалось одною и тою же краскою. Египтянъ рисовали коричневато-красною краской, египтянокъ — желтовато-розовой.

10. Краткій очеркъ историческихъ судебъ Египта. Въ точности неизвѣстно, когда образовалось Египетское государство. Большинство ученыхъ относитъ образованіе его къ началу четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. По климату и характеру мѣстности Египетъ дѣлится на двѣ части—Верхній



Сфинксъ изъ Таниса [1]).

и Нижній Египетъ. Въ древнѣйшее время обѣ эти части представляли независимыя одно отъ другого государства. Потомъ они слились въ единое государство, но цѣлый рядъ явленій въ жизни египтянъ указывалъ на первоначальную двойственность, и даже у фараона было двѣ короны—бѣлая (Верхняго) и красная (Нижняго Египта). Кромѣ того, и каждая изъ двухъ главныхъ частей состояла изъ нѣсколькихъ маленькихъ областей. Эти области, называвшіяся у грековъ номами, существовали во все продолженіе египетской исторіи. Онѣ то сливались съ другими въ одно цѣлое, то становились само-

[1]) Танисъ — городъ въ Дельтѣ. Этотъ городъ былъ любимой резиденціей фараона Рамзеса II Мейамуна.

стоятельными. Все зависѣло отъ того, какой правитель стоялъ во главѣ всего государства, сильный или слабый.

Всю исторію Египетскаго государства дѣлятъ обыкновенно на три періода. Первый изъ нихъ называютъ періодомъ Древняго царства, второй—Средняго, а послѣдній—Новаго царства.

Первому фараону, Минѣ, кромѣ соединенія Верхняго и Нижняго Египта, приписывается рядъ мѣръ, которыя дѣлали разливы Нила болѣе равномѣрными. Достигалось это прорытіемъ каналовъ и устройствомъ шлюзовъ. Вообще фараоны Древняго царства [1]) много способствовали благосостоянію Египта: уже въ эту пору въ Египтѣ процвѣтало горнодѣліе, и строились корабли. Къ этому же времени относится и сооруженіе самыхъ высокихъ пирамидъ. Всѣ эти работы стоили народу огромнаго труда. Къ счастію, фараоны Древняго царства отличались миролюбіемъ. Если они и предпринимали походы, то дѣлали это только для того, чтобы защитить свою страну отъ варваровъ, жившихъ къ сѣверо-востоку и къ югу отъ Египетскаго государства. Борьбою съ этими варварами были заняты многіе фараоны, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны два—Снофру и Хуфу или Хеопсъ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ египетскихъ барельефовъ [2]) изображаетъ фараона Снофру поражающимъ кочевниковъ пустыни. Съ именемъ Хуфу, какъ мы уже знаемъ, связывается построеніе высочайшей изъ всѣхъ пирамидъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи Средняго царства [3]) было усиленіе правителей номовъ (номарховъ). Вся страна какъ бы разбилась на отдѣльныя государства, владѣтели которыхъ превратились въ маленькихъ фараоновъ. Они во всемъ подражали главному фараону. У каждаго изъ нихъ былъ свой собственный дворъ, свое управленіе, въ честь каждаго изъ нихъ строились храмы. Нѣкоторое время это раздѣленіе страны не мѣшало ея благосостоянію, тѣмъ

---

[1]) Столицею государства былъ въ этомъ періодѣ г. Мемфисъ.

[2]) Барельефомъ называютъ скульптурное произведеніе, фигуры котораго выступаютъ на плоскости не болѣе, какъ на половину своей толщины.

[3]) Столица была перенесена въ г. Ѳивы.

болѣе, что многіе фараоны умѣли сдерживать номарховъ, строили храмы по всей странѣ и дѣлали все необходимое для того, чтобы разливы Нила были болѣе равномѣрными. Они предпринимали рядъ походовъ на югъ, въ Нубію, чтобы за-



Рамзесъ II Мейамунъ (эта статуя находится въ Туринѣ—въ сѣверной Италіи).

владѣть верхнимъ теченіемъ рѣки до ея второго водопада. Кромѣ того, Нубія привлекала ихъ богатствомъ своихъ золотыхъ рудниковъ. Особенно добрую память оставили по себѣ фараоны XII-ой династіи. Но послѣ свѣтлой поры XII-ой ди-

настіи наступило смутное время. Власть фараоновъ стала падать; опять усилились правители номовъ. Въ раздробленной странѣ наступили междоусобія. Постоянными безпорядками воспользовались внѣшніе враги. Древніе сообщаютъ, что въ это время Египетъ подвергся завоеванію со стороны гиксосовъ, пришедшихъ изъ Азіи. Чужеземное иго дало себя чувствовать. Египтяне вступили въ борьбу съ завоевателями. Борьба эта, по необходимости, сближала отдѣльныя части Египта между собою и увѣнчалась успѣхомъ: гиксосы были изгнаны (царемъ Яхмосомъ).

Со времени изгнанія гиксосовъ Египетъ зажилъ новою жизнью. Наступилъ періодъ Новаго царства. Египтяне расширили въ это время свои владѣнія до береговъ Тигра и Евфрата на сѣверо-востокѣ и до Голубого Нила на югѣ. Наиболѣе извѣстными фараонами этого періода были славнѣйшій изъ нихъ Тутмосъ III, Сети I и Рамзесъ II Мейамунъ, самый тщеславный изъ всѣхъ египетскихъ царей. Но стремленія фараоновъ утвердить свое владычество въ Сиріи встрѣтило серьезное препятствіе со стороны хеттовъ, населявшихъ сѣверную Сирію. Съ другой стороны, трехвѣковыя войны совершенно истощили народъ. Прошло то время, когда онъ интересовался безконечными рядами плѣнныхъ и рабовъ, слѣдовавшихъ за колесницей побѣдителя, а также и животными, растеніями и различными предметами добычи. Египтяне уже нуждались въ спокойствіи. Но завоевательныя стремленія Египта создали ему много враговъ. Пользуясь вновь возникшими въ немъ смутами, враги стали отторгать отъ Египта одну область за другою. Много бѣдъ причинили египтянамъ цари вновь возникшаго въ Азіи Ассирійскаго царства, а въ 525 году до Р. Хр. Египетъ былъ завоеванъ персидскимъ царемъ Камбизомъ, при фараонѣ Псаметихѣ III.

Народы Месопотаміи.

11. Природа Сеннаара и его древнѣйшія государства. Подъ именемъ Сеннаара разумѣлась та часть Месопотаміи, гдѣ находился городъ Вавилонъ, и пространство, расположенное далѣе на югъ до самаго Персидскаго залива. Вся эта мѣстность

представляла голую и безплодную равнину. Плодородными были только берега рѣкъ Тигра и Евфрата да тѣ мѣста, гдѣ была ключевая вода. Тигръ и Евфратъ впадали въ заливъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и только нѣсколько тысячъ лѣтъ спустя слились въ одно устье. Поверхность той части равнины, которая прилегала къ заливу, была поразительно однообразна: ни одного холмика не поднималось на всемъ ея протяженіи. Отъ Евфрата, плохо сдерживаемаго своими берегами, направлялись вѣтви на востокъ и на западъ: однѣ изъ нихъ сливались съ Тигромъ, другія терялись въ болотахъ. Та почва, до которой не доходила вода, высыхала отъ жаркихъ солнечныхъ лучей, становилась твердою, какъ камень, или совершенно исчезала подъ песками, заносившимися вѣтромъ изъ пустыни. Другія мѣста, затопленныя водою, превращались въ болота, заражавшія воздухъ: на этихъ болотахъ росъ колоссальный тростникъ. Но, несмотря на все это, по берегамъ двухъ большихъ рѣкъ и тамъ, гдѣ были ключи, пышно росли пшеница и финиковая пальма. Урожай хлѣба былъ прямо баснословный: самъ 200, а иногда и самъ 300. Финиковая пальма доставляла цѣлый рядъ предметовъ, удовлетворявшихъ потребностямъ населенія: изъ нея приготовляли особый родъ хлѣба, вино, ткани и т. п. Рѣки изобиловали рыбой. Всѣ эти благопріятныя особенности страны дѣлали ее удобною для заселенія. Вотъ почему уже въ глубокой древности страна эта была заселена. Древнѣйшими поселенцами края были **сумеры** и **аккадьяне**[1]), первые семиты, вторые — неизвѣстной расы. Народы эти выработали письменность, положили начало горнодѣлію, искусству рыть каналы. Безъ послѣднихъ занятая ими страна превратилась бы въ нездоровое болото. Они же стали дѣлать изъ глины кирпичи, а изъ кирпичей воздвигать постройки. Отъ первыхъ поселенцевъ Сеннаара сохранились литературныя произведенія религіознаго содержанія. У нихъ уже процвѣтали математика и астрономія. Они раздѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ; ихъ часъ дѣлился на 60 минутъ. Они же

[1]) **Сумеры** жили у самаго залива (въ южной Вавилоніи), **аккадьяне** сѣвернѣе ихъ (въ сѣверной Вавилоніи).

раздѣлили небо на шесть частей, состоявшихъ изъ 60-ти градусовъ. Наша недѣля ведетъ свое происхожденіе отъ нихъ же. Все это кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что относится къ очень далекому отъ насъ времени (за семь съ половиною тысячъ лѣтъ до Р. Хр.).

Поселившись въ Сеннаарѣ, сумеры и аккадьяне не образовали здѣсь одного государства, но вся страна была подѣлена ими на множество мелкихъ областей. Главнымъ мѣстомъ каждой изъ нихъ былъ городъ. Всѣ эти города славились храмами, посвященными тому или другому божеству, и управлялись правителями, которые назывались князьями-жрецами. Правители эти непрерывно воевали другъ съ другомъ, такъ какъ каждый изъ нихъ стремился подчинить себѣ всѣхъ остальныхъ правителей и сдѣлаться главнымъ надъ ними. Когда правителю какого-либо изъ городовъ удавалось достигнуть главенства, онъ начиналъ себя называть царемъ. Такихъ царей появлялось и по нѣскольку заразъ. Они воевали не только между собою, но и съ полукочевыми народами, жившими къ западу отъ рѣки Евфрата, и покорили ихъ себѣ.

12. Семиты и Вавилонъ. Еще въ началѣ пятаго тысячелѣтія до Р. Хр. въ страну, занятую сумерами и аккадьянами, стали приходить неизвѣстныя имъ племена и селиться на ихъ землѣ. Полагаютъ, что эти племена выходили изъ Аравіи, страны песчаной и каменистой. Покидали они свою землю, очевидно, прельщаемые прекрасными пастбищами и нивами Сеннаара. Пришельцы эти принадлежали къ бѣлой расѣ и были семитами. Когда они прибывали сюда, то были еще кочевниками и стояли несравненно ниже сумеровъ и аккадьянъ. Но они обладали замѣчательно живымъ и воспріимчивымъ умомъ и вскорѣ усвоили образованность сумероаккадьянъ, не исключая языка и письменности. Они даже многимъ позаимствовались изъ религіозныхъ вѣрованій первыхъ поселенцевъ края. Только у пришельцевъ было болѣе возвышенное представленіе о божествахъ, а потому многое изъ заимствованнаго они передѣлали на свой ладъ.

Черезъ тысячу лѣтъ пришельцы-семиты были уже полными хозяевами всей страны. Само собою разумѣется, что такого

положенія они достигли только послѣ продолжительной и упорной борьбы съ первыми насельниками страны. Во время этой борьбы, которая сильно ослабляла обѣ стороны, и семиты, и сумеро-аккадьяне вынуждены были подчиниться на время эламитамъ. Царь Хаммураби (за 2.300 лѣтъ до Р. Хр.) уничтожилъ владычество эламитовъ, уже вполнѣ подчинившихся образованности покоренныхъ ими народовъ, и объединилъ въ своихъ рукахъ всѣ земли, на которыхъ жили сумеры и аккадьяне. Онъ подчинилъ, кромѣ того, своей власти и всю Сирію. Столицею созданнаго имъ государства онъ сдѣлалъ свой родной городъ Вавилонъ, откуда основанное имъ царство получило названіе Вавилонскаго, а семитическое населеніе его — вавилонянъ.

Хаммураби былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ правителей древняго Востока и много потрудился на пользу своихъ подданныхъ. Каналы и всѣ водяныя сооруженія, устройство которыхъ было дѣломъ первыхъ жителей края, были запущены. Хаммураби построилъ большую набережную вдоль Тигра, чтобы оградить свою страну отъ его разливовъ. Но мѣра эта, повидимому, оказалась недѣйствительною, такъ какъ царь выполнилъ замѣчательную по своей трудности работу: выкопалъ каналъ необычайно большихъ размѣровъ. Каналъ этотъ сперва носилъ его имя, но впослѣдствіи прославился подъ именемъ «Вавилонскаго царскаго канала». Отъ канала Хаммураби шли безчисленныя развѣтвленія, по которымъ вода протекала въ различныхъ направленіяхъ. Но особенною заботой Хаммураби было правосудіе, въ интересахъ котораго онъ далъ народу сводъ законовъ. Сводъ Хаммураби представляетъ перечисленіе преступленій и тѣхъ наказаній, которыя полагаются за нихъ. Сперва перечисляются въ немъ наказанія за клевету, лжесвидѣтельство, подкупъ судей и свидѣтелей на судѣ, за неправый судъ. Затѣмъ перечисляются преступленія противъ собственности. Послѣ этого говорится въ сводѣ о служащихъ и тѣхъ земляхъ, которыми они владѣли, о землевладѣніи, о торговлѣ. Далѣе рѣчь идетъ о семейныхъ отношеніяхъ, перечисляются наказанія за разнообразныя личныя обиды, говорится о платѣ врачамъ и архитекторамъ. Наконецъ слѣдуютъ

законоположенія о судостроительствѣ, о наймѣ судовъ, о домашнихъ животныхъ и въ завершеніе всего о рабахъ.

Послѣ Хаммураби могущество Вавилонскаго государства стало падать. Слабостью его и постоянными внутренними неурядицами воспользовались смѣлые враги и покорили его своей власти [1]). Но владычество завоевателей не было очень тяжелымъ для вавилонянъ. Завоеватели испытали ту же участь, что и эламиты: они всецѣло подчинились вавилонской образованности.

13. Религія вавилонянъ. На религіозныя вѣрованія вавилонянъ оказала вліяніе религія сумеровъ и аккадьянъ. Но религія послѣднихъ не отличалась возвышеннымъ характеромъ. Они представляли себѣ весь міръ населеннымъ духами или демонами. Духи эти по большей части были злыми. Одни изъ нихъ постоянно нарушали порядокъ, существующій въ природѣ: производили землетрясенія, наводненія и ураганы; другіе, блуждая по землѣ, переходили изъ одного дома въ другой, похищали дѣтей, сѣяли раздоры между мужьями и женами, между сыновьями и родителями, производили всякаго рода болѣзни — чуму, лихорадку и т. под. Изъ всѣхъ духовъ особенно страшными считались «Семь духовъ бездны». «Ихъ семеро, ихъ семеро»,— говорится въ древнемъ текстѣ — «ихъ семеро въ глубинѣ водъ, ихъ семеро въ небесномъ эѳирѣ, они выросли въ глубинѣ подводныхъ ямъ... Имъ невѣдомы почтеніе и благія дѣла, они не внемлютъ мольбамъ и молитвамъ». Эти страшныя существа являлись, какъ думали сумеро-аккадьяне, въ видѣ призраковъ, огненныхъ змѣй, вампировъ, въ образѣ женщинъ. Чтобы защитить себя отъ нихъ, необходимо было, по народнымъ вѣрованіямъ, прибѣгать къ помощи добрыхъ духовъ, дѣлать же это слѣдовало при посредствѣ колдуновъ и чародѣевъ. Эти чародѣи обладали — по вѣрованіямъ суммеро-аккадьянъ—единственнымъ средствомъ борьбы противъ злотворныхъ духовъ. Средство это заключалось въ различныхъ заклинаніяхъ. Такимъ образомъ всѣ гимны въ честь добрыхъ духовъ были въ сущности заклинаніями противъ злыхъ. Этими

[1]) То были коссеи или касситы.

заклинаніями старались отогнать демоновъ подальше отъ человѣческаго жилища — въ пустыню, въ неприступныя горныя дебри и тому подобныя мѣста. При такихъ условіяхъ колдуны и чародѣи заняли мѣсто священнослужителей. Каждая болѣзнь, постигшая человѣка, считалась злымъ духомъ, изгнать котораго было возможно только посредствомъ колдовства. Кромѣ заклинаній колдуны пользовались травами и талисманами. Талисманами назывались такіе предметы, которые имѣли силу отгонять злыхъ духовъ. Такими предметами могли быть или написанныя на чемъ-либо заклинанія, или статуетки чудовищъ и добрыхъ духовъ. Чтобы предохранить себя отъ какой-либо бѣды, сумеро-аккадьяне всегда имѣли при себѣ эти талисманы. Въ настоящее время археологи находятъ ихъ въ большомъ количествѣ.



Злой духъ (бѣсъ юго-западнаго вѣтра, дувшаго изъ пустыни и наносившаго песокъ на вавилонскія нивы. Бронзовая статуетка въ Луврѣ).

Весь міръ, по понятіямъ вавилонянъ, управляется великими богами: то были боги — солнца, луны и пяти другихъ, извѣстныхъ тогда планетъ, неба, океана и друг. (Главнѣйшимъ изъ нихъ были посвящены дни недѣли. Богу солнца посвящалось воскресенье, богу луны — понедѣльникъ, богу планеты Марсъ — вторникъ, планеты Меркурій — среда, планеты Юпитеръ — четвергъ, планеты Венера — пятница, наконецъ, планеты Сатурнъ — суббота [1]).

[1]) Въ большинствѣ французскихъ названій дней недѣли сказалось вліяніе Вавилона: lundi, mardi, mercredi, jeudi и vendredi.

Съ возвышенія Вавилона первенствующее мѣсто въ религіи вавилонянъ занялъ богъ Вавилона Мардукъ. Вавилонскія религіозныя сказанія повѣствуютъ о томъ, что всѣмъ богамъ грозила страшная опасность со стороны первобытнаго хаоса [1]). Тогда одинъ изъ боговъ обратился къ свѣтлому Мардуку съ просьбою усмирить злое начало и спасти жизнь боговъ. Мардукъ согласился исполнить эту просьбу только подъ такимъ условіемъ, чтобы всѣ остальные боги признали его первенство. Боги собрались послѣ этого на веселый пиръ, насладились



Добрый духъ въ видѣ крылатаго животнаго.

яствами и виномъ и уступили всѣ свои права Мардуку. Послѣдній снарядился въ бой и побѣдилъ первобытный хаосъ. Видя пораженіе первобытнаго хаоса, его безобразная рать обратилась въ бѣгство, но не могла спастись изъ той сѣти, которую накинулъ на своихъ враговъ Мардукъ. При такомъ условіи ему нетрудно было перебить всѣхъ бѣсовъ. Всѣ боги радостно привѣтствовали Мардука. Но послѣдній, глядя на трупъ убитаго имъ чудовища, задумалъ разумное дѣло. Онъ

[1]) Богини Мумму-Тіаматъ.

разсѣкъ его пополамъ, изъ одной половины его Мардукъ сотворилъ твердь, изъ другой—землю. Послѣ этого онъ создалъ свѣтила небесныя и всякую живую тварь. Окончивъ твореніе міра, Мардукъ вернулся въ собраніе боговъ, гдѣ послѣдніе снова величали его. Изъ другихъ боговъ особеннымъ почитаніемъ пользовалась у вавилонянъ богиня Иштаръ. Она управляла планетою, которая со временъ римлянъ стала называться и называется до сихъ поръ Венерою. Эта богиня олицетворяла красоту, жизнерадостность и любовь, но въ то же время была богиней — воительницей, одушевлявшей людей и заставлявшей совершать ихъ ратные подвиги.

Религіозныя вѣрованія вавилонянъ отличались такимъ образомъ характеромъ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ религія сумероаккадьянъ. Возвышенность ихъ состояла въ томъ, что вавилоняне дошли до мысли объ Единомъ Творцѣ вселенной (Мардукѣ). Но рядомъ съ этимъ вѣрованіемъ, особенно въ средѣ простого народа, сохранились еще старыя, первобытныя вѣрованія. Волхвы и чародѣи продолжали еще существовать, но уже составили низшій слой жреческаго сословія. Что же касается жрецовъ, теперь впервые появившихся, они сдѣлались учеными совѣтниками царей. Обладая большими свѣдѣніями въ астрономіи, они рядомъ съ этимъ не чужды были, однако, и суевѣрныхъ фантазій. Они всматривались въ звѣздное небо, какъ въ колоссальную вѣчную книгу, изъ которой можно было вычитывать будущее. Отъ этихъ древнихъ вѣрованій проникли и въ нашъ языкъ выраженія, нерѣдко употребляемыя нами. Про счастливаго человѣка до сихъ поръ говорятъ, что онъ родился подъ счастливою звѣздою, про несчастливаго—что онъ родился подъ несчастною звѣздою. Желая сказать, что тотъ или другой человѣкъ вѣруетъ въ свое свѣтлое будущее, говорятъ, что онъ вѣруетъ въ свою звѣзду и т. под. А нѣсколько вѣковъ тому назадъ, эти чисто вавилонскіе взгляды раздѣлялись не только простымъ народомъ, но и людьми, занимавшими высокое положеніе.

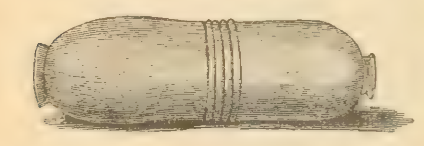
Кромѣ гаданія по звѣздамъ, у вавилонянъ существовалъ безконечный рядъ всевозможныхъ гаданій: гадали по снамъ, при посредствѣ жребія, по шелесту листьевъ, журчанію ручья и

т. под. Въ связи съ гаданіями развилась и вѣра во всевозможныя примѣты.

Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ. „Если сѣрая собака забѣжитъ во дворецъ, дворецъ тотъ будетъ пожранъ пламенемъ. — Если желтая собака забѣжитъ во дворецъ, дворецъ тотъ погибнетъ въ страшномъ разгромѣ. — Если рыжая собака забѣжитъ во дворецъ, то съ врагами будетъ заключенъ миръ. Если собаку вырветъ въ домѣ, хозяинъ дома того умретъ"... и т. д.

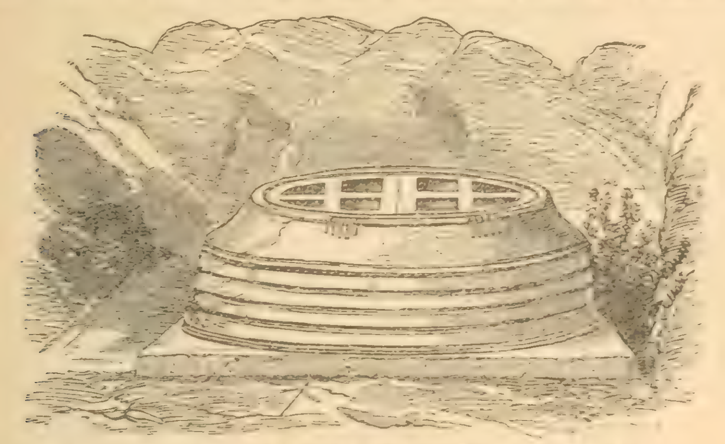
Главнымъ отличіемъ храмовъ вавилонскихъ отъ египетскихъ было то, что первые поднимались высоко вверхъ, тогда какъ послѣдніе растягивались въ длину. Вавилонскій храмъ состоялъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ этажей, постепенно уменьшавшихся въ объемѣ по мѣрѣ приближенія къ самому верху. Этажи соединялись отлогими наружными лѣстницами и заканчивались святилищемъ, въ которомъ ставилось изображеніе божества.

14. Вавилонская образованность. До нашего времени сохранились кое-какіе обрывки отъ древне-вавилонской литературы. Особенно интересны священныя книги вавилонянъ. Уже прочитанныя нынѣшними учеными книги этого рода содержатъ въ себѣ разсказы о возстаніи злыхъ духовъ противъ бога-свѣта, Мардука, и другихъ боговъ, о побѣдѣ Мардука надъ ними и послѣдовавшемъ затѣмъ твореніи міра. Были еще сказанія о земномъ раѣ, потопѣ и др. Кромѣ сказаній религіозныхъ, существовали у вавилонянъ разнообразныя сказанія о герояхъ и даже цѣлыя поэмы. Изъ нихъ особенно поучительна поэма о сошествіи богини Иштаръ въ преисподнюю. Въ поискахъ за умершимъ сыномъ своимъ, богиня отправилась «въ домъ, куда есть входъ, но откуда нѣтъ выхода, на дорогу, по которой нѣтъ возврата, въ домъ, гдѣ питаются прахомъ и насыщаются иломъ, гдѣ не видятъ свѣта и живутъ во мракѣ». Дойдя до воротъ подземнаго міра, Иштаръ потребовала у привратника, чтобы онъ открылъ ей ворота.



Древній вавилонскій гробъ, состоящій изъ двухъ глиняныхъ сосудовъ; оба сосуда плотно пригонялись другъ къ другу и въ мѣстѣ соединенія смазывались глиной или смолой (найденъ въ вавилонскомъ городѣ Урѣ).

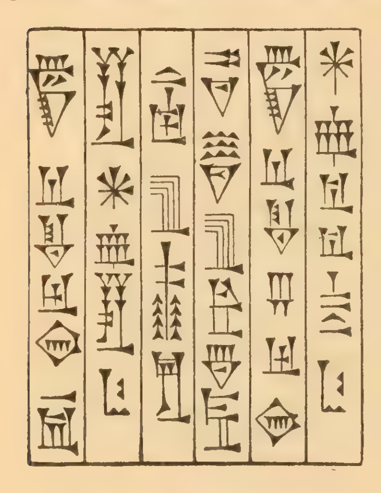
Въ противномъ случаѣ она грозилась разломать ихъ, уничтожить затворы, вывести изъ преисподней мертвыхъ, дать имъ пищу и вернуть имъ жизнь. Услышавъ эти угрозы, привратникъ сказалъ ей: «остановись, владычица, такъ не поступай; я пойду и возвѣщу о тебѣ царицѣ Аллатъ». Царица подземнаго міра, Аллатъ, позволила привратнику впустить богиню Иштаръ. Пропустивъ богиню чрезъ первыя ворота, привратникъ снялъ съ ея головы корону. На вопросъ богини, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, привратникъ отвѣчалъ, что царица подземнаго міра поступаетъ такъ со всѣми своими гостями безъ различія. Всего нужно было пройти семь воротъ, и у каждыхъ



Древне-вавилонская могила (найдена въ городѣ Урѣ).

изъ нихъ привратникъ лишалъ богиню какого-либо отличительнаго знака или одежды. Богиня предстала передъ царицей въ такомъ видѣ, въ какомъ являлись передъ нею обыкновенные смертные. Затѣмъ царица стала посылать на Иштаръ всевозможныя болѣзни и удержала ее у себя, какъ плѣнницу. Отсутствіе богини стало сказываться на землѣ и на людяхъ: источники и рѣки высохли, наступилъ неурожайный годъ. Боги рѣшили, что непремѣнно нужно освободить богиню Иштаръ, и отправили съ этой цѣлью къ царицѣ Аллатъ своего посла. Аллатъ исцѣлила богиню и даровала ей свободу. Одному изъ боговъ было поручено напоить богиню живою водой. Возвращаясь на землю, богиня у каждыхъ изъ семи воротъ преисподней

получала тѣ вещи, которыхъ была лишена, совершая сошествіе въ адъ. Когда богиня вернулась на землю, повсюду закипѣла жизнь и прерванная радость.—Сохранилось отъ вавилонянъ и нѣсколько басенъ. Одна изъ нихъ напоминаетъ Рейнеке-Лиса. Очевидно, что уже въ то время лисица считалась хитрымъ и пронырливымъ звѣремъ. Лисица вавилонской басни прекрасно умѣетъ притворяться, а своими хитрыми рѣчами доводитъ слушателей до слезъ. Оскорбивъ одного изъ боговъ и присужденная къ смерти, она произноситъ такую дивную защитительную рѣчь, что избавляется отъ страшнаго наказанія.



Плитка съ клинописью.

Изъ наукъ достигла у вавилонянъ наибольшаго процвѣтанія астрономія. Старательно наблюдая за явленіями на небесномъ сводѣ и достигнувъ въ этой области большихъ и серьезныхъ знаній, жрецы производили свои наблюденія не столько ради науки, сколько ради предсказаній будущихъ событій. Важнымъ дѣломъ вавилонской культуры было установленіе мѣръ и вѣсовъ. Вавилонская медицина пользовалась большою и заслуженною славой. Она не только оказала огромное вліяніе на весь древній міръ, но дала многое и позднѣйшей Европѣ. Вавилонская географія сохранила списки странъ, горъ, рѣкъ, каналовъ и древнѣйшую попытку изобразить карту міра. Исторіи у вавилонянъ не было, но велись лѣтописи съ указаніемъ величайшихъ подвиговъ царей.

Мы знаемъ о вавилонянахъ сравнительно много, благодаря тому, что у нихъ существовала письменность. Письменность вавилонянъ достигла значительнаго совершенства, но все-же они не дошли въ ея развитіи до алфавита. Ихъ письменность извѣстна подъ именемъ клинописи. Она названа такъ потому, что письменные знаки вавилонянъ имѣютъ видъ клиньевъ. Клинообразные знаки изображались въ различныхъ положе-

ніяхъ—отвѣсномъ, горизонтальномъ и косомъ. Обычнымъ матеріаломъ для письма была у нихъ глина, изъ которой дѣлали особаго рода плитки или цилиндры. Пока еще плитки оставались сырыми, на нихъ выдавливались особой палочкой письменные знаки. Они отпечатывались очень легко на мягкой глиняной массѣ. Исписанная знаками плитка или цилиндръ сушились на солнцѣ или обжигались на огнѣ. Клинообразные знаки изображаютъ не отдѣльные звуки, какъ нашъ алфавитъ, а слоги въ различныхъ ихъ сочетаніяхъ. Научиться читать клинопись стоило ученымъ огромнаго труда.


Вавилонское издѣліе изъ терракоты.

Вавилонія славилась своею торговлей и промышленностью. По словамъ пророка Іезекіиля, она была страною торговли, а главный городъ ея Вавилонъ — городомъ купцовъ. По своему географическому положенію она неминуемо должна была стать средоточіемъ между Востокомъ и Западомъ, главнымъ рынкомъ Азіи. Вавилоняне славились производствомъ великолѣпныхъ матерій и ковровыхъ издѣлій всякаго рода. Льняныя и шерстяныя матеріи окрашивались въ яркіе цвѣта и украшались рисунками. Рисунки изображали дѣйствительныхъ и фантастическихъ животныхъ, цвѣты и даже сцены изъ исторіи и сказаній. Начиная съ самаго легкаго мусселина до тяжелыхъ златотканныхъ матерій и пушистыхъ ковровъ—всѣ эти предметы вавилонскаго производства расходились во всѣ стороны. Кромѣ матерій вавилоняне славились изготовленіемъ рѣзныхъ издѣлій изъ дерева. Особенно красивою отдѣлкой отличались колесничныя дышла. Даже такія произведенія вавилонской работы, какъ напр., опахала, зонтики, палки, снабжались какимъ-

либо рѣзнымъ украшеніемъ; украшенія эти изображали или конскую голову, или копыта, или львиную лапу и т. п. Большою извѣстностью пользовались вавилонскія издѣлія изъ золота, серебра, бронзы. Большой сбытъ имѣли гончарныя издѣлія и разноцвѣтные эмалированные кирпичи.

15. Ассирія и ея природа. Ассирія занимала первоначально среднее теченіе рѣки Тигра, преимущественно по лѣвому берегу его, и была такимъ образомъ расположена къ сѣверо-востоку отъ Вавилоніи. Почти вся Ассирія, въ противоположность Вавилоніи, представляетъ холмистую волнообразную поверхность. Сухая и лишенная растительности, она мало отличается отъ сосѣдней Сирійской пустыни. Исключеніе составляетъ лишь прибрежье Тигра и его притоковъ [1]. Такимъ образомъ, и эту страну могла сдѣлать плодородною только старательная работа населенія. Сдѣлать эту страну обитаемой также было возможно съ помощью каналовъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что дожди представляютъ здѣсь явленіе рѣдкое. До прихода сюда семитовъ Ассирія была врядъ-ли обитаема. Бѣдная растительностью, она была богата минералами: тутъ находились залежи желѣза, мѣди и свинца. Если Вавилонія совсѣмъ не имѣла камня, зато въ Ассиріи было его много. Особенно она была богата твердыми базальтовыми породами. Свое названіе Ассирія получила отъ имени того города—Ассура, который выстроили себѣ прибывшіе сюда съ юга семиты. Сами они стали извѣстными подъ именемъ ассирійцевъ. Прошло немного вѣковъ послѣ ихъ прибытія сюда, а всѣ ихъ сосѣди, и близкіе и дальніе, стали страшиться ихъ имени.

16. Черты изъ государственной, общественной и религіозной жизни ассирійцевъ. Сначала ассирійцы управлялись царями-первосвященниками. Но около 1500 года до Р. Х. во главѣ Ассиріи стояли уже самодержавные государи. Ассирійскіе цари, какъ и египетскіе фараоны, пользовались неограниченною властью. Но между тѣми и другими замѣчается большая разница. Фараоны были какъ бы полубогами, а по смерти

---

[1] Верхняго и Нижняго Цаба.

своей прямо обоготворялись. Ассирійскіе же цари считали себя такими же рабами передъ богами, какими были ихъ подданные передъ самими ими. Такъ думали цари, такъ думалъ и народъ. Во время жертвоприношенія ассирійскій царь снималъ съ себя корону, всѣ царскія одѣянія и украшенія и оставался передъ богами въ томъ одѣяніи, которое носили рабы, служившіе при



Ассирійскій царь.

храмѣ. У ассирійцевъ, какъ и у вавилонянъ, не было въ обычаѣ обоготворять царя послѣ его смерти. Несмотря на это, ассирійскіе цари были неограниченными повелителями своего народа. Въ ихъ полномъ распоряженіи находились и жизнь, и имущество подданныхъ. Знать, которая окружала царя, не имѣла никакихъ правъ. Царь могъ каждаго раба сдѣлать пер-

вымъ сановникомъ въ государствѣ. Вся Ассирія представляла какъ бы большой вооруженный лагерь. Всѣ подданные были обязаны безпрекословно повиноваться царю, какъ своему главному вождю. По необходимости цари занимались и дѣлами правленія, но главною дѣятельностью ихъ всегда оставалась война. Ассирія была окружена врагами, подвластные ей народы подвергались со стороны ассирійцевъ большимъ жестокостямъ. По этой причинѣ все благополучіе страны зависѣло отъ воинскихъ доблестей царя. Эта доблесть могла проявляться и во время мира, такъ какъ излюбленнымъ занятіемъ царей была охота на дикихъ звѣрей, преимущественно—на львовъ и дикихъ быковъ. Пока во главѣ ассирійцевъ стояли воинственные, сильные цари, Ассирія расширяла свои владѣнія и пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ. Но лишь только корона переходила въ руки государя изнѣженнаго, начинались пораженія извнѣ и смуты внутри государства.

Ассирійское войско было наиболѣе совершеннымъ изъ войскъ всего древняго Востока. Помимо мужества и порядка, оно отличалось своимъ превосходнымъ вооруженіемъ. Ассирійская тяжелая пѣхота состояла изъ копейщиковъ и стрѣлковъ изъ лука, которые носили желѣзный шлемъ конической формы, съ наушниками для защиты ушей, кожаную рубашку, сплошь покрытую металлической чешуей, кожаный передникъ, доходящій до колѣнъ. Копья были безъ малаго въ сажень длиною съ бронзовымъ или желѣзнымъ наконечникомъ. Кромѣ того, копейщики были вооружены короткимъ мечомъ, висѣвшимъ на поясѣ, и огромнымъ металлическимъ щитомъ. У стрѣлковъ не было щитовъ, а луки и колчаны носились за спиной. Въ легкой пѣхотѣ копейщики были снабжены небольшими круглыми щитами изъ ивоваго дерева. Стрѣлки легкой пѣхоты не носили на себѣ металлическихъ чешуй. Копейщики и стрѣлки были большею частью ассирійскаго происхожденія или набирались изъ среды народовъ, уже давно подвластныхъ ассирійцамъ. Все войско дѣлилось на роты. Быстротой и правильностью своихъ движеній они приводили въ изумленіе иноземцевъ. Военной выправкѣ ассирійцевъ удивлялся пророкъ Исаія. Ассирійскія войска передвигались очень быстро, при чемъ не оставляли по

дорогамъ ни отсталыхъ, ни неспособныхъ къ строю. Черезъ рѣки они переправлялись въ бродъ или при помощи надутыхъ мѣховъ. Когда они вступали въ лѣсистую мѣстность, то высылали впередъ отряды, на обязанности которыхъ лежало прорубаніе просѣкъ и вообще очищеніе пути. Кромѣ всадниковъ, и у ассирійцевъ, какъ у египтянъ, были военныя колесницы. Но послѣднія были тяжелѣе и просторнѣе египетскихъ. При осадѣ городовъ ассирійцы пускали въ ходъ подвижныя башни, придвигавшіяся къ стѣнамъ непріятельскаго города, и стѣнобитныя машины (тараны). Передъ всякимъ походомъ асси-



Ассирійскій царь въ битвѣ съ врагами (Ассирійскій барельефъ, изображающій царя Ассурназирпала).

рійцы вопрошали боговъ объ его исходѣ. Благопріятныя видѣнія и примѣты ободряли ихъ, а всякое неблагопріятное предсказаніе подавляло ихъ храбрость; бывало въ этихъ случаяхъ, что цѣлые отряды уступали непріятелю безъ всякаго сопротивленія. Они были увѣрены, что сами боги ихъ принимали участіе въ битвахъ съ врагами.

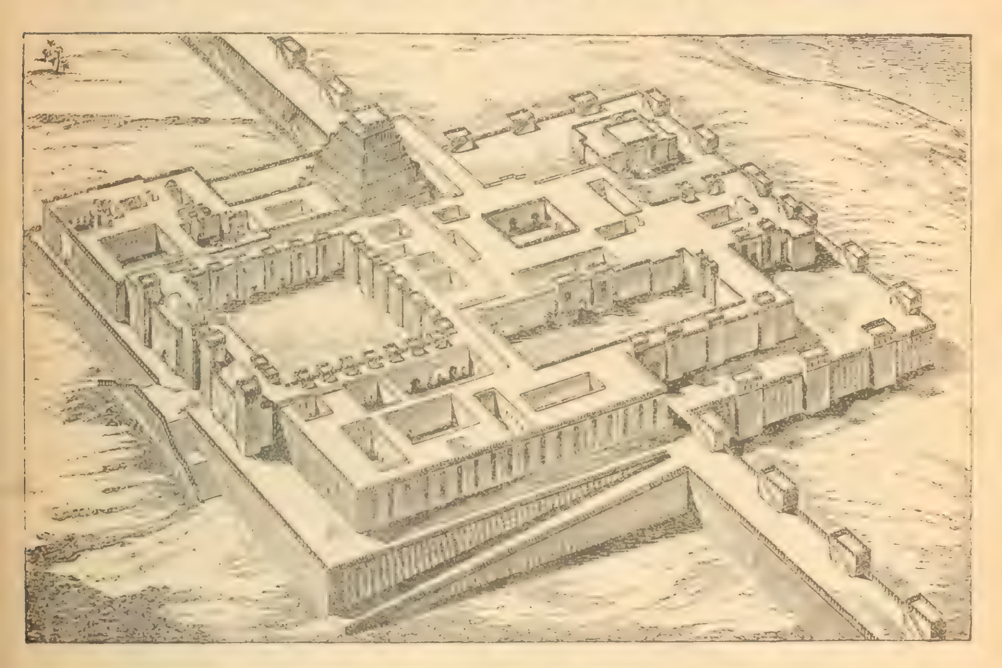
Религія у ассирійцевъ была та же, что и у вавилонянъ. Верховнымъ божествомъ ихъ былъ Ассуръ. Ассирійскіе цари предпринимали все по повелѣнію Ассура и другихъ великихъ боговъ. Цари воевали, чтобы покорить народы Ассуру, чтобы распространить и среди другихъ народовъ служеніе ему и

прочимъ ассирійскимъ богамъ. При пораженіи той или другой страны ниспровергались изображенія ея боговъ, и на мѣсто ихъ ставились изображенія ассирійскихъ божествъ. Возстанія подвластныхъ народовъ усмирялись съ ужасными жестокостями, такъ какъ возстанія разсматривались, какъ преступленіе не только противъ царя, но и противъ боговъ Ассиріи. Когда одинъ изъ ассирійскихъ царей усмирилъ возстаніе аккадьянъ, возставшихъ противъ Ассиріи, то выразился слѣдующимъ образомъ: «я, совершая это, порадовалъ сердце великихъ боговъ, владыкъ Ассиріи». Конечно, взгляды царя раздѣлялись и его подданными: они, желая угодить богу Ассуру, приносили ему въ жертву даже своихъ собственныхъ дѣтей.

17. Образованность ассиріянъ. Объ образованности ассиріянъ даетъ возможность составить понятіе прежде всего дошедшая до нашего времени библіотека одного изъ ассирійскихъ царей, а именно — Ассурбанипала. Ассирійцы писали палочками изъ очищеннаго камыша на выдѣланной кожѣ, на деревянныхъ дощечкахъ и даже на папирусѣ, который они получали изъ Египта. Такъ они поступали въ обыкновенныхъ случаяхъ и пользовались при этомъ упрощенными письменами, заимствованными у финикіянъ. Но, когда приходилось писать лѣтопись, какое-либо литературное произведеніе, или дѣло касалось важныхъ актовъ и правительственныхъ документовъ, они обращались къ тѣмъ же средствамъ, какими пользовались вавилоняне, къ глинянымъ плиткамъ и клинописи. Изъ глиняныхъ плитокъ составлялись книги, а изъ книгъ—своеобразныя библіотеки.

Ассурбанипалъ любилъ старыя книги изъ глиняныхъ плитокъ и тщательно собиралъ ихъ по всѣмъ городамъ своего царства. Онъ даже содержалъ въ наиболѣе выдающихся городахъ переписчиковъ, которые должны были списывать для него копіи съ наиболѣе замѣчательныхъ книгъ, тамъ хранившихся. Свою библіотеку Ассурбанипалъ помѣстилъ въ своемъ дворцѣ— въ Ниневіи. Его библіотека заключала въ себѣ болѣе 30.000 плитокъ. Онѣ были расположены въ строгомъ порядкѣ и записаны въ подробные каталоги. Ассурбанипалъ гордился своею библіотекой и на каждой книгѣ приказывалъ выставлять свое

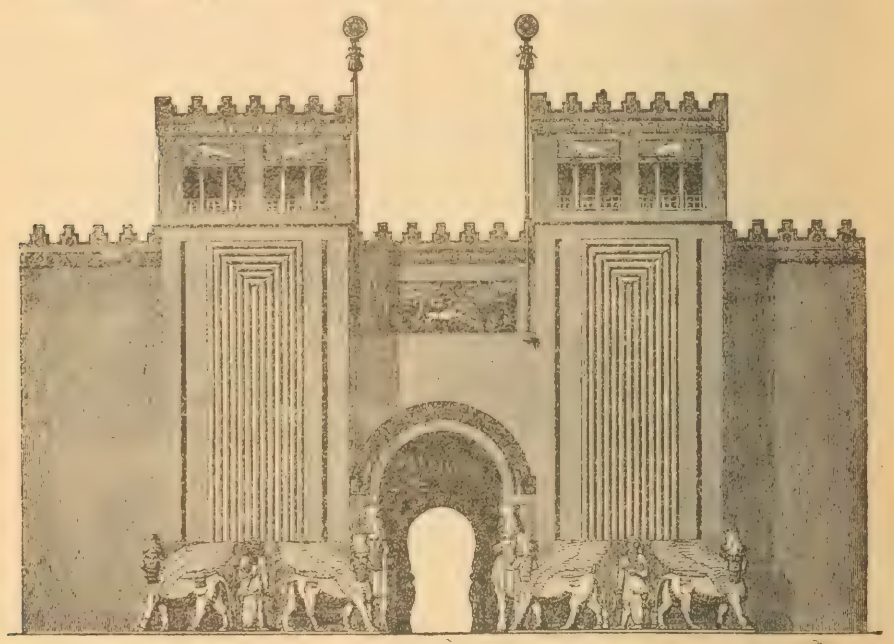
имя. Всѣ книги были поручены надзору нарочно назначеннаго для этой цѣли чиновника. Въ библіотекѣ Ассурбанипала было собрано все, что было сдѣлано для науки до этого времени образованными народами, населявшими Сеннааръ. Сюда же попадало и то, что было дѣломъ самихъ ассирійцевъ. Въ числѣ сокровищъ Ассурбанипаловой библіотеки находятся буквари, грамматики, словари, документы историческаго содержанія, донесенія военачальниковъ и т. п. Кромѣ того, въ ней найдено



Дворецъ ассирійскаго царя Саргона въ Хорсабадѣ (реконструкція).

нѣсколько религіозныхъ сказаній и гимновъ. Наконецъ, огромный интересъ представляютъ книги по магіи, астрологіи, астрономіи и естественной исторіи. Среди книгъ дѣлового содержанія находятся календари различнаго рода. Есть календари болѣе научнаго характера, календари для религіозныхъ потребностей съ указаніемъ дней, посвященныхъ тѣмъ или другимъ богамъ, съ указаніемъ празднествъ и религіозныхъ церемоній. Въ нѣкоторыхъ календаряхъ отмѣчены счастливые и несчастные дни, излагается вліяніе звѣздъ на дни года и т. п.

Главными историческими документами являются надписи, начертанныя по повелѣнію ассирійскихъ царей. Много такихъ надписей дѣлалось на стѣнахъ дворцовъ. У египтянъ главными сооруженіями были храмы, у ассирійцевъ то же мѣсто занимали дворцы, т. е. тѣ сооруженія, которыя воздвигались для лица, стоявшаго во главѣ ассирійскаго воинства. И въ Ассиріи, какъ и въ Вавилоніи, постройки дѣлались изъ необожженой глины, которую очищали, смѣшивали для крѣпости съ ру-



Входъ во дворецъ Саргона въ Хорсабадѣ.

бленою соломой, прибавляли воды, растаптывали смѣсь ногами и такимъ образомъ изготовляли кирпичи. Если кирпичи употреблялись для облицовки зданій, для украшенія ихъ, то ихъ покрывали глазурью. Кирпичи составляли единственный строительный матеріалъ въ Вавилоніи, гдѣ совсѣмъ не было камня. Въ Ассиріи было много камня, но несмотря на это, матеріалъ для построекъ употреблялся тотъ же, что и въ Вавилоніи. Не только строительный матеріалъ, но и самая манера строить зданія была заимствована ассирійцами отъ своихъ соплеменниковъ — вавилонянъ.

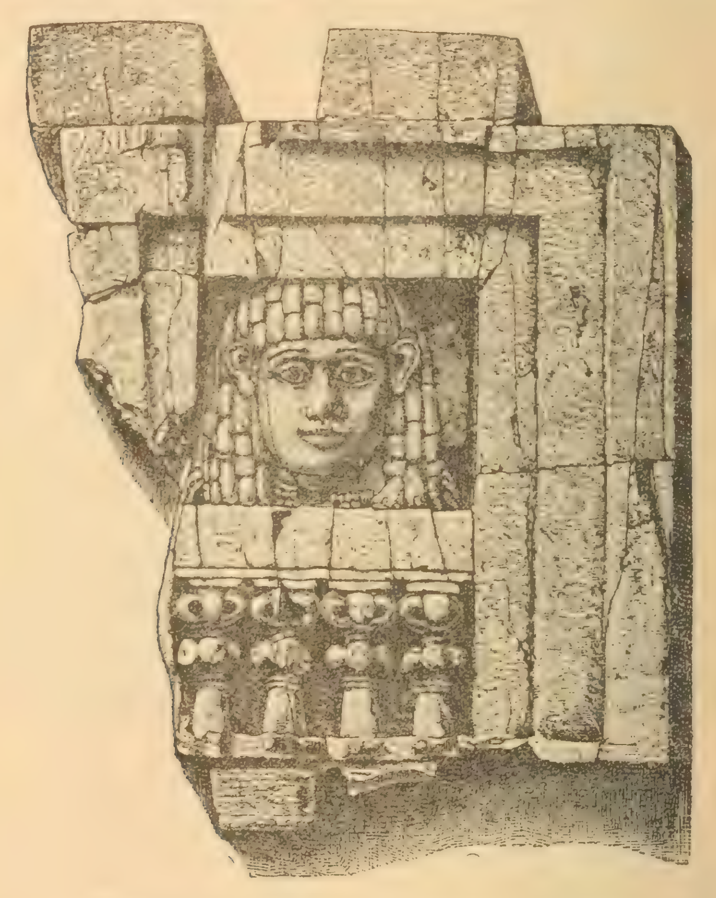
Каждый ассирійскій царь, по вступленіи на престолъ, сооружалъ себѣ новый дворецъ. При этомъ онъ требовалъ скорѣйшаго исполненія своего приказанія, чего было бы труднѣе достигать, если бы постройки дѣлались изъ камня. Зато постройки эти оказались недолговѣчными, и современные археологи на мѣстѣ дворцовъ находятъ лишь безформенныя массы ихъ матеріала. Однако, на основаніи кое-какихъ остатковъ и описаній, удалось возстановить старинную форму ассирійскаго



Ассирійскій левъ у воротъ храма (въ Нимрутѣ).

дворца. Примѣромъ можетъ служить дворецъ, построенный царемъ Саргономъ. Это было огромное зданіе, занимавшее большую площадь земли. Въ составъ дворца входило не только жилище самого царя, но также жилища его женъ, наслѣдника и двора. Необходимою принадлежностью дворца былъ храмъ (зигуратъ). Хотя дворецъ Саргона былъ построенъ около столицы (Ниневіи), но представлялъ собою настоящую и притомъ сильную крѣпость. Дворецъ окружался двойною стѣною съ крѣпостными башнями. Какъ стѣны, такъ и башни были

увѣнчаны зубцами. Оконъ въ зданіи не было. Комнаты освѣщались лишь свѣтомъ, проходившимъ черезъ двери и отверстія въ потолкѣ. При большой толщинѣ стѣнъ комнаты эти были похожи на могильные склепы. Парадный ходъ, которымъ проникали во дворецъ, представлялъ настоящія крѣпостныя ворота. Такъ же были устроены и остальные входы.



Рѣзьба изъ слоновой кости, найденная въ Нимрудѣ.

Скульптура въ Ассиріи приняла также особый характеръ. Въ память своихъ побѣдъ цари ставили столбы, покрывавшіеся рельефными изображеніями. Кромѣ того рельефами покрывались обыкновенно стѣны дворцовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ на нихъ изображены сцены военнаго характера.

Здѣсь изображенъ царь на войнѣ, здѣсь онъ принимаетъ побѣжденныхъ и т. под. Кромѣ военныхъ сценъ ассирійскіе художники изображали еще охоту. Кромѣ побѣдъ своихъ царей надъ врагами и звѣрьми, художники Ассиріи изображали еще царя, приносящаго жертву богамъ или пирующаго во дворцѣ



Добрый геній съ головою орла.

по возвращеніи изъ похода. Дѣлались изображенія и на темы религіозныя: барельефы этого рода представляютъ боговъ, добрыхъ геніевъ и злыхъ духовъ. Изображая злого духа, ассирійскіе художники напрягали всю свою фантазію, чтобъ изобрѣсти наиболѣе ужасный образъ. Для этого они приставляли къ человѣческому тѣлу иногда голову дикаго звѣря и ноги

хищной птицы, иногда крылья и звѣриныя лапы, при чемъ головѣ придавали самый уродливый видъ. Барельефы раскрашивались, и на многихъ изъ нихъ, дошедшихъ до нашего времени, сохранились еще слѣды раскраски.

18. **Краткій очеркъ историческихъ судебъ Ассирійскаго и Ново-Вавилонскаго царствъ.** Ассирійская монархія возникла въ XV вѣкѣ до Р. Хр. Первоначально во главѣ ассирійцевъ стояли цари-первосвященники. Они подпадали владычеству Вавилонской монархіи, когда послѣдняя усиливалась. Цѣлый рядъ царей собиралъ мелкія государства Ассиріи въ одно цѣлое, создавалъ военныя силы страны. Столица переносилась при этомъ, какъ и у насъ на Руси, изъ одного мѣста въ другое, пока не утвердилась окончательно въ Н и н е в і и. Собравшись въ одно цѣлое, ассирійцы проявили свой воинственный характеръ.

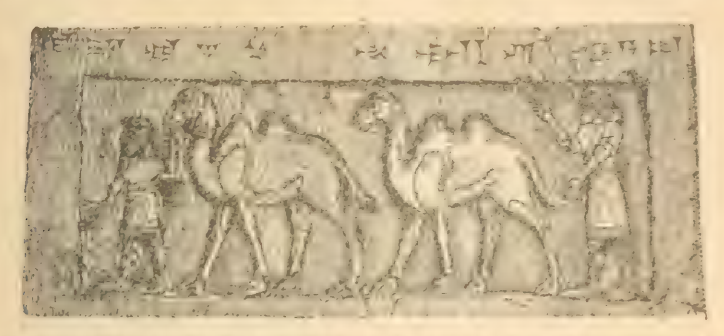
Въ первый разъ Ассирія широко раздвинула свои границы въ царствованіе Тиглатъ-Пилесера I. Этотъ могущественный царь впервые перешелъ Евфратъ и прошелъ опустошительною войною до самаго Средиземнаго моря. Вавилонія вынуждена была признать свою зависимость отъ него; въ числѣ городовъ, покоренныхъ Тиглатъ-Пилесеромъ I, находился и Вавилонъ.

Но въ послѣдующее время завоеванія Тиглатъ-Пилесера I были утрачены, и только въ IX в. до Р. Хр. Ассирія вернула ихъ. Въ томъ же столѣтіи, при Салманасарѣ II, Ассирійская монархія занимала большую часть Передней Азіи; земли, зависимыя отъ нея, доходили съ одной стороны до Персидскаго залива и Элама, а съ другой — до Краснаго моря и Египта. Салманассаръ ходилъ походами въ горныя страны сѣверной Сиріи и Арменіи. Памятникомъ воинственной дѣятельности Салманассара II остался прекрасно сохранившійся до сихъ поръ черный обелискъ, сверху до низу покрытый рельефными изображеніями и письменами [1]). Но и на этотъ разъ произо-

---

[1]) Черный обелискъ откопанъ Лейардомъ въ развалинахъ дворца Салманассара II въ Нимрудѣ. Обелискъ сдѣланъ изъ базальта и имѣетъ около семи футовъ вышины. Надписи повѣствуютъ о походахъ царя. Барельефы изображаютъ процессіи данниковъ, направляющихся къ царю. Теперь этотъ обелискъ находится въ Лондонѣ, въ Британскомъ музеѣ.

шло то же, что происходило раньше. Лишь только проходило впечатлѣніе отъ предшествующихъ завоеваній, лишь только ассирійскіе цари обращались къ дѣятельности внутренней, какъ снова покоренные Ассиріей народы поднимали противъ



Одинъ изъ барельефовъ съ клинописью на первой сторонѣ чернаго обелиска: дань изъ страны Мусри (въ Арменіи).

нея свое оружіе. Въ такомъ положеніи принялъ въ свои руки правленіе Ассурбанипалъ (VII в.). Его царствованіе было полно войнъ. Онъ направлялъ свои войска и противъ египтянъ, и въ Вавилонъ, и противъ Элама: его войска покорили Египетъ, усмирили вавилонянъ и завладѣли столицею Элама— Сузами; Эламъ покончилъ свое существованіе въ качествѣ независимаго государства. Ассурбанипалъ былъ не только царемъ-



Одинъ изъ барельефовъ на третьей сторонѣ обелиска (тема та же).

завоевателемъ, но и покровителемъ искусствъ и наукъ. Именно онъ и создалъ знаменитую библіотеку.

При преемникахъ Ассурбанипала могущественная Ассирія стала падать. Ей пришлось испытать ту же участь, которую



Одинъ изъ барельефовъ на четвертой сторонѣ обелиска (тема та же).

сама она заставляла ранѣе претерпѣвать другіе народы. Вавилоняне заключили тѣсный союзъ съ мидянами и взяли Ниневію въ 607 г. до Р. Хр. Съ разрушеніемъ Ниневіи пала



Барельефъ со второй стороны чернаго обелиска (тема та же).

и Ассирійская монархія, а изъ развалинъ ея возникли одновременно два крупныхъ государства: Ново-Вавилонское и Мидійское.

Основателемъ Ново-Вавилонскаго или Халдейскаго царства

былъ Набополассаръ [1]). Уничтоживъ въ союзѣ съ мидянами Ассирійскую монархію, онъ вступилъ въ борьбу съ Египтомъ. На эту борьбу вызвали его завоеванія въ Сиріи Египетскаго фараона Нехао. Набополассаръ послалъ противъ египтянъ своего сына Навуходоносора. Столкновеніе между вавилонскими и египетскими войсками произошло у города Кархемыша (на р. Евфратѣ), гдѣ египтяне были разбиты на голову. Навуходоносоръ уже думалъ, было, направиться отсюда въ Египетъ, но смерть отца заставила его вернуться домой.

Вступивъ на престолъ, унаслѣдовавъ отъ отца всю Месопотамію и земли къ западу отъ нея, Навуходоносоръ (604—562) продолжалъ завоевательную политику ассирійскихъ царей. Наибольшій интересъ представляетъ борьба его съ Іудейскимъ царствомъ и гибель послѣдняго. Поводомъ къ борьбѣ съ Іудеей послужило дошедшее до Навуходоносора извѣстіе о переговорахъ іудейскаго царя (Іоакима) съ фараономъ Нехао. Навуходоносоръ подавилъ народное движеніе въ Іудеѣ, но нѣсколько лѣтъ спустя Іудея снова возстала. Вавилонскій царь снова привелъ ее въ повиновеніе. На этотъ разъ онъ поступилъ съ Іудеей милостиво, захвативъ только сокровища храма и сославъ іудейскаго царя въ Вавилонъ. На престолъ Іудеи онъ возвелъ потомка іудейскихъ царей, Седекію. Несмотря на погромы, въ іудеяхъ продолжали жить стремленія къ отпаденію отъ Вавилона. Снова началось народное движеніе. Всѣ были увѣрены въ томъ, что спасеніе Іудеи зависитъ отъ союза съ Египтомъ. Одинъ лишь пророкъ Іезекіиль пытался бороться противъ этого движенія, считая борьбу съ Вавилономъ гибельной для Іудеи. Его не послушали. Когда іудеи и египтяне возстали противъ вавилонскаго царя, послѣдній устремился противъ враговъ. Фараонъ уступилъ. Іудея испытала страшныя бѣдствія.

---

[1]) Новое царство стало называться Халдейскимъ отъ имени халдеевъ, народа не тожественнаго, вопреки обычнымъ представленіямъ, съ вавилонянами. Халдеи стали извѣстными въ исторіи только съ XI вѣка до Р. Хр. Они обитали въ болотистой области устьевъ рѣкъ Тигра и Евфрата, на сѣверо-западномъ берегу Персидскаго залива; съ половины XI в. до Р. Хр. халдеи вступили въ борьбу съ вавилонянами, но окончательно овладѣли Вавилономъ только при Набополассарѣ, воцарившемся въ 625 году до Р. Хр.

Іерусалимъ цѣлыхъ полтора года сопротивлялся врагамъ. Къ ужасамъ войны присоединился голодъ. Наконецъ Іерусалимъ былъ взятъ (586). На этотъ разъ Навуходоносоръ поступилъ варварски съ царемъ и населеніемъ. У Седекіи были выколоты глаза; но прежде ослѣпленія, въ присутствіи несчастнаго Седекіи, были умерщвлены его сыновья. Городъ былъ разрушенъ и сожженъ; ослѣпленный царь отправленъ въ Вавилонъ въ оковахъ; туда же были переселены воины, священники, книжники и представители высшихъ сословій Іудеи. Царь Навуходоносоръ сдѣлался героемъ вавилонянъ. Безъ него Вавилонъ пользовался бы въ исторіи лишь славой торговаго и промышленнаго города, а благодаря ему, онъ сталъ извѣстенъ на всемъ Востокѣ своимъ могуществомъ и побѣдами.

Навуходоносоръ, любившій строиться, украсилъ Вавилонъ дорогими сооруженіями и сдѣлалъ городъ этотъ самымъ блестящимъ и великолѣпнымъ городомъ древняго Востока.

Со смертью Навуходоносора началось быстрое паденіе Ново-Вавилонскаго (Халдейскаго) царства. Послѣднимъ царемъ его былъ Набонидъ. Опасаясь вновь возникшей на Востокѣ Персидской монархіи, Набонидъ заключилъ союзъ съ лидійскимъ царемъ Крезомъ и фараономъ Амазисомъ противъ персидскаго царя Кира. Послѣдній двинулся со своими воинами противъ вавилонскаго царя. Въ 539 году Вавилонъ былъ взятъ Киромъ, и Ново-Вавилонская монархія сразу перешла въ руки персовъ. Совершилось величайшее историческое событіе. *Господство надъ Передней Азіей изъ рукъ семитовъ перешло въ руки арійцевъ.*

Но, прежде чѣмъ перейти къ исторіи арійцевъ, мы познакомимся еще съ однимъ семитическимъ народомъ, а именно — съ финикіянами.

Финикіяне.

19. Природа и города Финикіи. Финикіяне жили въ сѣверной части восточнаго прибрежья Средиземнаго моря, къ югу отъ Малой Азіи. Страна, которую они заняли, представляла сравнительно неширокую (отъ 8 до 10 миль) полосу земли, расположенную между моремъ съ запада и Ливанскимъ горнымъ

хребтомъ съ востока. Во многихъ мѣстахъ Ливанскій хребетъ подходитъ къ самому берегу моря. Тамъ, гдѣ горы пересѣкаются ущельемъ или отступаютъ отъ берега вглубь страны, море вдается въ материкъ и образуетъ цѣлый рядъ бухтъ и заливовъ. Въ древности Финикія была необыкновенно богата растительностью. На вершинахъ Ливана росли кедровые лѣса, ниже—кипарисы и ели, а пальмовыя рощи спускались до самаго морского берега. Здѣсь-то и поселились финикіяне, народъ семитическаго племени. До поселенія здѣсь занимавшіеся скотоводствомъ, финикіяне не могли продолжать своего образа жизни на новомъ мѣстѣ. На ихъ новой родинѣ не было тѣхъ степныхъ равнинъ, которыя необходимы для скотоводства. На горныхъ склонахъ и кое-гдѣ въ долинахъ возможно было заниматься земледѣліемъ, и финикіяне воспользовались, насколько могли, этою возможностью. Ни одинъ клочекъ земли не пропадалъ даромъ. Прекрасно урождались здѣсь пшеница, ячмень, оливки, виноградъ, винныя ягоды и гранаты. На берегахъ Финикіи до сихъ поръ еще существуютъ ямы, въ которыхъ сохранились зерна. Кромѣ земледѣльческой дѣятельности финикіяне занимались горнодѣліемъ. До сихъ поръ въ горахъ сохранились мѣста древнихъ рудниковъ. Но ни тотъ, ни другой видъ дѣятельности не удовлетворялъ потребностей населенія, и оно естественно обратилось къ морю.

Финикія богата горными рѣками и потоками, образующимися отъ таянія снѣга на Ливанскихъ горахъ. Сбѣгая съ горныхъ высотъ, эти рѣки уносили съ собою размягченныя горныя породы и въ значительной степени содѣйствовали образованію финикійскаго побережья. Это побережье можетъ быть названо даромъ горныхъ цѣпей и рѣкъ. Всѣ эти рѣки были негодны для судоходства. Онѣ еще болѣе дробили страну. И рѣки, и горные хребты, подходящіе къ берегу, препятствовали образоваться здѣсь одному государству.

На оконечностяхъ мысовъ и на островахъ, расположенныхъ вблизи берега Финикіи, возникли города. Были между ними и большіе города, цари которыхъ повелѣвали и другими городами. Но никогда всѣ эти города не составляли одного государства. Даже самые могущественные изъ городовъ, Тиръ и

Сидонъ, никогда не подчиняли себѣ всей Финикіи. Между городами Финикіи происходили постоянные раздоры, что ослабляло страну и дѣлало ее легкой добычей для чужеземцевъ. Въ этомъ отношеніи положеніе ея было тѣмъ тяжелѣе, что обладать Финикіей стремились и народы Месопотаміи, и египтяне. Для народовъ Месопотаміи обладаніе финикійскимъ побережьемъ представляло необходимость, такъ какъ Финикія служила для нихъ единственнымъ выходомъ въ море. И въ самомъ дѣлѣ, финикіяне (или хананеяне, какъ они называли себя) были въ зависимости то отъ древняго Вавилона, то отъ Египта, а затѣмъ—послѣ короткаго періода полной самостоятельности — признали владычество Ассиріи, за нею Ново-Вавилонскаго (Халдейскаго) царства и наконецъ Персіи. Но одновременно съ чужеземными завоеваніями въ Финикію проникала и образованность. Особенно благотворною для нея оказалась величайшая въ исторіи древняго Востока образованность вавилонская.

Съ другой стороны, чужеземное господство долгое время не было помѣхой для процвѣтанія Финикіи. Въ пору египетскаго господства особеннаго процвѣтанія изъ финикійскихъ городовъ достигъ Сидонъ. Египтяне дозволили финикіянамъ торговать въ Египтѣ, и финикіяне имѣли свои торговыя конторы во многихъ городахъ Нижняго Египта. Этимъ правомъ въ особенности и воспользовался Сидонъ. Затѣмъ первенствующее мѣсто среди городовъ Финикіи занялъ Тиръ. Самою блестящею эпохою для Тира было царствованіе его царя Хирама (980 — 947). Онъ увеличилъ размѣры города, строилъ укрѣпленія и храмы. Хирамъ былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ іудейскими царями, Давидомъ и Соломономъ. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ онъ послалъ къ царю Давиду плотниковъ и строительный матеріалъ для постройки его дворца. И преемнику Давида, Соломону, онъ посылалъ рабочихъ, кедровыя и кипарисовыя деревья, а также золото для постройки храма и дворцовъ.

Вскорѣ послѣ смерти Хирама Тиръ сталъ клониться къ упадку. Причинами его были постоянные внутренніе раздоры

между двумя частями населенія—знатью и народомъ — и безполезная борьба его съ двумя могущественными государствами— Ассиріей и Ново-Вавилонскимъ (Халдейскимъ) царствомъ.

20. Торговля финикіянъ и ихъ поселенія. Географическое положеніе Финикіи способствовало тому, что жители ея стали знаменитыми мореплавателями древности. Прекрасный строевой лѣсъ давалъ матеріалъ для постройки кораблей. Изъ простыхъ рыбаковъ финикіяне превратились съ теченіемъ времени въ купцовъ и морскихъ разбойниковъ. Они не останавливались ни передъ какими путешествіями, и ни одинъ народъ древности не можетъ сравниться съ ними въ смѣлости ихъ морскихъ предпріятій.

Торговля финикіянъ была мѣновая. Свои товары (холстъ, тирскій пурпуръ, сидонское стекло и др.) финикійскіе купцы мѣняли на металлы (серебро, желѣзо, свинецъ и олово), слоновую кость, черное дерево, ткани и драгоцѣнные камни, хлѣбъ, домашнихъ животныхъ, невольниковъ и т. под. Широко распространивъ свою торговлю, они старались держать ее только въ своихъ рукахъ, а для этого запугивали другіе народы страшными разсказами и прибѣгали даже къ силѣ, опустошая земли соперниковъ.

Главнымъ образомъ ради торговыхъ интересовъ финикіяне основывали въ различныхъ мѣстахъ свои поселенія. Кромѣ поселенія на островѣ Кипрѣ, у нихъ были такія-же въ западной половинѣ Средиземнаго моря: на островахъ Сициліи, Мальтійскихъ, Сардиніи и Балеарскихъ, на югѣ Италіи, Франціи и Испаніи (въ послѣдней—Гадесъ и др.). Изъ ихъ поселеній на сѣверномъ побережьѣ Африки особенно прославился Карѳагенъ. Отважные мореплаватели не ограничивались Средиземнымъ моремъ, но переправлялись за Гибралтарскій проливъ, въ Атлантическій океанъ. Они основали рядъ поселеній по западному берегу Африки. Есть извѣстіе, что они ѣздили по Атлантическому океану и на сѣверъ, въ Британнію (нын. Англію), за оловомъ и въ Балтійское море — за янтаремъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ пророкъ Іезекіиль говоритъ о финикійскихъ корабляхъ, обращая свою рѣчь къ Тиру: „Строители твои усовершили красоту твою. Изъ Сенирскихъ кипарисовъ устроили всѣ помосты

твои; брали съ Ливана кедръ, чтобы сдѣлать на тебѣ мачты. Изъ дубовъ Васанскихъ дѣлали весла твои; скамьи твои дѣлали изъ буковаго дерева съ оправою изъ слоновой кости съ острововъ Киттимскихъ. Узорчатыя полотна изъ Египта употреблялись на паруса твои и служили флагомъ; голубого и пурпуроваго цвѣта ткани съ острововъ Елисы были покрываломъ твоимъ". (Книга пророка Іезекіиля, глава XXVII).

Вообще, финикійскіе мореплаватели славились въ древнемъ мірѣ. Ни ассиріяне, ни персы не обходились безъ ихъ флота; обращались къ нимъ по этому дѣлу и египтяне. Греки дивились образцовому порядку на ихъ корабляхъ, искусному распредѣленію поклажи на нихъ; они же прозвали полярную звѣзду, служившую путеводнымъ знакомъ для финикіянъ, финикійскою звѣздою. Самымъ славнымъ дѣломъ финикіянъ былъ совершенный ими, по порученію египетскаго фараона Нехао, объѣздъ всей Африки.

Кромѣ морской торговли финикіяне вели также обширную сухопутную торговлю. На сѣверъ они направлялись въ Арменію, откуда вывозили для продажи въ другія мѣста лошадей вьючныхъ животныхъ, рабовъ и др. товары. На востокѣ они торговали съ Вавилоніей, а на югѣ посѣщали Аравію, откуда вывозили золото, звѣриныя шкуры и благоуханія.

21. **Религія и образованность финикіянъ**. Религія финикіянъ стояла гораздо ниже религій египтянъ и вавилонянъ, хотя финикіяне и заимствовали многое у послѣднихъ. Очень долгое время финикіяне поклонялись камнямъ, горамъ, деревьямъ и даже впослѣдствіи продолжали изображать своихъ боговъ въ видѣ камней. Изображеніе боговъ въ видѣ людей было у финикіянъ явленіемъ въ высшей степени рѣдкимъ и возникло лишь въ болѣе позднее время, подъ вліяніемъ вавилонской, египетской, а со временемъ и греческой религіи. Притомъ человѣкообразной формѣ идола сообщался какой-нибудь придатокъ, свойственный животному: такъ напримѣръ, на островѣ Кипрѣ бога Ваала изображали въ видѣ старца съ бараньими рогами.

Впрочемъ это изображеніе было подражаніемъ египтянамъ. У послѣднихъ было когда-то распространено поклоненіе баранамъ. Поэтому одного изъ боговъ и представляли въ Египтѣ въ видѣ человѣка съ бараньей головой или бараньими рогами. У финикіянъ не было ничего подобнаго, и все сводилось такимъ образомъ къ простому подражанію.

Домашніе идолы дѣлались въ видѣ очень небольшихъ статуетокъ. Эти небольшія фигуры имѣли человѣкообразный видъ. Такъ напр., сохранились статуетки грубой работы, представляющія богиню Астарту. Каждый финикійскій городъ имѣлъ собственнаго Ваала (владыку) и жену его Ваалатъ (владычицу). Первое мѣсто занималъ Ваалъ, за исключеніемъ города Библа.



Фасадъ финикійскаго храма съ тремя входными дверьми (Тисненіе на золотой пластинкѣ, найденной въ Микенахъ).

гдѣ первенствующее мѣсто принадлежало женскому божеству. Это женское божество, подъ вліяніемъ вавилонской религіи, получило собственное имя и стало называться Аштаретъ или Астартой (вавил. Иштаръ). Ваалъ и Астарта были богами плодородія: Ваалъ — божествомъ неба, солнца, дождя, Астарта—земли. Но съ теченіемъ времени и на Астарту стали смотрѣть, какъ на небесную богиню, и, такъ какъ Ваалъ счи-

тался богомъ солнца, она стала богиней луны. Ваалъ города Тира, бывшаго долгое время главнѣйшимъ городомъ Финикіи, носилъ имя Мелькарта. Онъ сталъ предметомъ всеобщаго поклоненія у финикіянъ. Различные разсказы о похожденіяхъ Мелькарта изображали его такимъ же отважнымъ мореплавателемъ, каковыми были сами финикіяне. Странствуя по морямъ, Мелькартъ основывалъ колоніи и поражалъ всякаго рода чудовищъ и дикарей. Такимъ образомъ богъ солнца какъ бы превращался съ теченіемъ времени въ бога морей и мореплаванія.

Финикіяне строили въ честь своихъ боговъ храмы. Они со временемъ совершенно разрушились; сохранились развалины лишь одного финикійскаго храма. Финикійскіе храмы представляли обыкновенно продолговатый четыреугольный дворъ, окруженный колоннами. По серединѣ двора ставился камень, которому и поклонялись. Къ этому двору примыкало еще крытое, а иногда и открытое пространство съ жертвенникомъ. Кромѣ того, на дворѣ ставились чаши огромнаго размѣра для омовенія жрецовъ.

Жрецовъ въ Финикіи было очень много. Религіозныя церемоніи сопровождались игрою на флейтѣ и струнныхъ инструментахъ и ударами въ тимпанъ (котелъ съ натянутой на немъ кожей). Увлеченіе участниковъ церемоніи становилось нерѣдко дикимъ: они царапали себя и даже наносили себѣ раны. Приносились въ жертву не только животныя, но и люди. Родители жертвовали даже своими дѣтьми.

Важнѣйшимъ явленіемъ финикійской образованности считается алфавитъ изъ 22 буквъ, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ тому или другому звуку. Благодаря этому, письменность была значительно упрощена. Но упрощеніе письменности далеко не имѣетъ такого же значенія, какъ изобрѣтеніе ея въ томъ или другомъ видѣ. Письменность давно уже была у вавилонянъ и египтянъ. Но письменность эта представляла то неудобство, что каждый отдѣльный знакъ ея изображалъ то цѣльное слово, то слогъ, то одинъ только звукъ. Финикіяне поняли, что гораздо удобнѣе имѣть особые знаки для каждаго звука, и усовершенствовали чужое изобрѣтеніе. Во всякомъ

случаѣ изобрѣтеніе алфавита имѣетъ большое значеніе въ исторіи образованности вообще [1]).

Изъ произведеній финикійской промышленности наиболѣе славились издѣлія изъ тканей, окрашенныхъ въ пурпурную



Финикійскій надгробный памятникъ въ Амритѣ (богатой развалинами мѣстности на финикійскомъ побережьи).

краску, и стеклянныя. Пурпуровую краску добывали финикіяне изъ особаго рода раковины, водившейся въ финикійскихъ и греческихъ водахъ. Мастерскихъ, въ которыхъ окрашивали

[1]) Финикійскій алфавитъ былъ заимствованъ греками и подвергся дальнѣйшему усовершенствованію. Отъ грековъ алфавитъ перешелъ къ римлянамъ, а затѣмъ и къ другимъ народамъ Европы.

ткани, въ Тирѣ было такое большое количество, что жители жаловались на запахъ отъ красиленъ. Сидонъ славился своими стеклянными фабриками. Стеклянныя издѣлія финикіянъ имѣли большое распространеніе, но изобрѣли стекло не финикіяне, какъ думали объ этомъ очень долгое время. Они заимствовали способъ изготовленія стекла изъ Египта, гдѣ оно было извѣстно въ самыя древнія времена. Большой сбытъ находили и другіе предметы финикійской торговли: глиняная посуда, бронза, рѣзьба изъ слоновой кости, мебель изъ кедроваго дерева и другихъ дорогихъ породъ, наконецъ — драгоцѣнности. Но все дошедшее до нашего времени изъ этихъ предметовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что финикіяне ограничивались въ сущности подражаніемъ издѣліямъ другихъ народовъ—египтянъ, вавилонянъ, персовъ, а въ позднѣйшія времена — грековъ.

Историческое значеніе финикіянъ и заключается въ томъ, что при ихъ посредничествѣ культура высокообразованныхъ народовъ древности распространялась во всѣ стороны извѣстнаго тогда міра.

Арійцы.

22. **Арійское племя**. Арійское племя, къ которому принадлежимъ и мы, русскіе, и почти всѣ остальные народы Европы, является самымъ даровитымъ изъ всѣхъ существующихъ на землѣ племенъ. Оно установило свое первенство около $2^1/_2$ тысячъ лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ удерживаетъ его за собою. Уже въ глубокой древности представители этого племени называли себя аріями, т. е. благородными, почтенными. Всѣхъ иноплеменныхъ туземцевъ, гдѣ бы ни заставали они ихъ, арійцы покоряли или истребляли, относясь къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ. Одна вѣтвь арійцевъ заняла часть юго-западной Азіи, другая постепенно размѣстилась по Европѣ. Одни изъ азіатскихъ арійцевъ заняли Иранское плоскогоріе, другіе спустились на полуостровъ Индостанъ долиною рѣки Инда, такъ какъ величайшія на земномъ шарѣ Гималайскія горы представляли почти неодолимую преграду. Такимъ образомъ, восточною границей распространенія арійцевъ слѣдуетъ считать Бенгальскій заливъ, тогда какъ запад-

ная доходитъ до самаго Атлантическаго океана. Такъ какъ очень долгое время самымъ восточнымъ краемъ пространства, которое заняли арійцы, оставалась Индія, а западнымъ — Европа, то и все арійское племя получило отъ ученыхъ названіе индо-европейскаго. Арійское племя стало дѣйствовать въ исторіи при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. Оно уже застало извѣстную и притомъ высокую образованность. Съ другой стороны, оно обнаружило очень цѣнную особенность — свою замѣчательную способность продолжать дальше и совершенствовать то, что было сдѣлано другими. Выносливые, умѣющіе жить при всякихъ—часто неблагопріятныхъ—условіяхъ жизни, арійцы достигли замѣчательныхъ успѣховъ во всякомъ дѣлѣ, за которое только брались.

Прежде всего мы обратимся къ исторіи тѣхъ арійцевъ, которые поселились въ области Ирана. Самое названіе Ирана произошло отъ слова Айрьяна: такъ былъ названъ Иранъ отъ имени арійцевъ, вытѣснившихъ отсюда туранское племя, которое обитало здѣсь до ихъ прихода.

23. Народы Ирана и ихъ религія. Первымъ изъ иранскихъ народовъ арійскаго племени, достигшихъ могущества и славы, были мидяне или мадаи, какъ называются они въ Библіи и ассирійскихъ надписяхъ. Сперва они жили въ восточной части Иранскаго плоскогорія, откуда переселились потомъ въ западную его часть, къ подножію Загрошскаго горнаго хребта. Около 850 года до Р. Хр. мидяне уже владѣли, повидимому, многими долинами и склонами восточнаго Загроша. По крайней мѣрѣ, именно въ это время они имѣли столкновеніе съ ассирійскими войсками, о чемъ упоминается въ надписи одного изъ ассирійскихъ царей того времени. Послѣ этого могущество мидянъ стало быстро развиваться. Ассирійскимъ царямъ, какъ мы видимъ это изъ ихъ надписей, приходилось послѣ этого все чаще и чаще направлять свои войска противъ мидянъ. Сперва ассиріяне совершали свои походы въ Загрошскія горы, а потомъ стали заходить и къ востоку отъ нихъ, въ самыя иранскія степи. Много говорятъ въ своихъ надписяхъ цари Ассиріи о мидянахъ, даютъ даже разныя прозвища различнымъ частямъ этого народа, но нигдѣ не упоми-

наютъ о мидійскихъ царствахъ или царяхъ. Всюду идетъ рѣчь только о городахъ и старшинахъ ихъ. Очевидно, мидяне не составляли еще одного цѣльнаго государства и еще незадолго до того перестали жить родовымъ бытомъ.

Другимъ арійскимъ народомъ, поселившимся на Иранѣ, были персы. Они утвердились въ юго-западной части Иранскаго плоскогорья, у восточной границы Элама. Отъ ихъ имени и та гористая мѣстность, которую они заняли, получила названіе Персиды.

Религія иранцевъ извѣстна подъ именемъ маздеизма. Она создавалась въ продолженіе многихъ вѣковъ. Но позднѣйшія сказанія приписали ее одному лицу и называли пропо-



Ормуздъ.

вѣдникомъ ея пророка Зороастра (Заратустру). Сначала, по ученію арійцевъ Ирана, существовалъ единый Богъ Ормуздъ (Агурамазда), «лучезарный, превеликій, преблагой, совершеннѣйшій, всеразумный и прекраснѣйшій». Самъ онъ не былъ созданъ никѣмъ, но создалъ все изъ ничего единымъ словомъ своимъ. Съ самаго начала онъ назначилъ себѣ помощниками въ управленіи вселенною шесть благодѣтельныхъ духовъ. Ормуздъ сотворилъ міръ и желалъ сдѣлать его хорошимъ, но въ самомъ же началѣ творенія появился Ариманъ, богъ зла и тьмы. Желая нарушить порядокъ міра, созданнаго Ормуздомъ, Ариманъ также избралъ себѣ шесть злыхъ духовъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ противодѣйствовать одному изъ добрыхъ духовъ Ормузда. Ормуздъ создалъ добро, Ариманъ противопо-

ставилъ ему зло, мракъ противопоставилъ свѣту, порокъ — чистотѣ, болѣзнь—здоровью, смерть—жизни и т. под. Человѣкъ, какъ и все живущее, подчиняется вліянію добра и зла. Чтобы онъ могъ лучше бороться противъ злыхъ духовъ и козней ихъ, Ормуздъ приставилъ къ нему ангела - хранителя.



Царь убиваетъ чудовище Аримана (барельефъ во дворцѣ персидскаго царя Ксеркса).

Эта религія не допускала ни храмовъ, ни алтарей, ни статуй божества. На возвышенныхъ мѣстахъ устраивались убѣжища, гдѣ горѣлъ неугасимый, постоянно поддерживаемый жрецами огонь. Обряды состояли изъ молитвъ и гимновъ. Въ

жертву приносились животныя — лошадь, быки, козы и овцы. Жертвоприношеніе заканчивалось трапезой, за которою съѣдалось жертвенное мясо.

Религія требовала добродѣтели, молитвъ и труда. Земля, оставшаяся безплодною, считалась собственностью Аримана. Воздѣлать клочокъ такой земли, сдѣлать ее плодородною, значило одержать побѣду надъ Ариманомъ.

Тѣла умершихъ религія не дозволяла ни сожигать въ огнѣ, такъ какъ это осквернило бы огонь, ни класть безъ особыхъ предосторожностей въ землю, ни бросать въ рѣку: нарушеніе двухъ послѣднихъ условій осквернило бы землю и воду. Чтобы избѣжать этого, трупы передъ опущеніемъ въ землю покрывались воскомъ или же просто оставлялись на открытомъ воздухѣ, на съѣденіе птицамъ и дикимъ звѣрямъ. Душа умершаго, какъ учила религія, вскорѣ послѣ смерти являлась передъ духомъ правосудія. Тотъ взвѣшивалъ на безукоризненно вѣрныхъ вѣсахъ ея хорошіе и дурные поступки и, согласно тому, которые изъ нихъ перетягивали, или осуждалъ душу, или миловалъ ее. По выходѣ души изъ судилища, ее вели къ мосту, перекинутому черезъ адъ и ведущему въ рай. Нечестивая душа не могла перейти моста и падала въ адскую пропасть, гдѣ становилась рабою Аримана. Праведная входила въ рай, гдѣ ее радостно привѣтствовалъ Ормуздъ.

Борьба между Ормуздомъ и Ариманомъ должна была, по ученію Зороастра, окончиться побѣдой перваго.

Иранскіе жрецы назывались **магами**. Они считались необходимыми посредниками между божествомъ и людьми. Въ ихъ отсутствіе нельзя было ни приносить жертвъ, ни совершать какихъ-бы то ни было религіозныхъ церемоній. Въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ высокими тіарами на головахъ, со священными пучками тамариска въ рукахъ, безъ чего не совершалось ни одного религіознаго обряда, они отправлялись процессіями къ убѣжищамъ, приготовляли жертвы, совершали возліянія и пѣли священныя пѣсни. Иранцы вѣровали, что ихъ маги обладаютъ сверхчеловѣческой способностью предсказывать будущее. Вообще они пользовались огромнымъ вліяніемъ какъ на простонародье, такъ и на высшій классъ народа.

24. Разсказы о мидянахъ и образованіи Персидскаго царства. Долгое время жили мидяне, управляясь отдѣльными старшинами, раздѣленные на множество частей. Ассирія не боролась съ ними съ первыхъ лѣтъ правленія своего царя Ассурбанипала. Это обстоятельство было очень выгоднымъ для мидянъ, которые могли безпрепятственно развивать свои силы. Мы не знаемъ о томъ, что происходило у нихъ за это время, но, когда мидяне снова появляются въ исторіи, они уже собраны въ одинъ сильный народъ и успѣли создать большое государство. Объ основаніи этого государства (около VII в.) дошли до нашего времени только народныя преданія, да и то — въ пересказѣ греческаго историка Геродота. Основателемъ Мидійскаго царства Геродотъ называетъ Дейока и разсказываетъ о немъ слѣдующее. Дейокъ задумалъ захватить власть надъ мидянами, которые жили въ то время разрозненными племенами. Будучи наиболѣе уважаемымъ человѣкомъ въ своемъ городѣ, онъ началъ въ высшей степени старательно производить въ немъ судъ и расправу. Дѣятельность его была тѣмъ болѣе замѣчательной, что въ это время среди мидянъ происходили постоянныя неурядицы. Жители его родного города, видя справедливость Дейока, избрали его своимъ судьею. Жители другихъ мидійскихъ городовъ, терпя много отъ своихъ несправедливыхъ судей, стали обращаться къ Дейоку, чтобы онъ разрѣшалъ ихъ споры. Когда Дейокъ замѣтилъ всеобщее расположеніе къ себѣ и большое свое значеніе, онъ отказался судить и рядить согражданъ, ссылаясь на то, что занятія на общую пользу отнимаютъ у него время, необходимое для своихъ личныхъ дѣлъ. Пересталъ онъ судить, а безпорядки достигли изъ-за этого высшей степени. Собрались тогда мидяне и стали совѣтоваться сообща о томъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Друзья Дейока говорили: «мы не можемъ дольше жить въ странѣ, находящейся въ такомъ состояніи, въ какомъ находится теперь наша. Выберемъ же себѣ изъ своей среды царя. Онъ будетъ управлять страной, а мы возвратимся къ своимъ дѣламъ, и неправда не будетъ болѣе повергать насъ въ состояніе вѣчной неурядицы». Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ и выбрали царемъ Дейока, какъ лучшаго изъ всѣхъ. Добившись своей

цѣли, Дейокъ выстроилъ себѣ дворецъ и окружилъ себя царской стражей. Повинуясь приказанію Дейока, мидяне построили огромный и хорошо укрѣпленный городъ, названный Экбатаною. Экбатана была расположена на холмѣ и окружена семью стѣнами. Эти стѣны возвышались одна надъ другою на высоту своихъ зубцовъ. Внутри послѣдней изъ нихъ находились дворецъ и сокровищница царя. Зубцы каждой стѣны были выкрашены какою-либо одною краской: зубцы одной были бѣлые, другой—черные, третьей—красные и т. д.; зубцы же послѣдней стѣны были покрыты позолотою. Въ то же время Дейокъ отдалился отъ народа и сталъ сноситься съ нимъ черезъ посредство чиновниковъ. Онъ думалъ, что, сдѣлавшись невидимымъ для своихъ подданныхъ, онъ въ концѣ концовъ пріучитъ ихъ смотрѣть на себя, какъ на существо иного, высшаго порядка.

Но весь этотъ разсказъ о Дейокѣ представляетъ собою чистѣйшій вымыселъ. Дѣйствительнымъ создателемъ Мидійской монархіи былъ Кіаксаръ. Онъ создалъ отличное войско, въ которомъ стрѣлки, копьеносцы и конница образовали отдѣльные корпуса, тогда какъ прежде всѣ они смѣшивались въ одну нестройную толпу. Затѣмъ Кіаксаръ возобновилъ борьбу съ ассиріянами и уже осадилъ городъ Ниневію. Въ это самое время съ сѣверо-запада вторгнулись въ Мидію скиѳы и страшно опустошили ее. Скиѳы разоряли значительную часть Передней Азіи въ продолженіе семи или восьми лѣтъ. Произведенныя ими опустошенія подготовили окончательное паденіе Ассирійскаго царства. Что касается Мидіи, то она сравнительно менѣе пострадала отъ нихъ. Наконецъ Кіаксаръ поспособствовалъ удаленію скиѳовъ, по словамъ Геродота, слѣдующимъ образомъ. Онъ пригласилъ на большой пиръ скиѳскихъ начальниковъ. Когда же всѣ они перепились, онъ приказалъ умертвить ихъ. На слѣдующій же день послѣ этого онъ напалъ на скиѳовъ. Хотя послѣдніе и не имѣли болѣе начальниковъ, но мужественно выдержали натискъ Кіаксаровыхъ войскъ. Послѣ долгой и кровопролитной борьбы скиѳы ушли обратно въ ту сторону, откуда пришли, т. е. за Кавказскія горы. Какъ только скиѳы удалились, Кіаксаръ возобновилъ прерванную попытку покорить Ассирію. Съ этою цѣлью онъ соединился съ намѣст-

никомъ Вавилоніи Набополассаромъ, и оба они со своими военными силами двинулись въ Ассирію. Въ 608 г. до Р. Хр. они осадили Ниневію. Населеніемъ ассирійской столицы овладѣлъ ужасъ. Послѣдній царь Ассиріи [1]) приказалъ совершать въ храмахъ торжественныя моленія. Всему народу былъ предписанъ постъ, который долженъ былъ продолжаться 100 сутокъ. Цѣлыхъ два года защищалась Ниневія, но и ей пришелъ конецъ. Когда исходъ борьбы сдѣлался очевиднымъ, ассирійскій царь, не желая отдаться живымъ въ руки враговъ, поджегъ свой дворецъ и погибъ въ пламени.

Пророкъ Іезекіилъ написалъ слѣдующія вдохновенныя строки спустя 40 лѣтъ послѣ паденія Ассиріи, угрожая тою же участью и Египту: „Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ, съ красными вѣтвями и тѣнистою листвою, и высокій ростомъ; вершина его находилась среди толстыхъ сучьевъ... Высота его превысила всѣ дерева полевыя, и сучьевъ на немъ было много, и вѣтви его умножались... На сучьяхъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, а подъ тѣнью его жили всякіе, многочисленные народы... И срубили его чужеземцы, лютѣйшіе изъ народовъ; и на всѣ долины упали вѣтви его; и сучья его сокрушились на всѣхъ лощинахъ земли, а изъ подъ тѣни его ушли всѣ народы земные и оставили его. На обломкахъ его помѣстились всякія птицы небесныя, и въ сучьяхъ были всякіе полевые звѣри“...

Послѣ паденія Ниневіи, Кіаксаръ и Набополассаръ подѣлили между собою Ассирійское царство. Ново-Вавилонское царство расширилось до Средиземнаго моря и египетской границы, между тѣмъ какъ Кіаксаръ взялъ себѣ верховья Тигра и Евфрата и расширилъ границы Мидійскаго царства до Чернаго моря. Не довольствуясь пріобрѣтеннымъ, Кіаксаръ задумалъ покорить Малую Азію, въ которой первое мѣсто занимало Лидійское царство. Война между мидянами и лидійцами тянулась нѣсколько лѣтъ и окончилась миромъ, по которому границею между обѣими монархіями должна была сдѣлаться рѣка Галисъ, главнѣйшая изъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море съ малоазіатскаго берега. Этотъ миръ установилъ, такимъ образомъ, нѣкоторое равновѣсіе между тремя царствами — Мидійскимъ, Ново-Вавилонскимъ и Лидійскимъ.

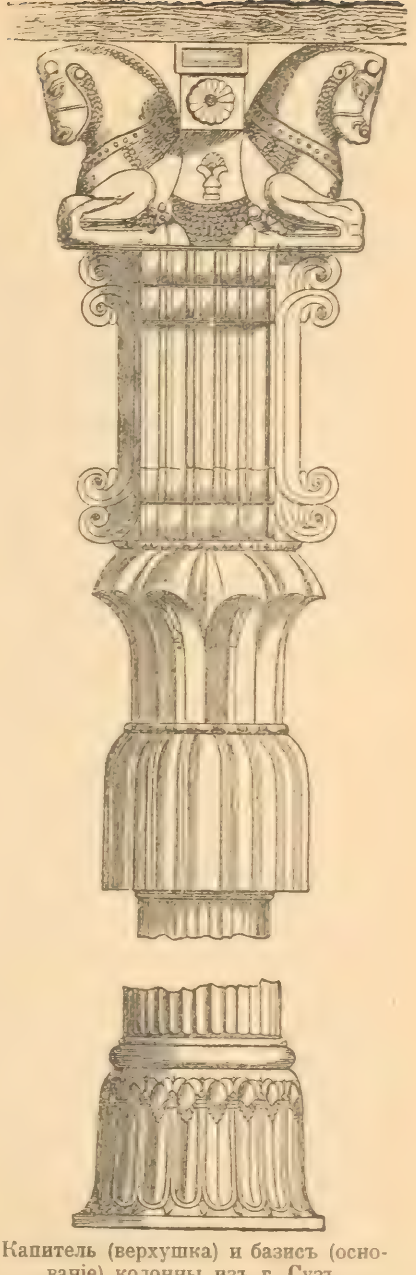
Преемникомъ Кіаксара былъ Астіагъ. Онъ женился на дочери лидійскаго царя (Аліатта), а его сестра вышла замужъ

[1]) Ассурахиддинъ II.

за Навуходоносора. Такимъ образомъ, союзъ между тремя державами былъ скрѣпленъ брачными союзами царей. Казалось, Астіагъ могъ спокойно царствовать. Но послѣ 35-тилѣтняго царствованія онъ былъ низложенъ царемъ персовъ Киромъ (Курусомъ). До Кира мидяне повелѣвали персами, хотя послѣдніе и имѣли своихъ царей. Теперь господство перешло въ руки персовъ, и мидяне, въ свою очередь, подчинились имъ.

25. **Царь Киръ—покоритель Мидіи**. Такое важное событіе, какъ покореніе Мидійскаго царства подвластными ему персами, сразу же сдѣлалось достояніемъ народныхъ сказаній. Вотъ какъ изображалось это событіе въ сказаніяхъ. У Астіага была единственная дочь, и корона должна была перейти къ ней. Разъ Астіагу приснился странный сонъ. Ему привидѣлось, что надъ его дочерью выросла виноградная лоза и своею листвою покрыла всю Азію. Дочь эта была замужемъ за однимъ персидскимъ вельможей. Встревоженный царь созвалъ маговъ, чтобы спросить ихъ о значеніи сна. Маги объяснили царю, что онъ будетъ лишенъ короны своимъ внукомъ. Когда у дочери его вскорѣ послѣ этого родился сынъ, Астіагъ отдалъ его одному своему приближенному (Гарпагу) и приказалъ ему умертвить малютку. Вельможа долго колебался и, наконецъ, передалъ ребенка — а это и былъ Киръ — одному пастуху съ тѣмъ, чтобы тотъ занесъ его въ какое-либо пустынное мѣсто, гдѣ бы мальчикъ и погибъ. Жена пастуха, только что лишившаяся сына, упросила мужа, чтобы онъ принялъ Кира въ свой домъ и воспитывалъ его, какъ родного сына. Пастухъ согласился на это. Прошли годы, и Киръ выросъ. Разъ, играя со своими однолѣтками, онъ былъ избранъ ими въ цари. Сынъ одного мидійскаго вельможи не послушался его, а Киръ приказалъ мальчикамъ высѣчь ослушника. Мальчикъ пожаловался своему отцу, отецъ—Астіагу. Немедленно же послѣ этого Киръ и его мнимый отецъ были вызваны въ Экбатану къ самому царю. Увидавъ Кира, замѣтивъ что-то особенное въ его манерѣ вести себя, поразившись сходствомъ его со своею дочерью, Астіагъ сталъ догадываться, что онъ обманутъ. Пастухъ сознался во всемъ. Астіагъ жестоко отомстилъ своему вельможѣ, который осмѣлился ослушаться его. Созванные царемъ маги успокоили

его, заявивъ, что его пророческій сонъ исполнился, такъ какъ Киръ уже былъ избранъ своими сотоварищами въ цари, а потому и нечего ожидать со стороны Кира какой-либо опасности для себя. Отвѣтъ этотъ успокоилъ Астіага, и онъ, пощадивъ жизнь Кира, отправилъ его въ Персію къ родителямъ. Но вернувшійся въ Персію Киръ сталъ дѣйствовать противъ Астіага. Благодаря своему убѣдительному краснорѣчію и недовольству персовъ мидянами, онъ добился того, что персы провозгласили его своимъ царемъ. Астіагъ, услышавъ о возмущеніи персовъ, отправилъ противъ нихъ сильное войско. Это войско потерпѣло пораженіе. Чтобы отомстить магамъ, посовѣтовавшимъ ему пощадить жизнь Кира, онъ приказалъ повѣсить ихъ. Вторая битва мидянъ съ персами была еще неудачнѣе для первыхъ, такъ какъ въ руки возставшихъ попалъ самъ Астіагъ. Такимъ образомъ, Киръ покорилъ мидянъ и присоединилъ Мидійское царство къ своему. Такъ разсказываетъ о паденіи мидянъ и о Кирѣ Геродотъ. Но существовали и другіе разсказы. По одному изъ нихъ, Киръ вовсе не былъ царскаго рода, такъ какъ



Капитель (верхушка) и базисъ (основаніе) колонны изъ г. Сузъ.

его мать пасла козъ, а отецъ занимался грабежомъ. Самъ Геродотъ говоритъ, что выбралъ изъ разсказовъ о Кирѣ наиболѣе правдоподобный. Но и этотъ разсказъ оказывается недостовѣрнымъ. На самомъ дѣлѣ все происходило гораздо проще. Дѣло въ томъ, что персы, хотя и находились въ зависимости отъ Мидіи, но имѣли своихъ царей. Киръ и происходилъ изъ царственнаго рода Персіи. Между нимъ и его повелителемъ не было родственныхъ отношеній. Онъ поднялъ противъ Астіага возстаніе. Астіагъ же послалъ свое войско, чтобы усмирить его. По однимъ свѣдѣніямъ, война между Киромъ и Астіагомъ тянулась цѣлыхъ 3 или 4 года и окончилась побѣдою персовъ. По другимъ же свѣдѣніямъ, мидяне не оказали никакого сопротивленія возставшимъ: войско Астіага возмутилось противъ своего царя и выдало его врагамъ. Экбатана была взята, и сокровища, хранившіяся въ ней, обогатили казну побѣдителей. Мидійская монархія пала (549).

26. **Киръ и царь Лидіи Крезъ**. Въ то время, когда Киръ подчинилъ своей власти мидянъ, въ Лидіи былъ царемъ К р е з ъ (преемникъ Аліатта, § 24). Ему была подвластна большая часть Малой Азіи, простирающаяся почти отъ самаго Эгейскаго моря (Архипелага) на западѣ до рѣки Галиса на востокѣ. Земля, подвластная Крезу, славилась своимъ плодородіемъ и обиліемъ золотыхъ, серебряныхъ и желѣзныхъ рудъ. Крезъ былъ частью властелиномъ, частью союзникомъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, находившихся на западномъ берегу Малой Азіи. Колоніи эти вели обширную торговлю на Средиземномъ и Черномъ моряхъ. Понятно, поэтому, что Крезъ считался богатѣйшимъ изъ государей. Его столица, С а р д ы, была мѣстомъ, куда съѣзжались знаменитые греческіе ученые того времени. Крезъ гордился своими богатствами, своимъ могуществомъ и считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Геродотъ оставилъ намъ въ своемъ историческомъ сочиненіи прекрасную легенду, изображающую страшное самомнѣніе царя Креза. Разъ посѣтилъ его греческій мудрецъ Солонъ. Царь призвалъ его къ своему двору и показалъ ему всѣ свои сокровища. Но Солонъ, осмотрѣвъ всѣ богатства Креза, не выразилъ удивленія и отказался признать лидійскаго царя самымъ счастливымъ изъ лю-

дей. Крезъ счелъ Солона за чудака и даже не задумался надъ его мнѣніемъ о томъ, что никакого человѣка, пока онъ не умеръ, нельзя называть счастливымъ, такъ какъ неизвѣстно, что готовитъ ему будущее. Онъ вспомнилъ о Солонѣ и призналъ его мудрымъ только тогда, когда испыталъ страшное несчастіе, лишился и богатства, и царства, и чуть было не лишился жизни.

Несчастье же Креза, какъ извѣстно намъ вполнѣ достовѣрно, заключалось въ слѣдующемъ. Узнавъ о паденіи Мидійской монархіи и опасаясь за свою собственную участь, Крезъ началъ искать себѣ союзниковъ и составилъ противъ грознаго Кира союзъ, въ который вступили фараонъ Египта Амазисъ и вавилонскій царь Набонидъ. Обѣщали свою помощь союзникамъ и лакедемоняне, самые сильные изъ грековъ въ ту пору. Но Крезъ, понадѣявшись на свои силы, напалъ на Кира прежде, чѣмъ союзники были готовы къ дѣйствію. Онъ переправился черезъ р. Галисъ и сталъ опустошать мѣстности, лежащія къ востоку отъ нея. Киръ былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ думалъ, было, поднять противъ Креза греческихъ колонистовъ, живущихъ по западному берегу Малой Азіи, но тѣ отказались дѣйствовать противъ Креза не столько изъ привязанности къ этому государю, сколько изъ страха передъ Киромъ. Разочарованный въ своихъ надеждахъ, Киръ началъ готовиться къ войнѣ, но послѣдовавшая затѣмъ битва не дала побѣды ни той, ни другой сторонѣ. Самонадѣянный Крезъ, не замѣчая на слѣдующій день никакого движенія въ непріятельскомъ лагерѣ, рѣшилъ, что Киръ призналъ себя побѣжденнымъ и отступилъ къ Сардамъ. Воспользоваться, какъ слѣдуетъ, воображаемой побѣдой онъ не могъ, такъ какъ наступило позднее время года, неудобное для военныхъ дѣйствій. Онъ рѣшилъ возобновить борьбу съ Киромъ только съ наступленіемъ весны, о чемъ и далъ знать союзникамъ. Но Киръ отлично понималъ, что весною врагъ очень усилится, и тогда нелегко будетъ справиться съ нимъ. Поэтому, несмотря на зимнюю пору, онъ переправился на лѣвый берегъ Галиса и пошелъ прямо въ Сарды. Крезъ былъ застигнутъ врасплохъ въ свою очередь. Наскоро собралъ онъ свои войска и далъ битву Киру. Лидійское войско билось мужественно, но проиграло битву. Царь

Крезъ вошелъ въ свою столицу и отправлялъ оттуда гонца за гонцомъ, призывая къ себѣ союзниковъ. Но уже черезъ двѣ недѣли Сарды сдались Киру. Покореніе Лидійскаго царства (546) навело ужасъ на всѣхъ современниковъ. Особенно были поражены греки. Они были такъ очарованы могуществомъ Лидіи, такъ ослѣплены ея богатствами, что считали ее непобѣдимою и не могли представить себѣ, что паденіе ея совершилось такъ просто, такъ естественно. Крезъ сдѣлался для нихъ примѣромъ непрочности всего земного. Его жизнь они изукрасили цѣлымъ рядомъ легендъ.

Вотъ какую легенду разсказываетъ тотъ же греческій писатель Геродотъ о паденіи могущественнаго царя Лидіи. Взятіе Сардъ, покореніе Лидійскаго царства сразу превратили богатѣйшаго царя въ нищаго и раба. Но и этого легендѣ мало. Приведенный къ побѣдителю Крезъ былъ приговоренъ имъ къ сожженію на кострѣ. Стоя уже на кострѣ, Крезъ вспомнилъ все свое прошлое и три раза громко произнесъ имя мудреца Солона. Киръ поинтересовался узнать, кого онъ зоветъ. Тогда Крезъ послѣ нѣкотораго молчанія отвѣтилъ: «много бы я далъ, чтобы тотъ, кого я назвалъ, поговорилъ со всѣми владыками». И Крезъ разсказалъ затѣмъ о своемъ свиданіи и бесѣдѣ съ великимъ греческимъ мудрецомъ. Разсказъ Креза заставилъ призадуматься великаго завоевателя. Киръ приказалъ потушить уже разгоравшійся костеръ, велѣлъ снять съ Креза оковы и посадилъ его рядомъ съ собою. Смотря въ задумчивости и молчаніи на тѣ разрушенія и разграбленія, которыя производили персидскіе воины, Крезъ спросилъ у Кира: «могу ли я, царь, сказать тебѣ то, что думаю, или долженъ молчать?» Получивъ позволеніе говорить, Крезъ снова спросилъ Кира: «что дѣлаетъ съ такимъ усиліемъ эта большая толпа людей?» — «Какъ что? возразилъ Киръ. Она грабитъ твой городъ и расхищаетъ твои сокровища».—На это Крезъ отвѣтилъ: «не мой городъ разоряютъ они и не мои сокровища расхищаютъ; у меня, вѣдь, нѣтъ больше ничего. Расхищаютъ они твое достояніе». Киру такъ понравилась рѣчь Креза, что онъ держалъ его при себѣ въ большомъ почетѣ. Такъ разсказывали о Крезѣ греческія легенды.

27. Образованіе великой Персидской державы. Послѣ покоренія Лидійскаго царства Киръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подчинилъ себѣ всю остальную часть Ирана, лежащую къ востоку отъ Мидіи и Персіи. Только послѣ этого онъ началъ готовиться къ нападенію на Ново-Вавилонскую державу (§ 18). Это государство скорѣе казалось опаснымъ врагомъ, чѣмъ было таковымъ на самомъ дѣлѣ. Безконечныя войны вавилонянъ съ Ассиріей мало-по-малу ослабили ихъ. Менѣе чѣмъ черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Навуходоносора уже можно было пред-



Гробница Кира.

видѣть паденіе Ново-Вавилонскаго царства. Къ тому же и царь Набонидъ болѣе заботился о поддержаніи и возстановленіи храмовъ, чѣмъ о содержаніи крѣпостей и военныхъ силъ. Противъ него возстали его подданные, жившіе на берегахъ Средиземнаго моря, но онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы вернуть ихъ къ повиновенію. Услыхавъ о движеніи противъ него Кира, Набонидъ велѣлъ приносить жертвы Ваалу (Белу) и перенести въ столицу изображенія наиболѣе почитаемыхъ боговъ. Но мѣры эти не остановили войскъ персидскаго царя. Скоро вой-

ска Набонида были разбиты. Киру оставалось завладѣть Вавилономъ. Это былъ городъ обширный, хорошо укрѣпленный и въ изобиліи снабженный съѣстными припасами (провіантомъ), но Киру все-же удалось взять его. Древніе разсказывали, что царь персидскій воспользовался въ этомъ случаѣ безпечностью жителей Вавилона. Въ то время, когда они считали себя въ безопасности за крѣпкими стѣнами, Киръ приказалъ своимъ воинамъ отвести часть р. Евфрата, близкую къ Вавилону, въ другую сторону, послѣ чего войска его проникли въ роскошную столицу по обнаженному руслу рѣки. Вавилоняне выдали Набонида врагамъ. Вскорѣ послѣ этого низложенный царь и умеръ. Онъ былъ похороненъ съ почестями, подобавшими его сану, и цѣлую недѣлю жители столицы носили трауръ по своемъ государѣ. По истеченіи этого срока, сынъ Кира, Камбизъ, принесъ жертву вавилонскимъ богамъ и торжественно, отъ имени своего отца, объявилъ объ установленіи владычества персовъ. И въ самомъ дѣлѣ, взятіе Вавилона Киромъ сдѣлало его властителемъ всего Вавилонскаго царства, т. е. всей страны, лежащей на нижнихъ теченіяхъ Тигра и Евфрата до Персидскаго залива, и Сиріи — до Средиземнаго моря и египетской границы. Только три мѣсяца спустя послѣ покоренія Вавилона Киръ посѣтилъ столицу. Немедленно онъ разослалъ собранныя Набонидомъ въ Вавилонѣ изображенія боговъ въ тѣ города, откуда послѣдній вавилонскій царь вывезъ ихъ. Благочестивые люди этихъ мѣстъ, негодовавшіе на поступокъ Набонида, остались очень довольны распоряженіемъ новаго повелителя. Вскорѣ и жрецы вавилонскіе приняли его сторону. Они объявили народу, что Набонидъ былъ наказанъ за свое пренебрежительное отношеніе къ богу Мардуку (§ 14). Въ первомъ же году своего пребыванія въ Вавилонѣ Киръ издалъ указъ, которымъ разрѣшалъ плѣннымъ іудеямъ вернуться на родину. Вмѣстѣ съ тѣмъ Киръ разрѣшилъ финикіянамъ доставлять іудеямъ матеріалы, необходимые для возстановленія храма, построеннаго Соломономъ. Очень понятно, что іудеи смотрѣли на Кира, какъ на своего благодѣтеля. Только въ Лидіи и Вавилоніи Киръ назначилъ персидскихъ правителей, въ остальныхъ мѣстахъ онъ оставилъ управленіе въ рукахъ

туземцевъ. Онъ завоевалъ всѣ страны древняго Востока, за исключеніемъ Египта, и образовалъ обширную Персидскую монархію, но заботы объ ея устройствѣ оставилъ своимъ преемникамъ.

Сынъ и преемникъ Кира, Камбизъ, присоединилъ къ огромному государству своего отца Египетскую монархію. Тамъ только что вступилъ на престолъ Псаметихъ III. Услыхавъ о намѣреніи Камбиза, египтяне стали волноваться мрачными предчувствіями. На этотъ разъ уже не одни народы Тигра и Евфрата, но вся передняя Азія—отъ Инда до Геллеспонта—шла противъ нихъ и грозила сокрушить ихъ. Союзникъ Египта, Поликратъ Самосскій [1]), покинулъ его. Помощи ждать было не отъ кого. Битва, происшедшая подъ Пелузіемъ (къ востоку отъ дельты Нила), велась съ отчаянной храбростію и съ той, и съ другой стороны. Египтяне отступили. Псаметихъ бѣжалъ въ Мемфисъ, заперся въ немъ, но вскорѣ былъ вынужденъ сдаться Камбизу. Разсказывали, что черезъ 10 дней послѣ сдачи Мемфиса Камбизъ пожелалъ испытать твердость духа побѣжденнаго имъ фараона. Онъ велѣлъ провести мимо него его родную дочь, одѣтую рабыней, его сыновей и дѣтей

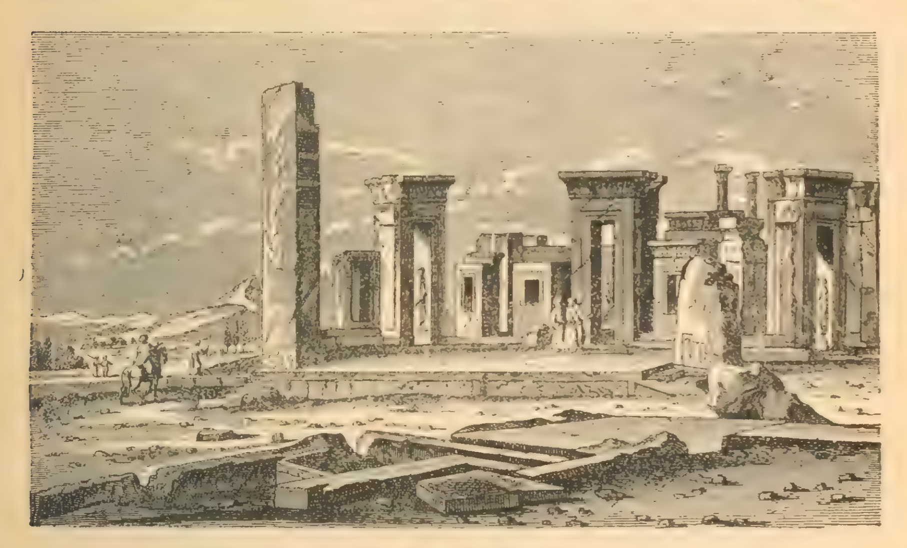
---

[1]) Поликратъ захватилъ власть надъ островомъ Самосомъ силою. Сдѣлавшись правителемъ (а правители, захватывавшіе власть силою, назывались тиранпами), онъ обратилъ свое главное вниманіе на увеличеніе флота. Благодаря ему, онъ сдѣлалъ свое небольшое государство сильною морскою державою. Его власть признали сосѣдніе острова и даже нѣкоторые города, находившіеся на берегу Малой Азіи. Обладая огромными богатствами, онъ собиралъ рукописи и произведенія искусства и возводилъ роскошныя постройки. Долго всѣ предпріятія замѣчательно удавались ему, и онъ прославился, какъ рѣдкій счастливецъ. Но конецъ его былъ ужасенъ; одинъ изъ персидскихъ правителей, опасаясь его могущества, хитростью заманилъ его къ себѣ и распялъ на крестѣ. О необыкновенномъ счастіи Поликрата сохранилось слѣдующее сказаніе. Поликратъ былъ такъ счастливъ, что сталъ наконецъ бояться собственнаго счастія. Онъ думалъ, что даже боги позавидуютъ ему и пошлютъ на него какую-либо напасть. Чтобы заставить себя испытать какое-либо лишеніе онъ бросилъ въ море свой драгоцѣнный, лучшій перстень, который очень любилъ. И что-же? прошло всего нѣсколько дней, ко двору явился рыбакъ съ большою, пойманною имъ, рыбою. Когда разрѣзали послѣднюю, чтобы приготовить ее для царскаго стола, то нашли въ ней брошенный Поликратомъ перстень. Легенда прибавляетъ, что такое необычайное счастіе пугало союзниковъ и друзей Поликрата, и что фараонъ Амазисъ даже расторгъ свой союзъ съ нимъ, боясь, что месть боговъ коснется и его.

знатнѣйшихъ египтянъ, которыхъ вели на смертную казнь. Псаметихъ, повидимому, оставался спокойнымъ. Когда же мимо него прошелъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, одѣтый въ рубище, словно нищій, фараонъ громко зарыдалъ. Камбизъ, удивленный такимъ порывомъ горя у человѣка, который только что выказалъ необычайную твердость духа, спросилъ его о причинѣ этого страшнаго горя. На этотъ вопросъ фараонъ, будто бы, отвѣчалъ: «О, сынъ Кира! мое личное несчастье слишкомъ велико, чтобы его оплакивать; но совсѣмъ другое дѣло — несчастіе моего друга. Когда человѣкъ на порогѣ старости изъ роскоши и изобилія повергается въ нищету, можно, конечно, заплакать надъ его участью». Когда переводчикъ передалъ эти слова Камбизу, послѣдній призналъ ихъ справедливость. Крезъ, бывшій въ ту пору при Камбизѣ, также разрыдался; заплакали и всѣ присутствовавшіе персы. Камбизъ былъ тронутъ горемъ низвергнутаго фараона. Онъ, можетъ быть, оставилъ бы ему власть надъ Египтомъ, но вскорѣ, узнавъ о заговорѣ противъ себя, приказалъ казнить фараона, а управленіе Египтомъ поручилъ одному изъ персовъ.

28. **Устройство Персидскаго царства.** Преемникъ Камбиза, Дарій I, сынъ Гистаспа, прославился тѣмъ, что далъ своему громадному государству извѣстное устройство. Монархія, созданная Киромъ, заключала въ себѣ какъ страны, управляемыя персидскими чиновниками (сатрапами), такъ и цѣлыя государства, города и много народовъ, платившихъ персидскому царю дань, зависѣвшихъ отъ него, но не обязанныхъ повиноваться сатрапамъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ находились ихъ владѣнія. Это былъ все тотъ же порядокъ, который существовалъ и въ другихъ великихъ монархіяхъ древняго Востока, какъ напр., въ Ассиріи: Дарій не устранилъ старыхъ царственныхъ фамилій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были. Онъ оставилъ всѣмъ подвластнымъ народностямъ тѣ языки, нравы, религіи, законы и учрежденія, которыя у нихъ существовали издавна. Греческимъ колонистамъ Малой Азіи было оставлено ихъ управленіе во всемъ его разнообразіи. У финикіянъ продолжали существовать ихъ цари и правители (суффеты). Въ

Египтѣ остались нетронутыми наслѣдственные правители номовъ (номархи). Но надъ всѣми этими мѣстными властями была поставлена единая власть, которая была выше всѣхъ остальныхъ и всюду одна и та же. Все государство было раздѣлено Даріемъ на нѣсколько правительственныхъ округовъ или сатрапій. Сначала ихъ было 23, но потомъ число сатрапій мѣнялось [1]). Такъ напр., отдѣльныя сатрапіи составляли Египетъ, Мидія и др. Были и такія сатрапіи, въ составъ которыхъ входило по нѣсколько различныхъ народовъ. Боясь раздробленія своего государства, что случилось бы неминуемо,



Развалины дворца Дарія I, сына Гистаспа.

если бы сатрапы получили верховную власть, Дарій поступилъ иначе. Въ каждую сатрапію онъ назначилъ по три чиновника, независимыхъ другъ отъ друга: то были — сатрапъ, царскій секретарь и, наконецъ, военачальникъ. Сатрапъ имѣлъ въ своихъ рукахъ только высшую гражданскую власть, военная была въ рукахъ военачальника, а царскій секретарь долженъ былъ слѣдить за всѣми дѣйствіями сатрапа и доносить о нихъ, кому слѣдуетъ. Обыкновенно эти три главныхъ начальника каждой сатрапіи находились во враждѣ другъ съ

[1]) Въ концѣ царствованія Дарія ихъ было 31.

другомъ. Каждый изъ нихъ сносился по своимъ дѣламъ съ царскимъ дворомъ.

Чтобы эти сношенія ничѣмъ не замедлялись, отъ царскаго двора были проведены въ различныя сатрапіи прекрасныя дороги. По этимъ дорогамъ постоянно разъѣзжали гонцы. Въ нѣсколько недѣль они перевозили посланія царя изъ одного конца государства въ другой.

Не довѣряя даже и своимъ секретарямъ, Дарій посылалъ ежегодно во всѣ стороны своего государства еще особыхъ чиновниковъ для провѣрки дѣятельности правителей. Они обязаны были все видѣть и слышать за самого царя, а потому ихъ и прозвали глазами и ушами государя. Они являлись обыкновенно въ такое время, когда ихъ менѣе всего ожидали. Прибывъ въ ту или другую сатрапію, эти чиновники наводили всякаго рода справки, все разслѣдывали, производили именемъ царя различныя перемѣны и дѣлали, въ случаѣ надобности, выговоры сатрапамъ. Иногда они даже смѣщали сатраповъ. Большею частью сатрапы назначались по выбору самого царя, несмотря ни на происхожденіе, ни на богатство. Ихъ не назначали на опредѣленный срокъ, а потому царь и смѣщалъ ихъ въ любое время, поручая это дѣло своимъ глазамъ и ушамъ. Глаза и уши государевы являлись всюду съ военными отрядами, которые и помогали имъ исполнять то или другое дѣло. Одного неблагопріятнаго отзыва чиновниковъ, малѣйшаго ослушанія, даже простого подозрѣнія въ неповиновеніи было достаточно, чтобы погубить сатрапа. Иногда его смѣщали, часто же, безъ всякаго суда, приговаривали къ смертной казни, при чемъ исполненіе такого приговора поручалось свитѣ самого сатрапа. Неожиданно появлялся царскій гонецъ, приказывалъ стражѣ убить своего начальника, и стража повиновалась при одномъ взглядѣ на царскій указъ.

Раздѣленіе Персидскаго царства, сдѣланное Даріемъ, не имѣло цѣлью только улучшеніе управленія. Еще большее, можетъ быть, значеніе имѣло оно, какъ очень удобное для собиранія податей въ царскую казну. Главною обязанностью сатраповъ было распредѣленіе, взысканіе податей съ населенія и взносъ ихъ въ казну царя. Собственно Персія, т. е. перво-

начальная область персовъ [1]), была свободна отъ несенія правильной подати. Ея жители обязаны были только подносить царю подарки всякій разъ, какъ онъ проѣзжалъ черезъ ихъ страну. Подарки зависѣли отъ имущества каждаго человѣка. Одинъ дарилъ быка или барана, другой — небольшое количество молока и сыра, третій—горсть фиников и т. под. Остальныя сатрапіи должны были нести подати сообразно со своимъ пространствомъ и богатствомъ. Подати эти вносились частью деньгами, частью—натурой, т. е. прямо произведеніями земли. При Даріи стала обращаться въ Персидскомъ государствѣ золотая и серебряная монета, которая получила названіе отъ его имени (дарейки). На лицевой сторонѣ этихъ монетъ находилось изображеніе царя, вооруженнаго лукомъ или дротикомъ. Монеты эти были толсты, неправильной формы и грубой чеканки, но отличались своею высокой пробой [2]). Что касается натуральныхъ податей, то Египетъ доставлялъ хлѣбъ на продовольствіе большого персидскаго войска (120.000 чел.), жившаго въ немъ, другія сатрапіи доставляли лошадей, барановъ, соль, вина, ткани, стволы чернаго дерева, слоновые клыки и т. под. Но такія сатрапіи не были совершенно избавлены и отъ денежной повинности. Кромѣ того, каждая сатрапія была обязана содержать своего сатрапа и его дворъ, что было не менѣе тяжело, чѣмъ содержаніе царя. Всѣ эти подати были очень тяжелы для населенія.

Но, несмотря на свои недостатки, устройство, данное Даріемъ своему государству, было много лучше тѣхъ порядковъ, которые господствовали до того времени на Востокѣ.

29. Скиѳы. Дарій извѣстенъ, кромѣ устройства Персидской монархіи, своими походами противъ скиѳовъ и противъ грековъ.

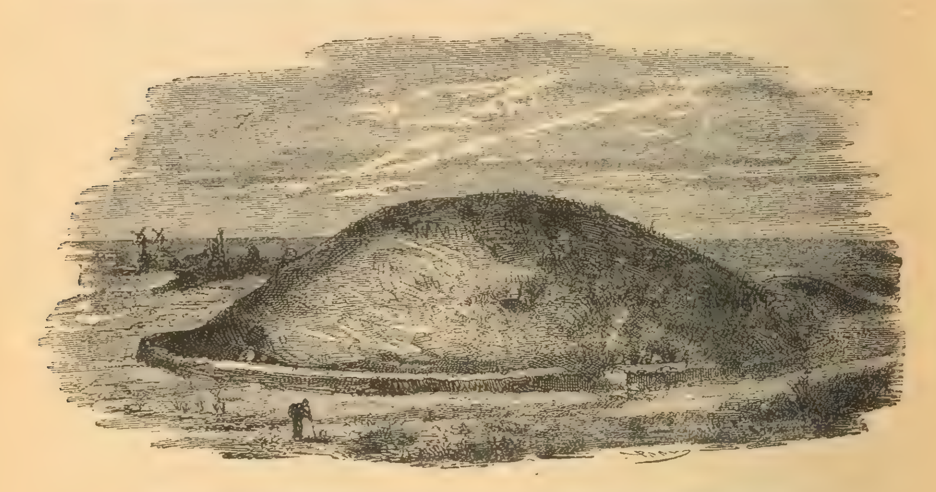
Скиѳы жили въ южныхъ степяхъ Европейской Россіи, къ сѣверу отъ Чернаго моря. Мѣста, ими занятыя, начинались

---

[1]) Она называлась Парса и составляла отдѣльную сатрапію.

[2]) Золотая и серебряная монеты не дѣлаются изъ чистаго золота и серебра, а изъ сплава, въ составъ котораго входитъ не только тотъ или другой металлъ по принадлежности, но и мѣдь. Безъ этой примѣси монеты не были бы прочными. Пробою называется количество золотниковъ золота или серебра на фунтъ сплава.

сейчасъ же за расположенными по самому берегу моря греческими колоніями. Первыя свѣдѣнія о скиѳахъ сообщаетъ греческій историкъ Геродотъ, который посѣтилъ въ половинѣ V-го вѣка до Р. Хр. устья Днѣпра, Буга и Днѣстра и подробно описалъ въ своей исторіи все, что здѣсь видѣлъ и слышалъ. Но свѣдѣній этихъ было бы недостаточно, если бы на помощь исторіи не пришла археологія. На всемъ пространствѣ южнорусскихъ степей раскинуто много могильныхъ насыпей, называемыхъ сопками и курганами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи встрѣчается особенно большое скопленіе могильныхъ на-



Александропольскій курганъ (близъ Днѣпровскихъ пороговъ).

сыпей. Это указываетъ на то, что именно въ этихъ мѣстахъ собиралось населеніе степи особенно охотно и кочевало въ большомъ количествѣ. Здѣсь находятся могильныя насыпи различныхъ племенъ, другъ за другомъ бродившихъ по нашей южной степи. Самые курганы поэтому весьма разнообразны. На многихъ насыпяхъ поставлены во времена глубокой древности грубо изваянные изъ камня истуканы. Ихъ называютъ каменными бабами. Слишкомъ 600 лѣтъ тому назадъ видѣлъ этихъ каменныхъ бабъ одинъ западно-европейскій монахъ [1]) и подробно описалъ ихъ въ своемъ путешествіи. Изъ всего этого

[1]) Монахъ Рубруквисъ, ѣздившій въ качествѣ посла французскаго короля Людовика IX Святого къ Мангу-хану въ 1253 году.

нетрудно понять, что наша южная степь заключаетъ въ себѣ много историческихъ памятниковъ и представляетъ собою какъ-бы живую страницу исторіи нашего юга. Вотъ почему археологи и обратили на нее свое вниманіе. Геродотъ даетъ общее названіе скиѳовъ всѣмъ племенамъ, обитавшимъ къ сѣверу отъ Чернаго моря до устья Дона. Называя скиѳовъ однимъ народомъ, Геродотъ, однако, подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько племенъ. Ближайшими сосѣдями греческихъ колоній были скиѳы-кочевники, а къ сѣверу отъ нихъ, вверхъ по Днѣпру жили, по словамъ Геродота, подвластные имъ скиѳы-пахари. Греческій историкъ изображаетъ скиѳовъ воинственнымъ и храбрымъ народомъ, а нравы ихъ не только суровыми, но даже кровожадными. Высшимъ богомъ у нихъ былъ богъ войны, которому скиѳы не строили никакихъ храмовъ; не было у нихъ и статуй, изображающихъ его. Изображеніемъ этого бога былъ старый желѣзный мечъ, который скиѳы ставили на высокомъ холмѣ изъ прутьевъ.



Каменная баба изъ приднѣпровскихъ степей.

Ему приносили въ жертву животныхъ, а также и одного изъ сотни непріятелей, захваченныхъ въ плѣнъ. Убивъ перваго врага, скиѳы пили его кровь, сдирали съ головы убитаго кожу (скальпъ) и привѣшивали ее къ уздѣ своего коня. Изъ верхней части вражескихъ череповъ дѣлали чаши, оправляли ихъ то въ кожу, то въ золото, и хвалились ими на пирахъ предъ иноземцами. При заключеніи союзовъ и принесеніи клятвъ скиѳы прибѣгали къ крови и оружію. Наливъ вина въ большую глиняную

чашу, они мѣшали его съ кровью заключающихъ договоръ, уколовъ шиломъ или порѣзавъ ножомъ ихъ тѣло. Затѣмъ въ ту же чашу погружали они и свое оружіе. Все это заключалось произнесеніемъ различныхъ заклятій, послѣ чего чашу распивали какъ заключившіе союзъ, такъ и важнѣйшія лица изъ ихъ свиты. Похваляя ихъ мужество, Геродотъ описываетъ и способъ веденія ими войны. Воюютъ они всегда на коняхъ, завлекаютъ непріятеля въ глубь безводной степи, нападаютъ изъ засады. Скиѳы, какъ разсказываетъ Геродотъ, никогда не разставались ни съ конями, ни съ лукомъ. Геродотъ передаетъ еще любопытный обычай, который свидѣтельствуетъ объ ихъ воинственности. Ежегодно каждый старшина скиѳскаго поселенія наливаетъ чашу вина. Эту чашу вина выпиваютъ всѣ, истреблявшіе непріятелей. Не отличившихся военными подвигами старшина не угощаетъ: сидятъ они отдѣльно, безъ всякаго почета. Кто же убилъ много враговъ, тѣ связываютъ два стакана вмѣстѣ, наполняютъ ихъ виномъ и пьютъ сразу изъ обоихъ.

Погребеніе умершихъ скиѳы совершали очень торжественно. Труповъ ихъ они не хоронили сразу, а клали ихъ на телѣгу и въ продолженіе сорока дней обвозили ихъ по всѣмъ друзьямъ покойныхъ. Каждый изъ друзей угощалъ провожатыхъ богатымъ пиромъ, предлагая и мертвецу то же, чѣмъ пользовались живые. Послѣ такого сорокадневнаго объѣзда покойника хоронили. Похоронивъ его, скиѳы подвергали себя, по словамъ Геродота, слѣдующему очищенію: прежде всего они устраивали шалашъ изъ трехъ жердей и навѣшаннаго на нихъ войлока, ставили посреди него ванну, въ послѣднюю бросали раскаленные на огнѣ камни и такимъ образомъ парились. Если столь продолжительной бывала погребальная церемонія обыкновеннаго смертнаго, то тѣмъ съ большею торжественностью погребались скиѳскіе цари. Когда умиралъ у скиѳовъ царь, они вскрывали его, заполняли мѣсто вынутыхъ внутренностей пахучими веществами, зашивали вскрытое мѣсто, клали царскій трупъ на колесницу и возили его отъ одного народа къ другому. Въ знакъ печали принимающіе царское тѣло стригли себѣ волосы, дѣлали порѣзы и царапины на своемъ тѣлѣ и

прокалывали себѣ лѣвыя руки стрѣлами. Подвластные покойному царю народы, къ которымъ привозился царскій трупъ, приставали къ провожатымъ, и такимъ образомъ число провожатыхъ все болѣе и болѣе увеличивалось къ концу объѣзда. Объѣхавъ съ тѣломъ всѣхъ, привозили его къ Геррамъ, послѣднему изъ народовъ, подвластныхъ скиѳамъ, гдѣ находилось и мѣсто погребенія. Задолго до прибытія трупа здѣсь вырывалась большая четыреугольная яма. Въ нее ставилась кровать съ тѣломъ царя, по сторонамъ ея втыкались копья, сверху ихъ клали брусья, на которыхъ устраивали крышу изъ ивовыхъ прутьевъ. Въ той же ямѣ помѣщали одну изъ царскихъ женъ, предварительно удушивъ ее, виночерпія, повара, конюшаго, письмоводителя, вѣстника, лошадей; сюда же ставили и золотыя чаши. Исполнивъ все это, всѣ принимали участіе въ засыпаніи усопшаго землею, при чемъ старались сдѣлать могильную насыпь какъ можно выше. Черезъ годъ послѣ смерти царя совершались на его могилѣ поминки. Закалывали 50 лучшихъ коней и 50 лучшихъ слугъ царя. Потомъ устанавливали трупы лошадей на особыхъ подставкахъ, расположенныхъ кругомъ могилы, на трупы лошадей сажали верхомъ удавленныхъ юношей, пропустивъ сквозь ихъ тѣла копья, и скрѣпляли послѣдніе съ тѣми жердями, которыми были пробиты трупы лошадей. Поставивъ такимъ образомъ всадниковъ кругомъ кургана, всѣ удалялись.

Прошло слишкомъ 2.000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Геродотъ описалъ это, какъ вдругъ около 80-ти лѣтъ тому назадъ одному изъ археологовъ удалось увидѣть въ одномъ изъ кургановъ южной Россіи вполнѣ сохранившуюся картину царскаго погребенія. Эта драгоцѣнная находка была сдѣлана въ окрестностяхъ г. Керчи, вообще богатыхъ курганами и доставившихъ Эрмитажу цѣлый музей, извѣстный подъ названіемъ „Отдѣленія Керченскихъ древностей“. Но съ открытіемъ произошла бѣда. Вѣсть о богатой находкѣ разнеслась очень быстро. Разрытый курганъ недостаточно охранялся и подвергся разграбленію злоумышленниковъ. Позднѣе Эрмитажъ, обѣщая полную безнаказанность, скупилъ часть похищенныхъ предметовъ. Въ числѣ предметовъ, сохранившихся отъ этой находки, обращаетъ на себя вниманіе золотая ваза, на которой очень интересны изображенія скиѳовъ. Названа эта ваза Куль-Обской по имени кургана, въ которомъ она находилась. Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ при позднѣйшихъ раскопкахъ, невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе посѣтителей Эрмитажа такъ называемая Чертомлыцкая или Никопольская скиѳская ваза,



Никопольская или Чертомлыцкая ваза.

сдѣланная изъ серебра [1]). На ней также есть рядъ изображеній, знакомящихъ насъ со скиѳами. Обѣ вазы изящной греческой работы. Но, очевидно, что греческіе мастера, дѣлая ихъ по заказамъ скиѳовъ, принимали во вниманіе нравы и вкусы послѣднихъ.

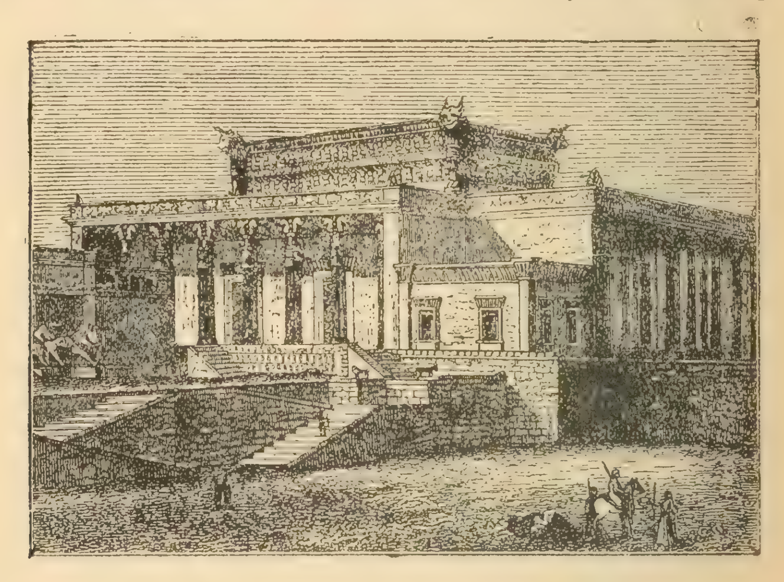
30. Походъ Дарія, сына Гистаспа, на скиѳовъ. Приготовившись къ походу противъ скиѳовъ, царь Персіи Дарій рѣшилъ проникнуть въ ихъ страну черезъ Дунай, чтобы не совершать труднаго перехода черезъ Кавказскія горы. У него было большое сухопутное войско и корабли, доставленные по его приказанію греческими колонистами Малой Азіи. Флотъ проникъ изъ Эгейскаго моря (§ 26), при посредствѣ Мраморнаго и проливовъ, въ Черное море. Сухопутное войско перешло Босфоръ, по плавучему мосту. Отсюда персидское войско дошло до Дуная и, перебравшись черезъ него въ неизвѣстномъ намъ мѣстѣ, проникло въ степи нынѣшней южной Россіи.

Дарій ошибся въ своемъ расчетѣ. Скиѳы не вступали съ нимъ въ битву, но отступали передъ нимъ все дальше и дальше въ глубину своихъ степей. Персидскій царь наконецъ потерялъ терпѣніе и послалъ къ скиѳскому царю гонца съ такими словами: «Если ты силенъ, остановись и сразись со мною; если же чувствуешь свою слабость, то все-таки не бѣгай, а дай мнѣ, какъ владыкѣ своему, земли свои и воды и вступи въ переговоры». Скиѳскій царь отвѣчалъ Дарію, что онъ никогда и ни отъ кого не убѣгалъ, а просто кочуетъ по своему обыкновенію. «Остановиться мнѣ негдѣ,—отвѣчалъ далѣе скиѳскій царь—у насъ нѣтъ ни городовъ, ни воздѣланной земли, и защищать намъ нечего, а потому и сражаться съ вами у насъ нѣтъ ни случая, ни причины. Если же непремѣнно хочешь битвы, то у насъ есть отцовскія могилы; найдите ихъ и попробуйте тронуть, тогда вы узнаете, будемъ ли мы готовы на битву или нѣтъ... Ты называешь себя моимъ владыкой. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что надъ собой я знаю только одного владыку—Бога. За дерзкія слова твои заплатишь ты слезами». Съ этого времени скиѳы стали всячески вредить персамъ: скиѳская конница постоянно брала верхъ надъ персидскою, а

[1]) Она найдена въ Чертомлыцкомъ курганѣ, близъ Днѣпровскихъ пороговъ, недалеко отъ мѣстечка Никополя, въ 1863 году.

лишь только появлялись сухопутныя войска персовъ, скиѳскіе всадники уносились въ степь. Постоянно тревожа персовъ, они опустошали всю страну, по которой шелъ Дарій, уничтожали съѣстные припасы, засыпали колодцы и т. под. Но, несмотря на это, Дарій шелъ впереди и въ свою очередь уничтожалъ все, что встрѣчалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не ожидали.

Въ то время, какъ Дарій совершалъ свой замѣчательный походъ по скиѳскимъ степямъ, для него чуть было не про-

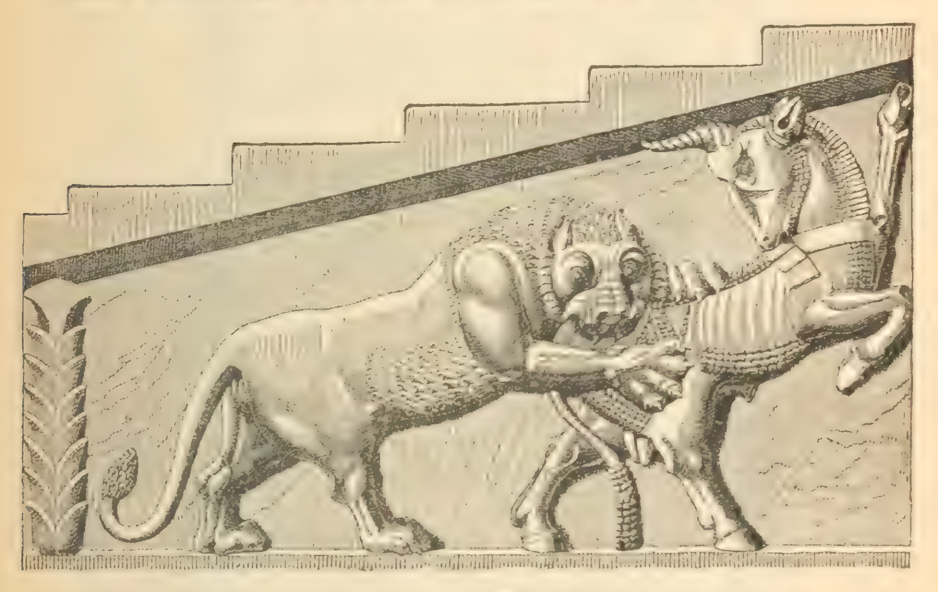


Дворецъ Ксеркса въ Персеполисѣ (реконструкція).

изошла на Дунаѣ огромная непріятность. Мостъ, по которому персидское войско перешло Дунай, охранялся подчиненными персидскому царю греческими колонистами Малой Азіи. Мѣстные жители стали уговаривать грековъ, чтобы они разрушили устроенный черезъ Дунай мостъ и, поставивъ этимъ въ очень затруднительное положеніе царя Дарія, вернулись бы по своимъ домамъ. Одинъ изъ греческихъ военачальниковъ, охранявшихъ мостъ, готовъ былъ согласиться съ этимъ предложеніемъ, но другой изъ нихъ воспротивился. Такимъ образомъ Дарій, вернувшійся изъ похода въ Скиѳію, нашелъ переправу невредимою.

На свой походъ Дарій потратилъ два мѣсяца. Потери его, несмотря на множество препятствій, были ничтожны. Онъ не

потерялъ ни одного воина, и только нѣсколько человѣкъ заболѣло. Возвращаясь домой, царь Дарій оставилъ часть войска одному изъ своихъ полководцевъ, который покорилъ ему Ѳракію и заставилъ македонскаго царя признать себя данникомъ Персіи. Такимъ образомъ, смѣлое предпріятіе Дарія имѣло важныя послѣдствія для персовъ. Они пріобрѣли новыя земли и настолько запугали скиѳовъ, что тѣ уже не осмѣливались болѣе вторгаться въ предѣлы Персидской монархіи.



Левъ, грызущій быка (рельефное изображеніе на лѣстницѣ Ксерксова дворца).

Дарій задумалъ послѣ этого покорить себѣ европейскихъ грековъ. Но война персовъ съ греками, тянувшаяся цѣлыхъ 50 лѣтъ, окончилась полною неудачей для Персіи. По смерти Дарія начатую имъ войну продолжали два его преемника (Ксерксъ и Артаксерксъ I), но европейскіе греки не только отстояли свою свободу, но еще освободили изъ-подъ власти персовъ греческихъ колонистовъ Малой Азіи. Хотя персы, воспользовавшись несогласіями европейскихъ грековъ и даже прямою измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ общегреческому дѣлу, и вернули себѣ греческія колоніи Малой Азіи, но вскорѣ послѣ этого Персидская монархія стала быстро клониться къ своему упадку и въ 331 году до Р. Х. была завоевана царемъ македонянъ и грековъ, Александромъ Великимъ.

31. Персидская образованность. Образованность персы заимствовали у другихъ народовъ Востока и болѣе всего у

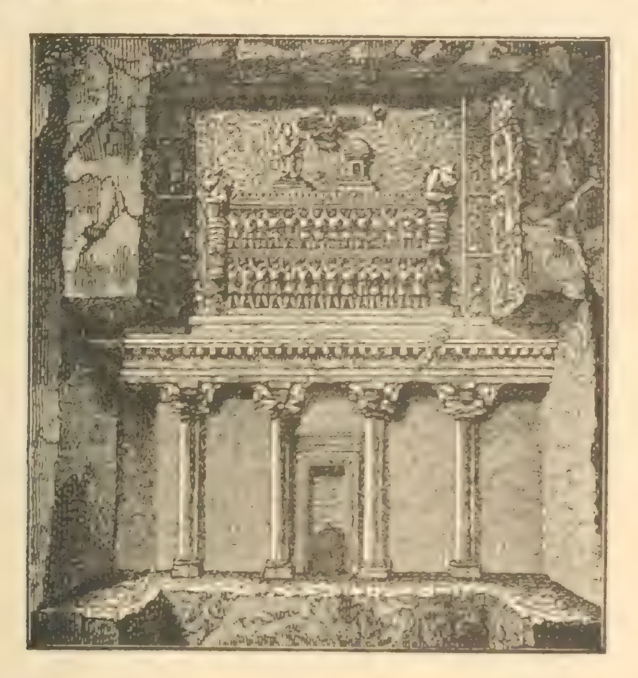
вавилонянъ, образованность которыхъ была самою высокою на Востокѣ.

До нашего времени сохранились многочисленные остатки персидской архитектуры и скульптуры. Самымъ древнимъ памятникомъ собственно персидской архитектуры считаются развалины дворца въ Пасаргадѣ. Самыя развалины довольно скудны, но вблизи нихъ находится интересный памятникъ персидской архитектуры — гробница царя Кира. Онъ интересенъ, помимо своей красоты, и тѣмъ, что на немъ можно усмотрѣть вліяніе трехъ народовъ. Весь памятникъ сооруженъ изъ бѣлаго мрамора. Нижняя часть его состоитъ изъ семи террасъ, положенныхъ одна на другую; все это образуетъ уступчатую пирамиду, лежавшую въ основаніи ассиро-вавилонскихъ сооруженій. На верхней изъ террасъ стоитъ небольшое мраморное зданіе—на подобіе храма—съ двускатною кровлею; здѣсь очевидно вліяніе греческихъ колонистовъ Малой Азіи. Въ зданіе ведетъ дверь, верхняя часть которой напоминаетъ объ Египтѣ. По словамъ одного древняго писателя, внутренняя отдѣлка этого зданія была великолѣпна. Въ настоящее время ничего не осталось отъ этого великолѣпія: исчезли и золотой гробъ Кира, и золотыя носилки, на которыхъ стоялъ онъ. Зато въ развалинахъ расположеннаго по сосѣдству дворца сохранилось рельефное изображеніе самого Кира. Онъ представленъ во весь ростъ, въ профиль, съ двумя парами крыльевъ за плечами: два изъ нихъ опущены, два другіе распростерты кверху; на головѣ царя поверхъ шлема видны два рога, какъ символъ силы, и египетская корона. Надъ фигурою сохранилась надпись, сдѣланная древне-персидскою клинописью, такого содержанія: «Я—Киръ, царь Ахеменидовъ».

Кромѣ развалинъ въ Пасаргадѣ обращаютъ на себя вниманіе также развалины сооруженій, воздвигнутыхъ въ позднѣйшее время—при Даріи, сынѣ Гистаспа, и Ксерксѣ. Отъ Дарія сохранились развалины дворца въ Персеполисѣ. Здѣсь находятся колоссальныя изваянія крылатыхъ быковъ, напоминающихъ изваянія быковъ, которыя ставились при входѣ во дворцы Ниневіи. Ближайшіе къ лѣстницѣ персепольскіе быки имѣютъ естественныя головы, вторая пара—человѣческія. Сохранились

и оригинальныя персидскія колонны, отличающіяся сложностью сооруженія и стройнымъ видомъ. Развалины дворцовъ найдены и въ другихъ мѣстахъ.

Гробница царя Кира представляетъ собою памятникъ, единственный въ своемъ родѣ. Сохранились и другія царскія гробницы, но онѣ имѣютъ совершенно иной видъ, такъ какъ высѣчены въ скалистыхъ горныхъ склонахъ [1].



Гробница персидскаго царя.

Персидская скульптура стоитъ ниже ассиро-вавилонской: персидскія фигуры вялы и безжизненны: только драпировка ихъ естественнѣе. Персы любили окраску, и на скульптурныхъ памятникахъ Персеполиса еще до сихъ поръ замѣтны слѣды красокъ.

Древніе сообщаютъ намъ о тѣхъ прекрасныхъ цѣляхъ, которыя имѣло въ виду персидское воспитаніе. Этими цѣлями были: храбрость, чувство чести, правдивость и любовь къ славѣ. Учили молодыхъ персовъ ѣздить верхомъ и стрѣлять

[1]) Горы Рахмедъ.

изъ лука. Образованіе ограничивалось, кажется, только тѣмъ, что молодымъ людямъ сообщались нѣкоторыя понятія о религіи и поэтическія преданія изъ области родной исторіи. Наука у персовъ не стояла высоко; представителями ея были иностранцы: греческіе врачи, финикійскіе и греческіе инженеры. Большимъ вниманіемъ пользовались египетскіе художники.

Въ общемъ образованность персовъ стояла значительно ниже египетской и вавилонской. Персы сдѣлали шагъ впередъ только въ томъ отношеніи, что установили у себя болѣе гуманное (человѣчное) и правильное государственное устройство.

ГРЕЦІЯ (ЭЛЛАДА).

Страна и населеніе.

32. Природа страны. Греки (или эллины, какъ они называли себя) жили въ южной части Балканскаго полуострова и на островахъ, которые окружаютъ ее. Кромѣ того, греческія колоніи были распространены по всѣмъ побережьямъ Средиземнаго, Мраморнаго и Чернаго морей.

Часть Балканскаго полуострова, заселенная греками, была расположена къ югу отъ 40° с. ш. и немного не доходила своею южною оконечностью до 36°. На сѣверѣ она отдѣлялась отъ остальныхъ частей полуострова горами, съ остальныхъ трехъ сторонъ ее омывало море.

Первою особенностью ея является чрезвычайно извилистое побережье. Вся страна эта была меньше нынѣшней Португаліи, между тѣмъ какъ ея береговая линія была длиннѣе береговой линіи Испаніи. Море, врѣзываясь въ южную часть Балканскаго полуострова, образуетъ множество заливовъ и излучинъ всякаго вида. Чаще всего частица моря, прилегающая къ берегу, обставлена съ двухъ сторонъ выступами скалъ и прибрежными островами; такимъ образомъ, сплошь и рядомъ здѣсь встрѣчаются естественныя гавани. Съ другой стороны, почти отовсюду въ Греціи море было близко, даже отъ внутреннихъ мѣстъ ея оно отстояло не на слишкомъ далекое разстояніе. Вотъ почему населеніе Греціи обратилось къ мореплаванію. Кромѣ извилистости береговой линіи мореплаванію способствовали здѣсь и другія причины: благопріятные вѣтры и замѣчательное изобиліе острововъ. Плавая между островами, расположенными къ востоку отъ Греціи (Циклад-

скими), и ни разу не теряя ихъ изъ виду, нетрудно было добраться до другихъ островов, лежащихъ у береговъ Малой Азіи, и до самой Малой Азіи. Всматриваясь въ береговое очертаніе Греціи на картѣ, нетрудно замѣтить, что восточный берегъ изрѣзанъ гораздо больше, чѣмъ западный. Такимъ образомъ грекамъ было удобнѣе всего сноситься съ Востокомъ. Вотъ почему западное побережье Малой Азіи было издавна заселено греческими колонистами. Усвоивъ высокую образованность Востока, они передали ее и европейскимъ грекамъ. Какъ народъ въ высшей степени даровитый, греки еще болѣе развили то, что заимствовали у Востока, и подняли образованность на такую высоту, на которой она еще не стояла въ древнемъ мірѣ.

Другою особенностью Греціи является обиліе горъ. Не даромъ ее прозвали сѣтью изъ горъ. Горные хребты расходятся въ различныя стороны и дѣлятъ Грецію на множество частей; изъ нихъ каждая имѣетъ какія-либо свои особенности въ отношеніи климата и растительности. Отсюда происходило большое разнообразіе въ образѣ жизни, въ занятіяхъ населенія. Это побуждало жителей различныхъ частей Греціи сообщаться другъ съ другомъ, вымѣнивать одни произведенія на другія. Изъ-за той же природной раздробленности Греція не была однимъ государствомъ, но состояла изъ множества небольшихъ и даже маленькихъ государствъ.

Глубоко вдающіеся въ материкъ заливы и высокіе горные хребты раздѣляли Грецію на три большія части: 1) Сѣверную, 2) Среднюю 3) Южную или Пелопоннесъ. Каждая изъ этихъ трехъ частей, въ свою очередь, подраздѣлялась на меньшія области.

Въ Сѣверной Греціи такихъ областей были двѣ: къ западу отъ горнаго хребта (Пинда), проходящаго по самой ея серединѣ, лежалъ Эпиръ, а къ востоку — Ѳессалія. Изъ горныхъ высотъ Ѳессалія особенно славился Олимпъ, расположенный въ сѣверовосточтой части ея.

Изъ Сѣверной Греціи въ Среднюю проникали посредствомъ Ѳермопильскаго прохода, находящагося у са-

маго морского побережья. Изъ областей Средней Грецiи особенную извѣстность прiобрѣла Аттика, расположенная въ юговосточной части ея. Главнымъ городомъ этой области были Аѳины. Изъ горныхъ высотъ Средней Грецiи славился Парнассъ.

Въ Южную Грецiю изъ Средней можно было попасть сухимъ путемъ по Коринѳскому перешейку. Въ серединѣ Южной Грецiи лежала область Аркадiя, славившаяся своими пастбищами. Изъ другихъ областей наиболѣе прославилась Лаконiя съ главнымъ городомъ Спартой.

Часть Средиземнаго моря, лежащая между Балканскимъ полуостровомъ и Малой Азiей, называлась въ древности Эгейскимъ моремъ. Здѣсь-то и было такъ много острововъ. Одни изъ нихъ лежали ближе къ Балканскому полуострову и назывались Кикладскими островами. Другiе были расположены вдоль берега Малой Азiи.

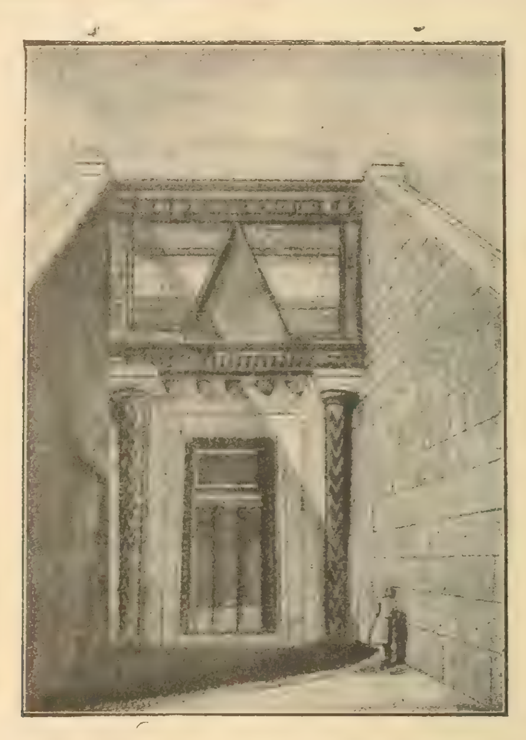
33. Населенiе. Греки, подобно мидянамъ и персамъ,— арiйцы. Родиной ихъ, какъ и всѣхъ вообще европейскихъ народовъ, была Азiя. Но нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣнiй ни о томъ, когда они переселились на Балканскiй полуостровъ, ни о томъ, какъ совершилось это переселенiе.

Всѣ греки или эллины говорили на одномъ общемъ языкѣ, но языкъ этотъ раздѣлялся на нѣсколько нарѣчiй. Каждое изъ племенъ греческаго народа говорило на своемъ нарѣчiи, но всѣ они отлично понимали другъ друга. Изъ племенъ греческаго народа особенно выдвинулись въ исторiи два—iонiйское и дорiйское. Эти племена рѣзко различались между собою. Iоняне отличались большою живостью ума и характера, обнаруживали большую любовь къ искусству и знанiю, чѣмъ доряне. Именно iоняне и создали греческую образованность.

34. Культура древнѣйшаго перiода. Еще до появленiя грековъ на Балканскомъ полуостровѣ, на островахъ Эгейскаго моря и островѣ Критѣ жило населенiе, достигшее большой степени культурнаго развитiя. Населенiе это находилось въ самыхъ оживленныхъ сношенiяхъ съ образованными народами какъ Западной Азiи, такъ и Египта. Греческiе историки не имѣли о немъ никакого понятiя. Всѣ же свѣдѣнiя о древ-

нѣйшемъ населеніи Греціи и объ его культурѣ мы получили благодаря замѣчательнымъ археологическимъ раскопкамъ.

Начало этому великому дѣлу положилъ знаменитый археологъ-любитель Генрихъ Шлиманъ. Изъ многихъ открытій Шлимана огромное научное значеніе имѣютъ такъ наз. Микенскія древности, знакомящія насъ съ культурою древнѣйшаго періода. Названы онѣ Микенскими, такъ какъ были



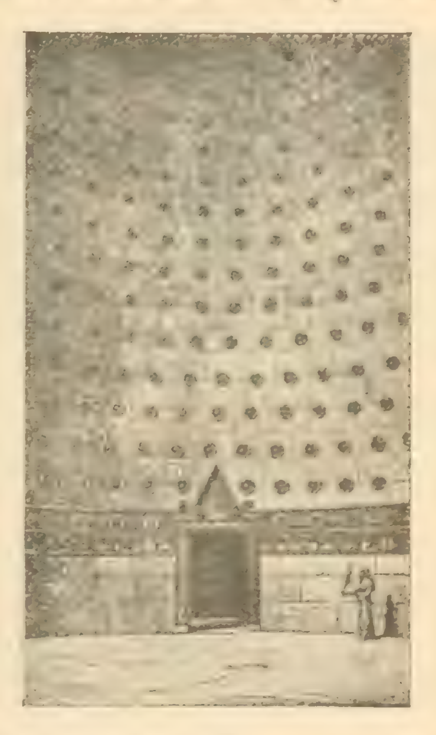
Сокровищница царя Атрея (входная дверь).

найдены Шлиманомъ на мѣстѣ древнихъ Микенъ. Относятся эти древности ко времени приблизительно за 1500 лѣтъ до Р. Хр. Дѣло Шлимана продолжали его ученые послѣдователи.

Изъ Микенскихъ древностей были уже давно извѣстны остатки стѣнъ кремля (акрополя) города-государства Микенъ и ихъ ворота. На верху этихъ воротъ находится рельефное изображеніе, представляющее подобіе герба, а именно: колонна по серединѣ и двѣ фигуры львовъ по обѣимъ сторонамъ ея.

По этой причинѣ самыя ворота стали извѣстны подъ именемъ Львиныхъ воротъ. Стѣны сложены изъ громадныхъ камней, хорошо прилаженныхъ другъ къ другу. Позднѣйшіе греки дивились этому и другимъ подобнымъ сооруженіямъ и приписывали постройку ихъ великанамъ-киклопамъ, почему подобныя сооруженія и называются киклопическими.

Кромѣ Львиныхъ воротъ былъ извѣстенъ еще въ древности другой памятникъ, находившійся въ той же мѣстности, а именно—сокровищница царя Атрея. Такъ называется каменная гробница огромныхъ размѣровъ съ каменнымъ же куполомъ. Все сооруженіе представляетъ какъ бы громадный улей. Стѣны состоятъ изъ нѣсколькихъ каменныхъ круговъ, наложенныхъ другъ на друга и постепенно уменьшающихся къ верху; круги эти сложены изъ отесанныхъ камней, образовавшееся же при такой кладкѣ отверстіе наверху заложено камнемъ.



Сокровищница царя Атрея (внутренность).

Открытія Шлимана и его продолжателей состояли въ слѣдующемъ. На глубинѣ какихъ-нибудь 30-ти футовъ Шлиманъ открылъ пять могилъ. Въ нихъ найдены скелеты и различныя принадлежности погребенія: много богатыхъ золотыхъ издѣлій (діадемы, перстни, булавочныя головки и др.), бляхи съ выдавленными на нихъ украшеніями, чаши, золотыя маски, которыя клались на лица умершихъ, мѣдное вооруженіе и различные сосуды. Украшенія на этихъ предметахъ очень напоминаютъ произведенія восточнаго искусства. Таковы, напримѣръ,—модель храма, украшенная голубями, изображеніе бо-

гини (Астарты) съ голубями на головѣ и въ рукахъ, украшенія на золотыхъ вазахъ и т. под. Въ одной изъ микенскихъ могилъ найдено даже яйцо страуса.

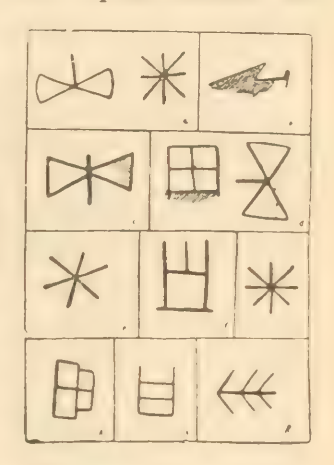
Къ тѣмъ же микенскимъ древностямъ относятся предметы, найденные Шлиманомъ при раскопкахъ, которыя онъ произвелъ недалеко отъ Микенъ, на мѣстѣ города-государства Тиринѳа.



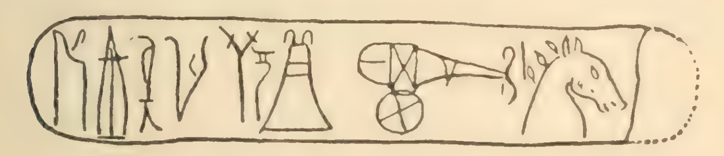
Часть залы въ Кносѣ (на островѣ Критѣ).

Но особенно замѣчательны открытія, сдѣланныя уже въ новѣйшее время (въ 1901 году) англичаниномъ Артуромъ Эвансомъ. Эвансъ производилъ археологическія раскопки на островѣ Критѣ (въ Кносѣ) и открылъ дворецъ, превосходящій своими размѣрами тиринѳскій дворецъ въ четыре раза. И количество, и разнообразіе помѣщеній открытаго Эвансомъ дворца невольно напоминаютъ древнее сказаніе объ искусномъ художникѣ Дедалѣ и о построенномъ имъ для царя Миноса лаби-

ринтѣ. Долгое время не вѣрили въ дѣйствительное существованіе критскаго лабиринта и полагали, что всѣ разсказы о немъ являются только сказкой, создавшейся у грековъ подъ вліяніемъ Египта, гдѣ лабиринтъ существовалъ на самомъ дѣлѣ. Теперь приходится отказаться отъ такого представленія. Изъ большихъ залъ открытаго Эвансомъ дворца особенно замѣчательна парадная или тронная зала съ каменнымъ трономъ, каменною скамьею со спинкою и деревянными колоннами. Вдоль длиннаго корридора помѣщаются 18 складовъ: въ 10 изъ нихъ сохранились кувшины для припасовъ, изъ нихъ нѣкоторые вышиною въ ростъ человѣка. Подъ плитами пола находились тайники, въ которыхъ хранились драгоцѣнности; тайники найдены, къ сожалѣнію, пустыми. И въ Микенахъ, и въ Тиринѳѣ сохранились лишь остатки стѣнной живописи, въ критскомъ же дворцѣ—цѣлыя стѣны покрыты еще совершенно свѣжими картинами: тутъ и пейзажи, и животныя, и люди микенской эпохи; мужчины цѣнили выше всего войну, охоту и бои быковъ; женщины любили наряды и косметику. Тутъ же, на Критѣ, найдены образцы письма, еще непрочитаннаго уче-



Письмена, найденныя на островѣ Критѣ.



Письмена на островѣ Критѣ.

ными. Эвансъ выкопалъ изъ складовъ дворца болѣе 2000 глиняныхъ дощечекъ, покрытыхъ таинственными письменами.

Микенская культура поражаетъ насъ богатствомъ и замѣчательнымъ для того времени совершенствомъ работы (техники). Квадратныя и многоугольныя плиты колоссальны. Самыя

постройки не только колоссальны, но и прекрасно выполнены. Удивляютъ и картины, и раскрашенные орнаменты. Рѣзные камни этой далекой поры заслуживаютъ большой похвалы. Люди, создавшіе микенскую культуру, умѣли лить металлы, вытягивать проволоку, паять и вырабатывали изящныя металлическія издѣлія. Гончарное искусство также достигло у нихъ весьма значительнаго совершенства.

Ученые предполагаютъ, что конецъ этой культурѣ положили греки, появившіеся на ея мѣстахъ и бывшіе еще варварами.

35. **Поклоненіе предкамъ**. Всѣ народы древности вѣровали въ то, что смертью далеко не кончается все для человѣка, что и за гробомъ усопшій продолжаетъ жить. Долгое время господствовало даже вѣрованіе, что и послѣ смерти человѣка жизнь его души тѣсно связана съ его тѣломъ; и душа, и тѣло живутъ вмѣстѣ въ могилѣ. Вотъ почему съ мертвецомъ зарывали въ могилу и тѣ предметы, которые были необходимы ему при жизни: одежды, утварь, оружіе. На могилу возливали вино, чтобы напоить покойнаго, на нее ставили пищу, чтобы насытить его. На могилѣ убивали лошадей и рабовъ, такъ какъ были увѣрены въ томъ, что и послѣ смерти своего господина они будутъ служить ему.

Чтобъ дать душѣ возможность продолжать жизнь съ тѣломъ, необходимо было сохранить послѣднее. Древніе греки ничего не боялись въ такой степени, какъ лишенія похоронъ. Они вѣровали въ то, что душа несхороненнаго тѣла будетъ обречена на вѣчныя скитанія, никогда и нигдѣ не будетъ имѣть покоя. Сама страдая, она будетъ приносить страданья и другимъ, какъ бы мстя за причиненное ей зло. Только погребеніе ея тѣла можетъ вернуть ей покой, сдѣлать ее счастливою. Если души несчастныя приносятъ живущимъ зло, то души счастливыя благодѣтельствуютъ имъ. А разъ онѣ могутъ приносить добро, ихъ слѣдуетъ просить объ этомъ, имъ слѣдуетъ молиться. Счастливая душа, о которой хранится вѣчная память среди ея потомковъ, станетъ всегда заботиться о нихъ, если они, въ свою очередь, не перестанутъ заботиться о ней, объ ея могилѣ. Вотъ почему на могилы не только приносили

вино и пищу, но осыпали ихъ цвѣтами, приносили у нихъ жертвы тѣмъ, кто продолжалъ жить въ нихъ. Такъ души усопшихъ предковъ стали божествами (демонами).

Рядомъ съ поклоненіемъ усопшимъ предкамъ совершалось поклоненіе священному огню домашняго очага. Очагъ этотъ былъ какъ бы алтаремъ. Огню не давали потухнуть. Тушили его разъ въ году въ положенное для того время, но зажигали новый огонь съ соблюденіемъ особыхъ условій и обрядовъ. Въ извѣстное время дня, какъ напримѣръ, утромъ послѣ сна и вечеромъ передъ отходомъ ко сну, передъ очагомъ собиралась вся семья, и глава ея читалъ молитву. Этотъ огонь былъ чѣмъ-то божественнымъ: въ жертву ему приносились плоды, ароматы, вино.

Между поклоненіемъ огню и поклоненіемъ предкамъ была самая тѣсная связь. Очагу давалось имя предка: такъ напр., говорили «очагъ Пелопса» потомки этого самаго Пелопса, боготворившіе его. Въ просторѣчіи нерѣдко употребляли выраженіе, которымъ обозначали предковъ, говоря объ очагѣ, и наоборотъ.

Но свои боги были благодѣтельными только для своихъ потомковъ. Чужіе не смѣли приближаться безнаказанно къ ихъ могиламъ. Самый очагъ ставился въ какомъ-либо укромномъ мѣстѣ, недоступномъ для постороннихъ глазъ.

Въ каждомъ городѣ-государствѣ были также свои боготворимые предки, былъ свой священный очагъ, на которомъ горѣлъ негасимый огонь.

Но рядомъ съ этой религіей была и другая, которая заключалась въ обоготвореніи различныхъ силъ и явленій природы.

36. **Олимпійскіе боги**. Греки со временъ глубокой древности поклонялись различнымъ явленіямъ видимой природы. Такъ какъ природа Греціи была богата разнообразіемъ, то и божествъ, олицетворявшихъ природу, было много. Кромѣ боговъ, которымъ поклонялись всѣ греки, были и такіе, которымъ поклонялось только населеніе отдѣльныхъ мѣстъ. Кромѣ главныхъ боговъ были у нихъ и второстепенныя божества, подчинявшіяся главнымъ. Наконецъ, благодаря сношеніямъ съ Востокомъ, стали

проникать въ Грецію и иноземныя божества. Однимъ словомъ, у грековъ было распространено многобожіе или по-гречески политеизмъ.

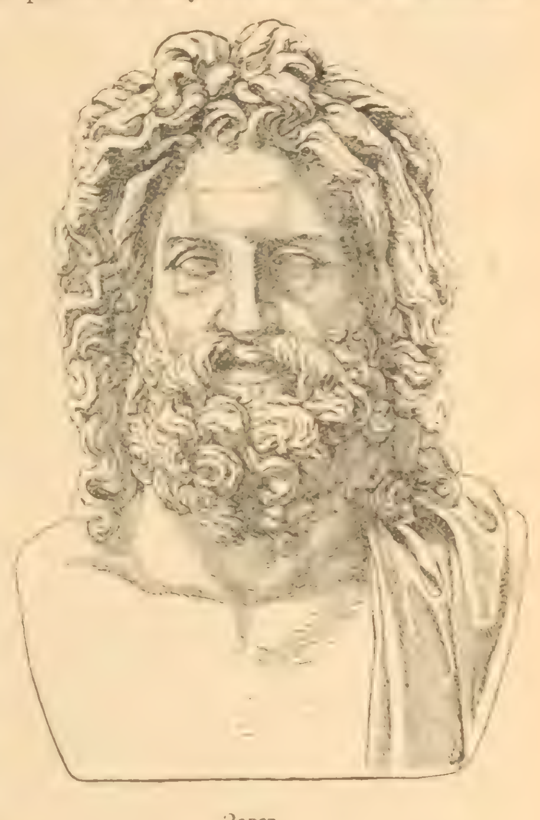
Первоначально греки поклонялись самымъ явленіямъ природы, какъ напр., грозѣ, солнцу и друг., боготворили камни, деревья и тому подобные предметы. Затѣмъ начали отдѣлять боговъ отъ явленій природы; боги стали выше этихъ явленій и управляли ими. Съ теченіемъ времени греки стали изображать своихъ боговъ въ совершенномъ человѣческомъ видѣ, такъ какъ хотѣли поклоняться божествамъ прекраснымъ и разумнымъ. Такое представленіе боговъ въ полномъ человѣческомъ видѣ называется антропоморфизмомъ. У грековъ, съ развитіемъ искусства, появились прекрасныя статуи боговъ, при чемъ эти созданья искусства достигли такой высокой степени совершенства, до которой не доходили еще ни у одного народа древности.

По представленіямъ грековъ, ихъ боги и жили, и мыслили, и чувствовали, какъ люди, и были очень близки къ нимъ. Они не только ссорились между собою, но и участвовали въ битвахъ, происходившихъ у людей, дѣйствовали противъ однихъ, помогали другимъ, получали даже раны. У нихъ были среди людей свои любимцы, были и враги. Отъ людей боги отличались болѣе высокимъ ростомъ и болѣе совершенной красотой; питались амврозіей и пили божественный напитокъ нектаръ, не знали старости и были безсмертны. Кромѣ того они обладали способностью, по желанію, принимать видъ того или другого человѣка. Но, обладая такими особенными свойствами, боги не были всевѣдущими: они сами подчинялись велѣніямъ судьбы (Мойры), стоявшей и надъ ними, какъ надъ людьми. Жили они всѣ, кромѣ немногихъ, гдѣ-то надъ вершинами Олимпа, гдѣ у нихъ были свои свѣтлые дворцы. Главныхъ боговъ и называли всѣхъ вмѣстѣ Олимпійцами или Олимпійскими богами. Впервые мы видимъ ихъ соединенными въ одну семью, съ верховнымъ богомъ Зевсомъ во главѣ, въ двухъ большихъ поэтическихъ произведеніяхъ грековъ — Иліадѣ и Одиссеѣ.

Верховнымъ богомъ, которому были обязаны повиноваться

всѣ остальные, который назывался «отцомъ боговъ и людей», былъ Зевсъ или, по другому произношенію, Зевесъ.

Въ послѣднюю пору, когда у грековъ расцвѣли искусства, художникъ греческій Фидій сдѣлалъ лучшую статую Зевса. Матеріалами для работы послужили золото и слоновая кость. Фидій изобразилъ Зевса сидящимъ на тронѣ, съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. Въ правой рукѣ Зевсъ держалъ маленькое изображеніе богини Побѣды, сдѣланное изъ тѣхъ же матеріаловъ, что и вся статуя Зевса. Въ лѣвой рукѣ верховнаго бога былъ скипетръ, увѣнчанный орломъ. Тронъ былъ великолѣпенъ: его украшали и слоновая кость, и черное дерево, и золото, и драгоцѣнные камни; кромѣ того на немъ были и рельефныя и живописныя изображенія.



Зевсъ.

Супругою Зевса была Гера, а братьями Посейдонъ и Аидъ.

Посейдонъ—богъ морей. Онъ посылалъ бури и успокаивалъ волны. Если онъ ударялъ въ гнѣвѣ своимъ трезубцемъ по морской поверхности, поднимались волны, топили корабли и, набѣгая на сушу, затопляли ее. Когда же онъ проѣзжалъ по морю на своей колесницѣ, запряженной быстрыми конями, оно совершенно успокаивалось и становилось гладкимъ.

Аидъ или Гадесъ былъ какъ бы подземнымъ Зевсомъ.

И его, какъ Зевса, изображали сидящимъ на тронѣ, со скипетромъ въ рукахъ. При раздѣлѣ вселенной Аидъ получилъ преисподнюю, въ которой и царствовалъ со своей супругою Персефоной, какъ Зевсъ на Олимпѣ съ Герою. Его царство было заселено тѣнями умершихъ.

Изъ дѣтей Зевса запомнимъ Феба-Аполлона, Артемиду и Аѳину.

Фебъ-Аполлонъ былъ наиболѣе почитаемымъ богомъ послѣ Зевса. Онъ былъ первоначально богомъ солнца, но съ теченіемъ времени область его владычества расширялась все болѣе и болѣе. Отъ него стали производить все благое для людей, ему приписывали установленіе всякаго порядка. Въ посвященныхъ ему прорицалищахъ или оракулахъ Аполлонъ открывалъ людямъ будущее и давалъ всякаго рода совѣты. Будучи ближайшимъ лицомъ къ Зевсу, онъ объявлялъ людямъ его волю и жестоко каралъ непокорныхъ, убивая ихъ своими стрѣлами, которыя пускалъ онъ съ своего серебрянаго лука. Такъ какъ онъ зналъ волю Зевса и предвидѣлъ будущее, греческіе колонисты призывали его во время своихъ переселеній. Они вѣровали, что Аполлонъ, незримый ими, помѣщался на кормѣ ихъ корабля и руководилъ имъ. Какъ богъ-прорицатель, онъ былъ и богомъ вдохновенья. Его призывали поэты, считавшіе его своимъ ближайшимъ покровителемъ. Въ музыкѣ есть извѣстный ладъ, порядокъ; она или умиротворяетъ, или вдохновляетъ людей, а потому Аполлонъ сдѣлался и богомъ музыки. Впослѣдствіи, когда у грековъ развились искусства, каждое изъ нихъ получило свою покровительницу изъ числа девяти музъ [1]). И во главѣ этихъ дѣвъ-музъ сталъ Аполлонъ. Въ числѣ искусствъ помѣщалась у грековъ и исторія, музою которой была Кліо.

Артемида, непорочная богиня луны, была вмѣстѣ съ тѣмъ и отважною охотницей. Она гонялась за животными по лѣсамъ и лугамъ, въ сопровожденіи своихъ постоянныхъ спутницъ — нимфъ. Долго была она грозною богиней, которая требовала себѣ человѣческихъ жертвъ. Но, со смягченіемъ гре-

---

[1]) Самое слово музыка происходитъ отъ слова муза. Музыкой было всякое искусство, находившееся подъ покровительствомъ той или другой музы, и лишь впослѣдствіи слово это получило свое настоящее значеніе.

ческихъ нравовъ, и представленіе объ Артемидѣ смягчилось: она стала, подобно своему брату, помогать людямъ, и ее призывали на помощь дѣвы и невѣсты. Выходя замужъ, онѣ приносили ей дары.

Аѳина была первоначально также стихійнымъ божествомъ, богинею ясной лазури небесъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ грековъ, она стала богинею гражданскаго порядка, мирныхъ занятій, мудрости. На послѣднее указываетъ разсказъ о томъ, что она родилась изъ головы Зевса. Но и въ эту пору она изображалась по большей части вооруженною дѣвушкой, со шлемомъ на головѣ, копьемъ въ рукѣ и щитомъ у ногъ. Кромѣ того у ногъ богини Аѳины помѣщали и изображеніе змѣи.

Видное мѣсто занимала у грековъ А ф р о д и т а, богиня любви и красоты. Она превосходила всѣхъ другихъ богинь своимъ изяществомъ и красотою. Самое изображеніе ея—одно изъ лучшихъ произведеній греческой скульптуры. Поклоненіе ей пришло къ грекамъ изъ Азіи. Сперва ей поклонялись на островѣ К и п р ѣ, и она имѣла въ то время много общаго съ финикійской богиней Астартой (Ашерой). Затѣмъ съ Кипра поклоненіе Афродитѣ перешло на острова Эгейскаго моря, а оттуда и на греческій материкъ. На это указываетъ и прекрасное древнее сказаніе о томъ, что богиня Афродита родилась изъ морской пѣны и вышла впервые на берегъ острова Кипра.

Изъ остальныхъ главныхъ боговъ замѣтимъ еще Г е ф е с т а, бога-кузнеца, и Г е р м е с а, посланника боговъ и провожатаго душъ умершихъ въ царство Аида.

37. **Второстепенныя божества**. Кромѣ главныхъ боговъ греки имѣли безчисленное множество второстепенныхъ. Они жили, по вѣрованіямъ грековъ, въ горахъ и долинахъ, въ лѣсахъ и отдѣльныхъ деревьяхъ, въ источникахъ, рѣкахъ, озерахъ и моряхъ. Таковыми были н и м ф ы. Нимфы напоминаютъ отчасти нашихъ русалокъ. Представляли ихъ греки въ видѣ молодыхъ дѣвушекъ или женщинъ. Подобно высшимъ богамъ, и нимфы питались амврозіей и пили нектаръ. Подобно имъ, онѣ могли дѣлаться невидимыми. Ихъ призывали и въ собранія олимпійскихъ боговъ, но обыкновенно онѣ жили въ таинственныхъ гротахъ, тихихъ долинахъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Здѣсь

онѣ проводили время въ играхъ и танцахъ или за пряжею и тканьемъ. Иногда онѣ сопутствовали какому-нибудь высшему божеству, сопровождая, напримѣръ, Артемиду въ ея охотничьихъ похожденіяхъ. Прекрасныя нимфы не были, впрочемъ, безсмертными. Нерѣдко ихъ молодая жизнь увядала очень быстро. Достаточно было пересохнуть источнику или погибнуть дереву, и нимфы ихъ умирали. Греки ставили нимфамъ жертвенники и приносили на нихъ въ жертву козлятъ, ягнятъ, молоко и масло.

Греки раздѣляли нимфъ на нѣсколько разрядовъ: однѣ изъ нихъ назывались дріадами, другія — ореадами, третьи — наядами и т. д. Дріады жили въ лѣсахъ, въ деревьяхъ. Ореадами назывались нимфы горъ. Наяды были нимфы водъ; но, кромѣ наядъ, жили въ водахъ еще океаниды, дочери океана. Греки олицетворяли самый отголосокъ, отзывающійся на крикъ человѣка или звѣря. По разсказамъ грековъ, отголосокъ, особенно сильный въ мѣстностяхъ горныхъ, былъ ореадой, которая называлась Эхо.

Нимфа Эхо полюбила Нарцисса, сына одного рѣчного бога. Но Нарциссъ не обращалъ на прекрасную нимфу никакого вниманія. Она запечалилась, съ печали стала худѣть и чахнуть и зачахла до того, что отъ всего ея существа остался только одинъ голосъ. Этотъ безутѣшный голосъ и откликается на всякій крикъ. Красавецъ Нарциссъ, бывшій виною гибели нимфы Эхо, какъ-то случайно взглянулъ на свое изображеніе, отразившееся въ чистомъ источникѣ. Увидѣвъ его, онъ такъ полюбилъ самого себя, что совершенно истаялъ отъ этой любви, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, выросъ цвѣтокъ, получившій его имя.

Другими обитателями тѣхъ же мѣстъ, гдѣ жили нимфы, были сатиры. Это—существа съ головою, руками и бюстомъ человѣка, съ козлиными ногами и рожками на головѣ. Сатиры были любителями музыки и плясокъ. Такимъ же козлоногимъ существомъ былъ и богъ Панъ. Онъ покровительствовалъ стадамъ, но не прочь былъ и напугать ихъ. Перепуганныя имъ, они разбѣгались во всѣ стороны, доставляя немалую работу своимъ пастухамъ. Отъ имени Пана и до сихъ поръ всякій необъяснимый страхъ называется паническимъ.

38. Храмы и жрецы. Въ глубокой древности храмовъ у грековъ не было. Жертвы богамъ приносились подъ открытымъ небомъ — на берегу моря или на другомъ открытомъ мѣстѣ. Храмы появляются только съ VII столѣтія до Р. Хр. Греческій

Греческій храмъ

храмъ имѣлъ обыкновенно продолговато-четыреугольную форму и ставился на возвышенной террасѣ, на которую вели ступени. Обыкновенно храмовое зданіе окружалось крытой колоннадой или перистилемъ. Кровли у храмовъ дѣлались двускатныя. Въ промежуткахъ между ними и верхушками колоннъ (капителями) помѣщались скульптурныя произведенія, золоченые щиты, надписи; кромѣ того, эти мѣста ярко раскрашивались: и греки любили раскраску, какъ любили ее восточные народы. Храмъ окружался нерѣдко рощей изъ тѣхъ деревьевъ, которыя были посвящены божеству даннаго храма. По мѣрѣ того, какъ распространялось по Греціи поклоненіе тому или другому божеству, распространялись вмѣстѣ съ тѣмъ и деревья, цвѣты, ему посвященные. Такъ напр., Аполлону былъ посвященъ лавръ, Аѳинѣ — маслина, Афродитѣ — миртъ, розы и яблоки и т. д.

Храмъ состоялъ обыкновенно изъ трехъ частей; 1) предхрамія или притвора, 2) собственно храма и 3) части храма, обыкновенно недоступной для толпы. Въ средней изъ этихъ трехъ частей ставилась статуя божества, которому былъ посвященъ храмъ. Жертвенники помѣщались и внѣ храма, и въ храмѣ подъ открытою частью кровли, передъ статуей божества.

Жрецы у грековъ не имѣли большого значенія. Они не учили народа, не проповѣдывали, а были лишь хранителями храма и религіозныхъ преданій. Они не должны были обладать никакими природными недостатками и обязаны были подчиняться извѣстнымъ правиламъ. Такъ напр., жрецы Посейдонова храма не могли питаться рыбою. Жили жрецы на счетъ жертвоприношеній и пользовались различными знаками почета, занимали лучшія мѣста въ собраніяхъ и въ театрѣ и были избавлены отъ повинностей и податей. Храмы нерѣдко обладали большими богатствами, землями, домами и различными доходами. Самыя статуи наиболѣе чтимыхъ боговъ роскошно украшались. Такъ напр., на статуѣ Аѳины въ городѣ Аѳинахъ было золотое платье, а глаза ея были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Кромѣ жрецовъ были у грековъ и жрицы.

Главною частью богослуженія было жертвоприношеніе. Когда-то приносились человѣческія жертвы, но потомъ онѣ



Внутренность Пароенона (храма въ честь богини Аѳины въ городѣ Аѳинахъ).

вышли изъ употребленія. Затѣмъ стали приносить въ жертву животныхъ. Жертвенное животное украшали цвѣтами и лентами, а иногда золотили его рога. Сами жертвователи и всѣ присутствовавшіе являлись въ праздничныхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ. Убитое животное сжигали на жертвенникѣ, стоявшемъ въ храмовой оградѣ, подъ открытымъ небомъ. Но кромѣ кровавыхъ жертвоприношеній были и безкровныя. Такими жертвами были плоды, печенія и т. п. предметы. Приносились они обыкновенно на жертвенники, стоявшіе въ самихъ храмахъ. При жертвоприношеніяхъ совершались возліянія или виномъ, или молокомъ, масломъ и т. п. Совершалось при этомъ и куреніе душистыми травами, особою породою кедра и благоуханными смолами, привозившимися съ Востока.

Кромѣ того часто устраивались торжественныя процессіи. Многіе религіозные обряды сопровождались музыкой, пѣніемъ и танцами. Устраивались послѣ жертвоприношеній атлетическія состязанія, изъ которыхъ возникли общественныя игры, какъ напр., Олимпійскія.

39. **Оракулы**. Оракулами назывались у грековъ такія мѣста, куда вѣрующіе обращались или за совѣтомъ по тому или другому дѣлу, или за предсказаніемъ будущаго.

Древнѣйшимъ оракуломъ былъ Додонскій, названный такъ потому, что находился у города Додоны (въ Эпирѣ). Въ этой мѣстности, богатой горами, поросшими лѣсомъ, и источниками, росъ священный дубъ. У самыхъ корней его журчалъ ручеекъ. Здѣсь жили жрецы, которые и давали отвѣты и предсказанія, стараясь услышать волю Зевса въ движеніяхъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, въ шумѣ, который производили они. Гадали также по полету голубей, жившихъ въ вѣтвяхъ священнаго дуба. Сначала все отличалось здѣсь замѣчательною простотою: храма не было, жрецы жили подъ открытымъ небомъ. Но впослѣдствіи среди лѣса огромныхъ дубовъ былъ выстроенъ храмъ. Тогда стали прибѣгать къ новому способу гаданія, прислушиваясь къ звону мѣдныхъ сосудовъ, висѣвшихъ кругомъ храма.

Гораздо большее значеніе имѣлъ для грековъ Дельфійскій оракулъ, посвященный Аполлону. Свое названіе онъ по-

лучилъ отъ имени города Дельфъ, въ которомъ онъ находился. Дельфы были расположены въ самой серединѣ Греціи, въ области Фокидѣ, у самаго подножія горы Парнасса. Дельфы лежали въ мѣстности, въ которой было много горныхъ высотъ и пропастей. Изъ одной пещеры, имѣвшей неширокое отверстіе, выходили одуряющія испаренія. По свидѣтельству путешественниковъ, подобныя испаренія и до сихъ поръ встрѣчаются по временамъ въ различныхъ мѣстностяхъ Греціи. Мы хорошо знаемъ, что эти испаренія происходятъ отъ какихъ-либо естественныхъ причинъ. Но древній человѣкъ останавливался въ недоумѣніи передъ этимъ явленіемъ природы и, не умѣя объяснить его, приписывалъ его причинѣ сверхъестественной. Онъ думалъ, что эти испаренія посылаетъ самъ богъ-прорицатель, Аполлонъ, и что лицо, которое будетъ подвергаться ихъ дѣйствію, получитъ даръ прорицанія. Подвергаться этимъ испареніямъ заставляли жрицу, жившую здѣсь и называвшуюся пиѳіей.

Сперва и здѣсь все было просто, но съ теченіемъ времени надъ мѣстомъ, гдѣ находился оракулъ, былъ выстроенъ великолѣпный храмъ. При оракулѣ появилось множество жрецовъ, раздѣлявшихся на нѣсколько разрядовъ, а вмѣсто одной пиѳіи ихъ стало три. Онѣ и несли поочереди свою тяжелую службу. Внутренность Дельфійскаго храма, какъ вообще и всѣхъ другихъ греческихъ храмовъ, состояла изъ трехъ частей. Въ первой изъ нихъ были начертаны на стѣнахъ изреченія различныхъ мудрецовъ, какъ напримѣръ: «Познай самого себя», «Ничего слишкомъ» и другія. Въ средней части стоялъ священный очагъ, на которомъ поддерживали огонь, не давая ему угаснуть; кромѣ того тутъ же былъ камень, который, по мнѣнію грековъ, отмѣчалъ середину земли. Въ послѣднее отдѣленіе храма могли входить только жрецы и лишь немногія лица съ ихъ разрѣшенія. Здѣсь стояла золотая статуя Аполлона, и находилась разсѣлина пещеры, изъ которой выходили испаренія. Надъ трещиной стоялъ треножникъ, на который садилась пиѳія, приступая къ прорицанью. Напередъ этотъ треножникъ густо обвивали вѣтвями лавра, посвященнаго Аполлону. Вѣроятно, поступали такъ съ тою цѣлью, чтобы испаренія не расходились по сторонамъ, а направлялись прямо на пиѳію и

сильнѣе дѣйствовали на нее. Вскорѣ послѣ того, какъ пиѳія садилась на треножникъ, ея лицо покрывалось блѣдностью, съ нею дѣлались судороги, и она начинала громко выкрикивать обыкновенно мало понятную рѣчь. Жрецы, стоявшіе вблизи нея, записывали слова пиѳіи и составляли потомъ изъ нихъ отвѣтъ, подходившій къ данному случаю.

Вопрошатели, присутствовавшіе также въ храмѣ, были одѣты въ бѣлыя одежды, на головахъ ихъ лежали лавровые вѣнки, а въ рукахъ они держали вѣтви того же дерева. Самый храмъ украшался въ такихъ случаяхъ зеленью, наполнялся ароматомъ куреній.

Вопрошали и представители государствъ, и частныя лица. Каждый получалъ отъ жрецовъ Дельфійскаго храма письменный отвѣтъ. Такъ какъ вопрошанія дѣлались часто, а въ архивѣ храма сохранялись копіи со всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ, жрецы храма обладали большою опытностью, большими свѣдѣніями и могли давать дѣйствительно полезные отвѣты. Если бы этого не было, оракулъ не пользовался бы у грековъ такимъ большимъ уваженіемъ, какимъ онъ пользовался у нихъ очень долгое время. Онъ былъ извѣстенъ и за предѣлами Греціи. Такъ, напримѣръ, къ Дельфійскому оракулу обращался и лидійскій царь Крезъ передъ походомъ своимъ противъ Кира.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Греціи ни одно важное дѣло не начиналось безъ совѣта съ оракуломъ. Къ нему обращались законодатели, его вопрошали предводители греческихъ переселенцевъ. Оракулъ много помогъ своими полезными совѣтами основанію колоній. Наконецъ Дельфійскій оракулъ былъ такимъ мѣстомъ, куда обращались всѣ греки.

40. Олимпійскія игры. Изъ общественныхъ игръ, происходившихъ въ древней Греціи, наиболѣе прославились Олимпійскія. Названіе ихъ произошло отъ имени города Олимпіи (въ Элидѣ, на рѣкѣ Алфеѣ), гдѣ происходили онѣ. Какъ лица, принимавшія въ этихъ играхъ участіе, такъ и зрители ихъ собирались со всѣхъ концовъ Греціи.

Имена лицъ, желавшихъ принять участіе въ играхъ, заносились въ особые списки за годъ до состязанія. Каждый изъ желающихъ участвовать въ играхъ обязанъ былъ подготовляться

къ состязаніямъ въ продолженіе почти цѣлаго года. Большею частью эти лица готовились въ гимназіи, находившейся въ Олимпіи. Можно было готовиться и на сторонѣ, но лишь на томъ условіи, чтобы и такія лица провели извѣстное время въ Олимпійской гимназіи. Исключенія дѣлались только для тѣхъ, кто уже разъ былъ побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ или пріобрѣлъ извѣстность своею силою и ловкостью.

О времени игръ заранѣе оповѣщались всѣ греческія государства черезъ посредство вѣстниковъ, увѣнчанныхъ цвѣтами и зеленью. Какъ только было сдѣлано это оповѣщаніе, во всей Греціи долженъ былъ установиться миръ: всѣ раздоры, всѣ войны обязательно прекращались, подъ угрозой большого денежнаго штрафа.

Къ началу игръ со всѣхъ концовъ собирались зрители; устье рѣки Алфея переполнялось кораблями, которые были пестро расцвѣчены флагами. Собиралось обыкновенно отъ 40 до 50 тысячъ зрителей. Всѣ они были увлекаемы однимъ желаніемъ — полюбоваться предстоящимъ зрѣлищемъ. Къ этому желанію примѣшивалось и патріотическое чувство: каждый гражданинъ того или другого изъ греческихъ городовъ-государствъ желалъ отъ всей души побѣды своему согражданину. Побѣда, одержанная тѣмъ или другимъ лицомъ, прославляла не только его самого, но и его маленькую родину.

Играми и всѣмъ, что касалось ихъ, завѣдывали особые судьи (э л л а н о д и к и), которые избирались на эту почетную должность по жребію изъ небольшого числа жителей Олимпіи. Они исполняли возложенныя на нихъ обязанности около года. Ихъ было 10 человѣкъ. Подъ ихъ надзоромъ участники игръ упражнялись въ мѣстной гимназіи. Когда же игры начинались, судьи слѣдили за точнымъ исполненіемъ извѣстныхъ правилъ.

Главнѣйшія изъ правилъ заключались въ слѣдующемъ: 1) не позволялось принимать участія въ играхъ ни рабамъ, ни варварамъ (т. е. не грекамъ); 2) не могли участвовать въ играхъ ни убійцы (хотя бы и по неосторожности), ни святотатцы, ни лица, опороченныя по суду; 3) во время борьбы воспрещалось убивать своего соперника; 4) запрещалось также прибѣгать къ какимъ-либо недобросовѣстнымъ уловкамъ; 5) всякій, кто задумалъ бы подкупить въ свою пользу судей, подвергался наказанію розгами; 6) запрещалось открыто выражать свое недовольство приговоромъ судей; 7) всякій недовольный получалъ, однако, право принести жалобу въ Олимпійскій совѣтъ, если имѣлъ для такой жалобы достаточное основаніе.

Чѣмъ ближе становилось начало игръ, тѣмъ сильнѣе росло нетерпѣніе зрителей. Въ день игръ всѣ они занимали свои мѣста задолго до утренней зари. Лишь только восходило солнце, въ утреннемъ воздухѣ рѣзко раздавался первый трубный звукъ. То былъ знакъ для судей. Въ одеждахъ пурпурнаго цвѣта шли они къ своимъ мѣстамъ и занимали ихъ. Послѣ второго трубнаго звука вѣстники громко выкликали состязателей. При выходѣ каждаго изъ нихъ вѣстники дѣлали, обращаясь къ зрителямъ, громогласный вопросъ о томъ, не знаетъ ли кто-нибудь изъ зрителей чего-либо дурного за тѣмъ или другимъ выкликаемымъ лицомъ. Послѣ этого состязатели снимали свои одежды, натирали все тѣло масломъ и вынимали жребій, чтобы опредѣлить очереди.

Состязающіеся бѣгали взапуски на точно опредѣленномъ разстояніи. Обгонявшіе остальныхъ продолжали состязаться въ бѣгѣ другъ съ другомъ, пока не побѣждалъ наконецъ кто-либо одинъ. Ему оказывался огромный почетъ: его именемъ называлось цѣлое четырехлѣтіе, которое протекало отъ даннаго года до слѣдующихъ игръ. Другимъ видомъ состязанія была борьба, при чемъ побѣдившій долженъ былъ три раза опрокинуть своего соперника на песокъ площади, на которой происходили игры. Третьимъ видомъ состязанія былъ кулачный бой, самый непріятный изъ всѣхъ видовъ, такъ какъ бойцы выходили изъ него окровавленными, а нерѣдко и искалѣченными. Наконецъ упражнялись еще въ прыганіи съ извѣстнаго возвышенія и въ метаніи диска (металлическаго или каменнаго кружка). Побѣждалъ въ прыганіи тотъ, кто прыгнулъ дальше остальныхъ, въ метаніи диска тотъ, кто закатывалъ его дальше своихъ соперниковъ. Если находились лица, желавшія состязаться не въ одномъ изъ перечисленныхъ видовъ, а во всѣхъ пяти, тогда всѣ виды борьбы соединялись въ одно состязаніе, называвшееся пятиборствомъ. Все это происходило на ристалищѣ. Но этими видами игры не ограничивались. На гипподромѣ [1]) гонялись верхами на лошадяхъ и въ колесницахъ.

---

[1]) Употребляемое до сихъ поръ греческое слово. Гипподромомъ называется мѣсто, предназначаемое для конскихъ бѣговъ.

Послѣ каждаго состязанія вѣстникъ провозглашалъ имя побѣдителя, его отца и отечества.

Въ древнѣйшую пору всѣ состязанія происходили въ одинъ день, впослѣдствіи игры растянулись на три дня. Раздача наградъ производилась въ послѣдній день игръ. Первоначально раздавались драгоцѣнныя вещи, треножники, дорогія матеріи. Впослѣдствіи въ награду побѣдителю стали давать простой вѣнокъ изъ вѣтвей дикаго оливковаго дерева, которое росло возлѣ главнаго храма Зевса. Возлагали вѣнки на головы побѣдителей судьи. Совершалась эта церемонія въ храмѣ Зевса, въ присутствіи представителей всѣхъ греческихъ странъ. Въ это время толпа нетерпѣливо ждала той минуты, когда побѣдители (олимпіоники) предстанутъ передъ нею. Наконецъ торжественная процессія выходила ихъ храма. Впереди шли судьи, за ними шли новые побѣдители на играхъ въ сопровожденіи чиновниковъ и жрецовъ, депутаціи (избранныхъ людей) отъ государствъ и даже статуй боговъ. Процессія шла подъ звуки флейтъ и пѣсенъ. Побѣдители были въ яркихъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Сейчасъ же за ними выступали лошади, одержавшія побѣды и убранныя по этому случаю цвѣтами. Процессія приближалась къ алтарямъ боговъ: здѣсь приносились жертвы въ благодарность за одержанныя побѣды. Это религіозное торжество совершалось на глазахъ всѣхъ зрителей. Заканчивался радостный день веселымъ пиромъ. Имена побѣдившихъ заносились въ особые списки.

Возвращеніе побѣдителя въ родной городъ было настоящимъ праздникомъ. Онъ въѣзжалъ въ городъ въ пурпурной одеждѣ на колесницѣ, запряженной четверкою лошадей. За нимъ слѣдовала цѣлая свита изъ друзей и любопытныхъ. Всѣ они направлялись прежде всего въ храмъ Зевса, гдѣ побѣдитель посвящалъ ему свой вѣнокъ. Затѣмъ всѣ шли въ зданіе правительственнаго совѣта, гдѣ побѣдителя ожидало роскошное пиршество. Въ теченіе долгаго времени справлялись даже годовщины этого событія. Въ день годовщины побѣдитель опять шелъ въ храмъ Зевса, снова бралъ отсюда и возлагалъ себѣ на голову свой побѣдный вѣнокъ и обходилъ въ такомъ видѣ весь городъ, посѣщая его храмы въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ.

Сограждане побѣдителя одаряли его различными способами. Заказывали какому-либо поэту написать хвалебную пѣснь (**оду**) въ честь побѣдившаго. Воздвигали ему двѣ статуи, изъ которыхъ одну ставили въ Олимпіи, а другую у себя, въ родномъ городѣ. Въ какомъ-либо портикѣ выставляли его портретъ, писанный красками. Одинъ городъ выдавалъ своему побѣдителю денежную сумму, другой подносилъ ему бронзовый щитъ, третій — шерстяную мантію и т. под. Его предпочтительнѣе передъ другими избирали на какую-либо общественную должность. Въ театрѣ ему давали первое мѣсто. Въ случаѣ его смерти воздвигали ему гробницу на государственный счетъ. Не забывали и лошадей, одержавшихъ побѣду. При жизни ихъ холили, а по смерти надъ ихъ могилами ставили памятники.

Сказанія о герояхъ.

41. О миѳахъ. Кромѣ сказаній или миѳовъ о богахъ, у грековъ было безчисленное множество разнообразныхъ сказаній о герояхъ. Слово герой, вошедшее во всѣ языки образованныхъ народовъ, принадлежитъ греческому языку. Героями же они называли и предковъ, которымъ воздавали божескія почести, и, вообще, богатырей древнѣйшихъ временъ. По своему происхожденію герои были большею частью полубогами. Въ сказаніяхъ о герояхъ много сказочнаго, но не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ только, какъ на плодъ вымысла. Въ этихъ сказаніяхъ, въ поэтической формѣ, отразились событія давно минувшихъ временъ, тѣ событія, которыя не сдѣлались достояніемъ исторіи, такъ какъ историческія записи появились сравнительно въ очень позднее время. Древнѣйшимъ поколѣніямъ пришлось много потрудиться для того, чтобы сдѣлать занятыя ими мѣстности вполнѣ удобными для жизни. Много нужно было затрачивать для этого силъ въ первобытную эпоху, когда орудіемъ служили человѣку палица, рогатина и лукъ, когда человѣкъ схватывался въ рукопашной борьбѣ одинъ-на-одинъ съ какимъ-либо хищнымъ звѣремъ. Почва была неосушена: ее покрывало множество злотворныхъ болотъ; на ней въ изобиліи водились пресмыкающіяся животныя. Объ этой отдаленной и тяжелой для человѣческаго существованія порѣ и разсказываютъ въ художественной формѣ многіе греческіе миѳы. Невѣдомые борцы, облегчавшіе жизнь своимъ отдаленнымъ потомкамъ, превратились мало-по-малу въ отдѣльныхъ лицъ. Все свое изумленіе передъ работой предшествующихъ поколѣній греки перенесли на этихъ лицъ. Въ ихъ глазахъ они перестали быть смертными. Работа была слишкомъ чудовищной; справиться съ нею, по мнѣнію грековъ, не могли простые смертные, а совершили ее герои. Все это необходимо имѣть въ виду, приступая къ изученію важнѣйшихъ греческихъ миѳовъ. Но миѳы представляютъ интересъ и въ другомъ отношеніи. Въ нихъ невольно высказывались взгляды греческаго народа на боговъ, на судьбу, назначеніе чело-

вѣка и т. под. Наконецъ, миѳы знакомятъ насъ съ выдающеюся чертою въ характерѣ греческаго народа, съ его неистерпаемой художественной фантазіей. Случалось, что греки заимствовали тотъ или другой миѳъ отъ финикіянъ или какого-нибудь иного изъ народовъ Востока. Но, заимствуя его, они такъ измѣняли его въ лучшую сторону, что этотъ миѳъ дѣлался почти неузнаваемымъ.

42. Миѳы о Гераклѣ. Знаменитѣйшій изъ греческихъ героевъ Гераклъ [1]) былъ сынъ самого Зевса и смертной— Алкмены. Маленькій Гераклъ спалъ со своимъ братомъ не въ люлькѣ, какъ обыкновенныя дѣти, а въ большомъ желѣзномъ щитѣ. Мать постилала на щитъ постель, и когда малюткамъ надо было спать, ихъ качали въ этомъ щитѣ. Богиня Гера невзлюбила Геракла съ самаго его рожденія и порѣшила умертвить его. Въ одну полночь произошло слѣдующее. Въ комнатѣ было темно. Оба мальчика спали на своемъ щитѣ, стоявшемъ у постели матери. И вотъ, черезъ отверстіе подъ дверью вползли въ комнату двѣ большія змѣи и подползли къ самому щиту. Глаза у нихъ сверкали, какъ огонь, и вся комната ярко освѣтилась. Змѣи подняли головы и хотѣли ужалить Геракла. Братъ его проснулся и сталъ съ испуга кричать. Его крикъ разбудилъ и мать, и Геракла. Послѣдній не испугался, схватилъ руками за глотки змѣй и задушилъ ихъ.

Въ дѣтствѣ Гераклъ былъ уже очень высокъ ростомъ, ѣлъ много мяса и хлѣба и не любилъ никакихъ лакомствъ. Онъ учился читать, писать, ѣздить верхомъ, править парою и четверкой лошадей, стрѣлять изъ лука и бороться. Жилъ въ ту пору въ Ѳивахъ добрый кентавръ (полу человѣкъ и полу-лошадь), по имени Хиронъ. Онъ научилъ Геракла распознавать звѣзды и травы и много разсказывалъ ему о растеніяхъ и животныхъ. Гераклъ былъ, вообще, хорошимъ мальчикомъ, но отличался однимъ недостаткомъ: былъ слишкомъ вспыльчивъ. Какъ-то разъ разсердился онъ на своего учителя музыки, который билъ его, схватилъ въ руки музыкальный инструментъ, ударилъ имъ своего учителя по головѣ и, конечно, убилъ его.

Сдѣлавшись уже взрослымъ, женившись и имѣя троихъ

[1]) Иначе его называютъ, придерживаясь римскаго произношенія, Геркулесомъ.

дѣтей, Гераклъ заболѣлъ. Болѣзнь эту, которая привела его къ помѣшательству, послала ему все еще преслѣдовавшая его Гера. Помѣшанному Гераклу все чудилось, что дѣти его — хищные звѣри, и въ одинъ злополучный день онъ взялъ свой лукъ и перестрѣлялъ дѣтей. Придя въ себя, онъ ужаснулся своего собственнаго поступка и бѣжалъ въ лѣсъ.

Въ древности, когда грекъ не зналъ, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, онъ обращался обыкновенно къ оракулу. Несчастный Гераклъ поступилъ такъ же. Онъ явился въ Дельфы и вопросилъ пиѳію. Пиѳія велѣла ему отправиться въ городъ-государство Тиринѳъ, къ царю Эврисѳею, и послушно исполнять все, что онъ ему прикажетъ. Она сказала еще, что Эврисѳей задастъ ему 12 работъ, что работы эти будутъ и страшно трудны, и опасны для него, но, если онъ исполнитъ всѣ, то найдетъ полное утѣшеніе, а послѣ своей смерти можетъ даже сдѣлаться богомъ.

Царь Эврисѳей былъ золъ и трусливъ, никогда въ своей жизни не сдѣлалъ никому добра и не любилъ тѣхъ, кто дѣлаетъ его. Когда Гераклъ явился къ нему и разсказалъ обо всемъ случившемся, Эврисѳей задалъ ему 12 работъ.

Первымъ подвигомъ Геракла было убіеніе Немейскаго льва. Этотъ страшный левъ жилъ въ густомъ лѣсу, въ Немейской долинѣ. Его шкура была такъ крѣпка, что никакое оружіе не могло его ранить. Когда пастухи бросали въ него копья, то послѣднія отскакивали отъ его шкуры; тогда левъ кидался на пастуховъ и растерзывалъ ихъ. Гераклъ началъ, было, пускать во льва свои стрѣлы, но всѣ онѣ отскакивали отъ его шкуры. Левъ, по обыкновенію, накинулся на Геракла. Герой оглушилъ его ударомъ дубины, а потомъ схватилъ его шею обѣими руками и задушилъ страшнаго звѣря. Гераклъ содралъ съ убитаго льва шкуру и надѣлъ ее на себя; пасть льва онъ надѣлъ себѣ на голову вмѣсто шлема, а шкуру съ переднихъ ногъ завязалъ подъ подбородкомъ. Такъ какъ его дубина сломалась отъ удара, нанесеннаго льву, Гераклъ вырубилъ себѣ новую дубину и никогда уже послѣ этого не разставался ни съ дубиною, ни со шкурой Немейскаго льва. Эврисѳей такъ перепугался, узнавъ объ убіеніи Немейскаго льва, что заперся въ подземной

комнатѣ за желѣзною рѣшеткой. Только сквозь эту рѣшетку онъ и согласился видѣться съ Геракломъ и говорить съ нимъ.

Вторая задача, которую задалъ Эврисѳей Гераклу, была также очень трудна: онъ повелѣлъ ему убить Лернейскую гидру. То была длинная, какъ корабль, змѣя; у нея было 9 головъ, и жила она въ Лернейскомъ болотѣ. Гераклъ отправился къ болоту вмѣстѣ со своимъ другомъ, Іолаемъ. Гидра испугалась Геракла и спряталась отъ него въ свою нору, а Гераклъ обернулъ свои стрѣлы паклею со смолой и сѣрой, зажегъ все это и началъ стрѣлять ими въ нору. Змѣя выползла и бросилась на Геракла. Онъ схватилъ ее за шею и началъ бить по ея головамъ. Но всякій разъ вмѣсто разбитыхъ головъ вырастали новыя. Гераклу было бы невозможно справиться съ гидрою, если бы съ нимъ не было Іолая. Іолай срубилъ нѣсколько деревьевъ, разрубилъ ихъ на куски и развелъ большой огонь. Когда Гераклъ разбивалъ головы гидры, Іолай бралъ одно изъ горящихъ полѣнъ и прижигалъ имъ рану гидрѣ: новыя головы перестали выростать. Когда всѣ головы были уничтожены, гидра перестала жить. Гераклъ обмакнулъ наконечники своихъ стрѣлъ въ ея кровь и сдѣлалъ ихъ смертоносными.

Изъ остальныхъ подвиговъ Геракла наиболѣе интересны три: борьба съ амазонками, путешествіе Геракла за золотыми яблоками и нисхожденіе его въ преисподнюю.

Было когда-то на свѣтѣ царство, состоявшее изъ однѣхъ женщинъ. Онѣ отлично ѣздили верхомъ и были такъ храбры на войнѣ, какъ герои. Звали ихъ амазонками, а царицею у нихъ была Ипполита. У нея былъ дорогой поясъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Эврисѳей какъ-то узналъ объ этомъ и пожелалъ получить поясъ, чтобы подарить его своей дочери. Онъ и заставилъ Геракла добыть этотъ поясъ во что бы то ни стало. Добыть его безъ войны съ амазонками было нельзя, а потому Гераклъ сталъ объявлять по всей Греціи, что затѣваетъ войну съ ними и приглашаетъ къ участію въ ней всѣхъ храбрецовъ. Съ ними онъ прибылъ на кораблѣ въ страну амазонокъ и сейчасъ же объявилъ Ипполитѣ, чего потребовалъ отъ него царь Эврисѳей. Сама Ипполита знала отлично, что Гераклъ служитъ Эврисѳею по приказанію Дельфійскаго ора-

кула, а потому хотѣла просто подарить Гераклу свой поясъ. Но подданныя ея не согласились на это и напали на Геракла и его спутниковъ. Борьба была серьезная: мужчины сражались пѣшіе, а женщины были на коняхъ. Благодаря главнымъ образомъ Гераклу, амазонки были разбиты и обратились въ бѣгство, а царица ихъ попалась въ плѣнъ. Гераклъ не сдѣлалъ ей ничего дурного и освободилъ ее, лишь только получилъ поясъ.

Послѣ этого Эврисѳей повелѣлъ Гераклу добыть золотыя яблоки гесперидъ. Нимфы геспериды стерегли деревья, приносившія золотые плоды. Но, не полагаясь на себя, онѣ держали въ своемъ саду сторожа. Этимъ сторожемъ былъ большой драконъ, у котораго было сто головъ. Трудность подвига увеличивалась еще тѣмъ, что Гераклъ даже не зналъ, гдѣ находится садъ нимфъ гесперидъ. Извѣстно было только направленіе, котораго онъ долженъ былъ держаться. Долго шелъ онъ въ этомъ направленіи и по дорогѣ совершалъ подвиги уже по влеченію своего собственнаго чувства. Такъ напримѣръ, онъ убилъ въ Египтѣ и царя, и жрецовъ, приносившихъ въ жертву своимъ богамъ всѣхъ чужестранцевъ. Изъ Египта онъ шелъ все къ западу вдоль сѣвернаго берега Африки и дошелъ такимъ образомъ до того мѣста, гдѣ стоялъ Атлантъ. Атлантъ стоялъ на краю земли и держалъ на своихъ плечахъ небесный сводъ, чтобы онъ не упалъ на землю [1]). Атлантъ приходился дядею гесперидамъ, и Гераклъ просилъ его устроить все дѣло такъ, чтобы племянницы подарили ему яблоки. Атлантъ пошелъ къ гесперидамъ, поручивъ держать небесный сводъ Гераклу. Геспериды дали своему дядѣ три яблока, попросили его передать ихъ Гераклу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Гераклъ пообѣщалъ снова возвратить ихъ. Онѣ знали, что Гераклъ всегда держитъ свое слово, а потому и вѣрили ему. Задача была такимъ образомъ исполнена, а яблоки были возвращены потомъ гесперидамъ, хотя Эврисѳею и очень не хотѣлось разставаться съ этими золотыми плодами.

Послѣднею работой Геракла, исполненной по приказанію Эврисѳея, было сошествіе въ адъ. Эврисѳей велѣлъ ему при-

[1]) И теперь въ архитектурѣ называютъ атлантами тѣ мужскія фигуры, которыя поддерживаютъ на себѣ ту или другую часть зданія.

нести оттуда трехглаваго пса Кербера (по другому произношенію—Цербера). Онъ исполнилъ требованіе царя и явился къ нему съ адскою собакой. Но едва Эврисеей увидѣлъ ее, какъ со страха спрятался. Послѣ этого Гераклъ снова сходилъ въ подземное царство и вернулъ Аиду его страшную собаку.

Гераклъ совершилъ много и другихъ подвиговъ, неустанно работая до конца своей земной жизни. Пророчество пиѳіи исполнилось. По смерти Геракла его душа была взята на Олимпъ въ семью небожителей. Зевсъ превратилъ ее въ божество. Гера примирилась съ Геракломъ и выдала за него замужъ свою прекрасную дочь Гебу. Такъ вознагражденъ былъ Гераклъ за свое неустанное трудолюбіе и за все добро, которое онъ сдѣлалъ людямъ.

43. Миѳы о Тезеѣ. Позднимъ вечеромъ пришелъ въ домъ Трезенскаго царя какой-то статный незнакомецъ. Оказалось, что это былъ сынъ только что свергнутаго врагами аѳинскаго царя; звали царскаго сына Эгеемъ. Онъ умолялъ Трезенскаго царя о гостепріимствѣ, и тотъ принялъ его въ свой домъ. Съ согласія царя, Эгей женился на его дочери. Царь ждалъ согласно приказанію оракула, что у его дочери и Эгея родится сынъ, которому суждено будетъ совершить великіе подвиги. Но вскорѣ послѣ брака Эгей рѣшилъ покинуть и жену, и тестя и отправиться въ Аѳины, чтобы оружіемъ добыть престолъ, принадлежавшій его отцу. Прощаясь съ женою, онъ подвелъ ее къ большому камню, своротилъ его съ мѣста, положилъ туда свой мечъ и сандаліи [1]) и снова установилъ камень на прежнемъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ сказалъ своей женѣ, что, когда ихъ сынъ выростетъ и сможетъ сдвинуть съ мѣста камень, пусть сдѣлаетъ это, возьметъ положенныя подъ камнемъ вещи и придетъ съ ними въ Аѳины. Послѣ этого онъ навсегда разстался со своею женою.

У жены Эгея родился сынъ, котораго назвали Тезеемъ. Когда наступила указанная Эгеемъ пора, мать Тезея разсказала ему обо всемъ и привела его къ огромному камню Тезей безъ труда своротилъ его, досталъ спрятанныя тамъ вещи,

[1]) Обувь, состоявшая изъ подошвъ, прикрѣплявшихся къ ногамъ ремнями.

надѣлъ сандаліи, опоясался мечомъ и, простившись съ матерью, направился въ Аѳины. Онъ пошелъ туда пѣшкомъ и совершилъ на дорогѣ рядъ подвиговъ, которые состояли главнымъ образомъ въ истребленіи разбойниковъ и всякаго рода зловредныхъ существъ.

Наиболѣе извѣстенъ миѳъ о томъ, какъ раздѣлался Тезей съ разбойникомъ Дамастомъ. Дамастъ заманивалъ въ свой домъ путниковъ и здѣсь умерщвлялъ ихъ ради своего удовольствія. Онъ не только губилъ несчастныхъ, но и издѣвался надъ ними. Всякій, кто посѣщалъ его домъ, долженъ былъ ложиться на ложе, предназначенное Дамастомъ для своихъ жертвъ. Злодѣй требовалъ, чтобы ростъ обманутаго имъ путника сходился какъ разъ съ длиною ложа. Если ноги путника оказывались длиннѣе ложа, онъ обрубалъ ихъ. Въ томъ же случаѣ, когда путникъ оказывался короче ложа, Дамастъ привязывалъ его голову къ изголовью ложа, а ноги вытягивалъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не касались противоположнаго конца ложа. Поэтому Дамаста и прозвали Прокрустомъ, т. е. Вытягивателемъ. Когда Тезей проходилъ мимо Дамастова жилища, злодѣй пригласилъ его къ себѣ, думая сдѣлать съ Тезеемъ то же самое, что онъ продѣлалъ съ безчисленнымъ множествомъ жертвъ. Но борьба, начавшаяся между Дамастомъ и Тезеемъ, окончилась въ пользу Тезея. Послѣдній схватилъ разбойника и бросилъ его на Прокрустово ложе; такъ какъ ноги злодѣя оказались длиннѣе ложа, онъ обрубилъ ихъ.

Послѣ этого Тезей прибылъ въ Аѳины, гдѣ представился отцу своему Эгею, бывшему въ это время аѳинскимъ царемъ. Отецъ узналъ его по мечу и сандаліямъ. Но скоро Эгей призналъ въ своемъ сынѣ героя, о рожденіи котораго говорилъ когда-то оракулъ. Произошло это по слѣдующему поводу. Въ той-же мѣстности, гдѣ были расположены Аѳины, жилъ на Мараѳонскихъ поляхъ страшный быкъ, не дававшій проходу ни людямъ, ни животнымъ. Никто не могъ справиться съ этимъ чудовищемъ. Тогда Тезей пошелъ на быка, осилилъ его и привелъ живымъ въ Аѳины, гдѣ торжественно принесъ его въ жертву Аполлону. Все населеніе радостно привѣтствовало молодого героя.

Но самый главный подвигъ былъ совершенъ Тезеемъ на островѣ Критѣ. Въ ту пору аѳиняне должны были посылать черезъ каждыя 9 лѣтъ на островъ Критъ ужасную дань — семерыхъ юношей и семерыхъ дѣвицъ, на съѣденіе чудовищу Минотавру. Когда царь Крита, Миносъ, потребовалъ въ третій разъ присылки этой дани, Тезей пожелалъ отправиться на Критъ въ числѣ семи юношей.

Когда корабль съ черными парусами на мачтахъ подъѣхалъ къ гавани острова Крита, и приплывшіе на немъ молодые люди стали выходить на берегъ, дочь царя Миноса, Аріадна, сразу же обратила вниманіе на статнаго и прекраснаго Тезея и по-



Тезей и Минотавръ.

любила его. По прибытіи на островъ Тезей немедленно отправился къ царю Миносу, назвалъ себя и попросилъ у него, какъ милости, биться съ Минотавромъ раньше другихъ. Царь согласился и высказалъ при этомъ свою увѣренность въ неизбѣжной гибели Тезея. Послѣдній не испугался. «Человѣку — сказалъ онъ — слѣдуетъ приложить къ дѣлу всѣ свои силы, что же касается до исхода борьбы, объ этомъ знаютъ только боги». Аріадна присутствовала при этомъ разговорѣ и рѣшила во что бы то ни стало помочь герою. Она дала ему клубокъ нити (Аріаднину нить), чтобы Тезей могъ, убивъ Минотавра, выйти благополучно изъ того зданія, въ которомъ жило чудовище. Жилъ Минотавръ въ лабиринтѣ, въ которомъ корридоры и залы были такъ многочисленны и такъ перепутаны что даже

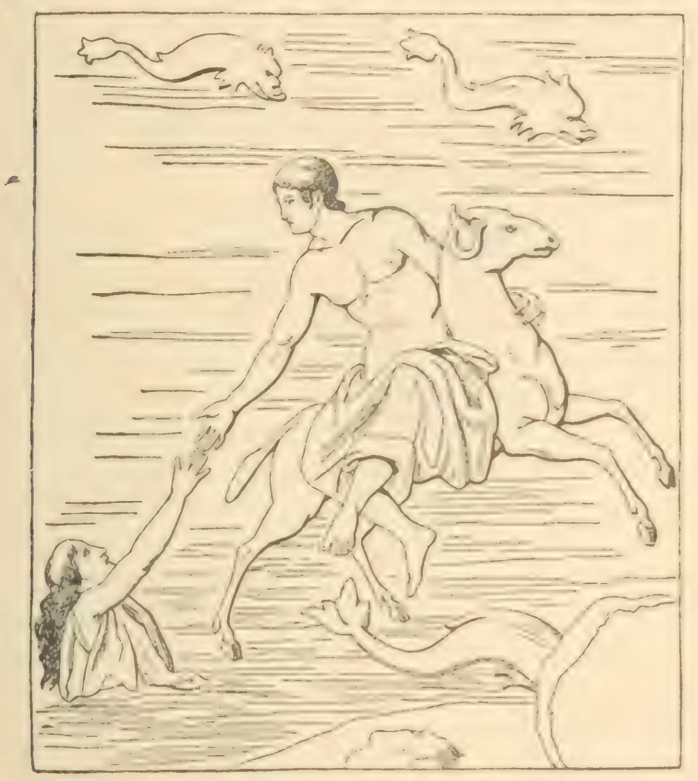
побѣдителю Минотавра было немыслимо выбраться оттуда. При входѣ въ лабиринтъ Тезей укрѣпилъ одинъ конецъ нити и, двигаясь въ глубь страшнаго зданія, постепенно разматывалъ клубокъ. Такъ добрался онъ до самой середины лабиринта, сразился съ Минотавромъ и убилъ его. Послѣ этого онъ сѣлъ тайкомъ со своими спутниками и благодѣтельницей Аріадной на корабль и покинулъ Критъ. По совѣту Аріадны Тезей пробуравилъ днища критскихъ судовъ, чтобы помѣшать погонѣ. Онъ хотѣлъ привезти добровольно бѣжавшую съ нимъ Аріадну въ Аѳины, чтобы тамъ жениться на ней, но во снѣ ему явился богъ Діонисъ (богъ необузданнаго веселья и вина) и повелѣлъ ему покинуть Аріадну, такъ какъ самъ онъ желалъ вступить съ нею въ бракъ. Повинуясь богу Діонису, Тезей покинулъ Аріадну на одномъ островѣ во время ея сна. Переживъ въ короткое время много впечатлѣній, Тезей направлялъ свой корабль къ завѣтнымъ берегамъ Аттики и совсѣмъ позабылъ исполнить то, о чемъ условился со своимъ отцомъ передъ поѣздкою на островъ Критъ. Онъ обѣщалъ тогда отцу, въ случаѣ благопріятнаго исхода предпріятія, замѣнить черные паруса бѣлыми. Такимъ образомъ корабль приближался къ берегамъ Аттики съ черными парусами.

Между тѣмъ престарѣлый царь Эгей съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія своего сына. Каждый день выходилъ онъ на берегъ, становился на прибрежную скалу и жадно всматривался въ разстилавшуюся передъ нимъ голубую даль. Можно представить себѣ страшное горе отца, когда онъ завидѣлъ издали корабль съ черными парусами. Онъ подумалъ, что сына его уже нѣтъ болѣе въ живыхъ. Не будучи въ состояніи перенести своего горя, Эгей бросился со скалы въ море и утонулъ. Съ тѣхъ поръ — разсказывали греки — это море стало называться Эгейскимъ.

Вернувшись на родину, Тезей занялъ престолъ своего отца и долго и мудро управлялъ Аѳинскимъ государствомъ.

44. Походъ аргонавтовъ. Жилъ въ Беотіи царь; звали его Атамантомъ, а жену его Нефелою. У нихъ было двое дѣтей: сынъ Фриксъ и дочь Гелла. Оба они нѣжно любили другъ друга, и жилось имъ хорошо, пока была съ ними

ихъ родная мать. Но матери не стало съ ними, и царь женился во второй разъ на злой Ино. Она дурно обращалась съ дѣтьми: худо ихъ кормила, худо одѣвала и даже била ихъ, когда они плакали о своей матери. Наконецъ она задумала даже умертвить Фрикса. Тогда сжалился надъ дѣтьми богъ Гермесъ. Онъ послалъ имъ красиваго большого барана съ золо-



Фриксъ и Гелла.

тою шерстью. Баранъ этотъ умѣлъ летать по воздуху. Фриксъ и Гелла сѣли на него и полетѣли въ Колхиду (Грузію). Дѣти должны были одною рукой крѣпко держаться за его рога, а другою обнимать другъ друга. Гелла была слабѣе Фрикса. Когда баранъ летѣлъ надъ тѣмъ проливомъ, который соединяетъ Эгейское море съ Мраморнымъ [1]), Гелла соскользнула съ барана и

[1]) Мраморное море называлось у грековъ Пропонтидой — преддверіемъ Понта (Чернаго моря).

упала въ проливъ, гдѣ сейчасъ же и утонула. Оттого греки прозвали этотъ проливъ (нын. Дарданельскій) Геллеспонтомъ, т. е. моремъ Геллы. Фриксъ былъ страшно опечаленъ гибелью Геллы, но все-же продолжалъ свой путь и прибылъ наконецъ въ Колхиду. Здѣсь онъ принесъ барана въ жертву богамъ, а его золотое руно прибилъ гвоздями къ дубу.

Жилъ послѣ того Ѳессалійскій царь Пелій. У него былъ племянникъ Язонъ, который жилъ со своимъ отцомъ. Язонъ былъ молодъ и отличался своею храбростью. Царю Пелію было предсказано, что его лишитъ престола человѣкъ, который придетъ къ нему объ одной сандаліи. Разъ Пелій устроилъ торжество и пригласилъ на него своего племянника. Чтобы попасть въ городъ, въ которомъ жилъ Пелій, Язону пришлось перебираться въ бродъ черезъ ручей. Во время переправы ремни у одной сандаліи развязались, она осталась въ водѣ, такъ что Язонъ явился къ своему дядѣ объ одной сандаліи. Чтобы избавиться отъ племянника, который сдѣлался для него страшнымъ, Пелій велѣлъ ему удалиться изъ Ѳессаліи и не возвращаться въ нее до тѣхъ поръ, пока онъ не добудетъ золотого руна.

Тогда Язонъ собралъ дружину, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нею за золотымъ руномъ. Онъ выстроилъ для себя и своихъ товарищей большой корабль, по имени Арго, откуда и получили свое названіе плававшіе на немъ герои. Корабль этотъ обладалъ особеннымъ свойствомъ: онъ отвѣчалъ Язону всякій разъ, когда тотъ спрашивалъ у него, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Кормчимъ на этомъ чудесномъ кораблѣ былъ Линкей, обладавшій замѣчательно острымъ зрѣніемъ: онъ могъ видѣть сквозь землю металлы, находившіеся въ нѣдрахъ ея. На пути своемъ аргонавты испытали много всякихъ приключеній, видѣли много чудеснаго и сдѣлали не мало добра. Такъ напримѣръ, они спасли одного слѣпого царя отъ страшныхъ птицъ-гарпій. Эти птицы были настоящими чудовищами; у нихъ была желѣзная кожа и большіе, острые желѣзные когти. Гарпіи мучили царя голодомъ. Едва онъ садился за столъ, на который слуги ставили кушанья, какъ налетали гарпіи и утаскивали съ собою все, что было приготовлено для царя. Аргонавты уничтожили гарпій и такимъ образомъ осво-

бодили царя отъ мучительницъ. Царь былъ очень благодаренъ аргонавтамъ и далъ имъ на прощанье добрый совѣтъ. Въ открытомъ морѣ, по которому должны были ѣхать аргонавты, плавали двѣ огромныя скалы. Онѣ находились въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, но, лишь только появлялся между ними какой-нибудь предметъ (рыба, птица, корабль), онѣ быстро сближались, сталкивались и разбивали въ дребезги все то, что попадало между ними. Послѣ этого онѣ далеко отплывали другъ отъ друга. Аргонавты добрались до этихъ скалъ и поступили такъ, какъ посовѣтовалъ имъ спасенный ими царь. Одинъ изъ героевъ сталъ на носъ корабля съ голубемъ въ рукахъ и пу-



Постройка корабля Арго (строителями руководитъ богиня Аѳина)

стилъ его впередъ. Голубь отличался проворствомъ: когда скалы столкнулись, между ними попалъ только его хвостикъ. Какъ только скалы разошлись послѣ этого, аргонавты налегли на весла и благополучно проплыли между скалами. Послѣднія, сойдясь другъ съ другомъ, отбили у корабля Арго небольшой кусокъ кормы. Испытавъ много другихъ приключеній, аргонавты прибыли наконецъ въ Колхиду.

Въ Колхидѣ царствовалъ Аэтъ. Язонъ явился къ нему и разсказалъ о цѣли своего прибытія. Аэту не хотѣлось разставаться съ золотымъ руномъ, отказать же Язону онъ не смѣлъ. Дѣло въ томъ, что Аэту было приказано богами отдать золотое

руно тому, кто явится за нимъ изъ Грецiи и начнетъ требовать его. Поэтому онъ обѣщалъ Язону выдать руно, но потребовалъ, чтобы тотъ исполнилъ его приказанiе. Аэтъ приказалъ ему запречь въ плугъ мѣдныхъ быковъ, вспахать большое поле и засѣять его драконовыми зубами. Этихъ мѣдныхъ быковъ сдѣлалъ богъ Гефестъ: они двигались и жили, какъ настоящiе быки, но изъ пасти и ноздрей ихъ вылетало пламя. Быки эти были гораздо злѣе и сильнѣе настоящихъ, а потому они содержались въ стойлахъ, сдѣланныхъ изъ большихъ камней и желѣза, гдѣ были прикованы желѣзными цѣпями. Задача, которую Аэтъ задалъ Язону, была нелегкою. Трудность ея не ограничивалась, однако, одною необходимостью вывести мѣдныхъ быковъ изъ стойла и запречь ихъ въ плугъ. Изъ посѣянныхъ въ землю драконовыхъ зубовъ вырастали желѣзные люди съ копьями и мечами и убивали того, кто ихъ посѣялъ. Но Язона выручила Медея, дочь царя Аэта. Увидѣвъ героя, она полюбила его и рѣшилась помочь ему въ его трудномъ дѣлѣ. Она была волшебницей; умѣла варить волшебныя зелья и летала по воздуху въ колесницѣ, запряженной змѣями. Обладая такими необычайными способностями, Медея набрала всякихъ травъ, росшихъ и на горахъ, и въ долинахъ по берегамъ ручьевъ. Изъ собранныхъ травъ она выжала сокъ и приготовила на немъ чудесную мазь. Потихоньку отъ своего отца она принесла ее къ Язону и велѣла ему натереться ею, а также натереть и свое вооруженiе. И онъ, и его вооруженiе должны были сдѣлаться, благодаря ея средству, неуязвимыми для огня.

Наступилъ день страшнаго испытанiя. Рано утромъ собрались на условленное мѣсто и царь, и придворные, и жители города. Съ быками удалось Язону справиться прекрасно. Когда поле было вспахано, онъ попросилъ дать ему драконовые зубы. Ему принесли шлемъ, наполненный ими. Язонъ бралъ ихъ пригоршнями и бросалъ въ землю, какъ сѣятель бросаетъ сѣмена. Покончивъ съ посѣвомъ, онъ пошелъ спать. На слѣдующiй день посѣвъ взошелъ, и скоро изъ земли повыскакали желѣзные люди. И на этотъ случай Медея дала Язону разумный совѣтъ. Слѣдуя этому совѣту, Язонъ бросилъ въ толпу желѣзныхъ людей большой камень. Они бросились къ камню, затѣяли изъ-за него

большую ссору между собою и перебили другъ друга. Такъ кончился второй день. На утро Язонъ пришелъ къ Аэту и сталъ требовать руно. Аэтъ не далъ руна и даже замыслилъ убить Язона. Медея предупредила Язона о замыслѣ своего отца и посовѣтовала любимому человѣку самому снять руно съ дуба. Снять руно съ дуба было бы немудрено, но его стерегъ драконъ, который никогда не спалъ и пожиралъ всякаго, кто хотѣлъ дотронуться до руна, кромѣ самого царя Аэта. Въ довершеніе всего чудовище это было безсмертно, такъ что его нельзя было и убить. Но у него была одна слабость: онъ очень любилъ сладкія лепешки. Медея дала Язону медовыя лепешки, но влила въ тѣсто, изъ котораго сдѣлала ихъ, снотворнаго сока.

Въ чудную лунную ночь Язонъ отправился добывать руно. Когда онъ кинулъ дракону лепешки, тотъ набросился на нихъ, съѣлъ ихъ и сейчасъ же заснулъ. Язонъ уже безъ всякаго труда снялъ съ дерева золотое руно и отнесъ его на свой корабль, на которомъ поджидали его товарищи. Медея сдѣлалась женою Язона и уѣхала на кораблѣ Арго въ Грецію. Попытка Аэта нагнать аргонавтовъ не удалась, и они благополучно вернулись на родину.

Когда Медея съ Язономъ прибыли въ Ѳессалію, она возвратила молодость отцу Язона. Сѣдые волосы его стали снова черными, во рту выросли новые зубы, и онъ сталъ такимъ же сильнымъ, какимъ былъ во дни молодости. Послѣ этого она погубила Пелія, по смерти котораго воцарился отецъ Язона.

Хотя въ миѳѣ объ аргонавтахъ и много сказочнаго, но весьма возможно, что онъ былъ смутнымъ воспоминаніемъ о какой-либо далекой поѣздкѣ, предпринятой въ давнюю пору греками, чтобы добыть себѣ золота. Въ Колхидѣ добывался золотой песокъ.

45. Сказаніе объ Эдипѣ. Когда-то былъ царемъ въ Ѳивахъ (въ Беотіи) Лаій. Оракулъ предсказалъ ему, что онъ будетъ убитъ собственнымъ сыномъ. Поэтому, когда у жены его родился сынъ, Лаій задумалъ погубить его. Съ этою цѣлью онъ велѣлъ проколоть малюткѣ ноги, связать ихъ и поручилъ одному изъ своихъ рабовъ занести его въ пустынное мѣсто. Онъ надѣялся, что ребенокъ умретъ тамъ или отъ голода, или

отъ хищныхъ звѣрей. Но коринѳскіе пастухи нашли ребенка и принесли его къ своему царю. Послѣдній сжалился надъ нимъ, взялъ его къ себѣ во дворецъ, назвалъ Эдипомъ (т. е. пухлоногимъ, такъ какъ у него отъ проколовъ ноги распухли), и воспиталъ его, какъ родного сына. Онъ даже и усыновилъ его. Такимъ образомъ все устроилось какъ нельзя лучше для Лаія. Казалось, что оракулъ ошибся, изрекая свое пророчество. Но нѣсколько лѣтъ спустя обстоятельства измѣнились.

Разъ Эдипъ пировалъ съ товарищами, и кто-то изъ нихъ заронилъ въ его душу сомнѣніе, назвавъ его найденышемъ. До сихъ поръ онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что былъ сыномъ коринѳскаго царя. Волнуемый сомнѣніями, онъ пошелъ къ оракулу и вопросилъ его о своемъ происхожденіи. Отвѣта оракулъ не далъ, но посовѣтовалъ ему не возвращаться въ отечество, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ убьетъ своего отца и женится на своей матери. Ничего не узнавъ о своемъ происхожденіи, все еще считая пріемныхъ родителей за родныхъ, Эдипъ побоялся вернуться въ Коринѳъ, а направилъ свой путь къ Ѳивамъ.

На пути къ этому городу Эдипъ встрѣтился въ одномъ ущельи со старикомъ, ѣхавшимъ на колесницѣ; съ нимъ сидѣлъ возница, а позади колесницы шло нѣсколько рабовъ. Мѣсто было узкое, кому-нибудь изъ встрѣчныхъ приходилось уступить дорогу, но ни Эдипъ, ни старикъ не желали сдѣлать этого. Завязалась ссора, а за нею и драка. Въ запальчивости Эдипъ убилъ старика, возницу и рабовъ, кромѣ одного, который спасся бѣгствомъ. Послѣ этого Эдипъ продолжалъ свой путь какъ ни въ чемъ не бывало. Совѣсть не корила его: онъ не трогалъ старика до тѣхъ поръ, пока тотъ не ударилъ его бичомъ по головѣ, а послѣ такого оскорбленія все помутилось у него въ глазахъ.

Эдипъ пришелъ въ Ѳивы. Жители этого города-государства были въ страшномъ горѣ. Незадолго до этого былъ убитъ ихъ царь во время путешествія какими-то разбойниками. А теперь вблизи города поселилось на одной скалѣ страшное чудовище Сфинксъ, на половину левъ, на половину женщина; крылья у

него были, какъ у птицы, а хвостъ, какъ у змѣи. Каждому прохожему Сфинксъ задавалъ загадки, а кто не отгадывалъ, того онъ губилъ. Страшное горе испытывали бѣдные ѳиванцы. Эдипъ узналъ, что Сфинксъ погибнетъ, какъ только кто нибудь изъ людей разгадаетъ предложенную имъ загадку. Онъ захотѣлъ попытать счастія—разгадать загадку и такимъ образомъ избавить несчастный народъ отъ постоянно грозившей ему бѣды. Эдипъ пришелъ къ Сфинксу, и послѣдній задалъ ему такую загадку: «кто утромъ ходитъ на четырехъ, днемъ на двухъ, а вечеромъ



Эдипъ и Сфинксъ.

на трехъ ногахъ?» Эдипъ сразу сообразилъ, что рѣчь идетъ о человѣкѣ, такъ какъ человѣкъ въ раннемъ дѣтствѣ ползаетъ, выросши начинаетъ пользоваться ногами, а въ старости по необходимости прибѣгаетъ къ палкѣ. Такъ онъ и отвѣтилъ. Загадка была разгадана, а Сфинксъ кинулся внизъ со своего утеса и погибъ.

Восторженно привѣтствовали ѳиванцы своего избавителя. Вдова покойнаго царя, Іокаста, отдала ему свою руку, а ѳиванскіе граждане провозгласили его своимъ царемъ. Счастливые

годы наступили для него. У Эдипа и Іокасты родились дѣти: двое сыновей—Этеоклъ и Полиникъ и двѣ дочери — Антигона и Исмена.

Но вотъ стряслось надъ Ѳивами и страшное несчастіе: появилась заразительная болѣзнь, которая уносила въ могилу такъ много людей, что въ рѣдкой семьѣ не было покойника. Никакія земныя средства не помогали, и люди обратились къ богамъ; ѳиванцы собирались въ храмы, толпились вокругъ жертвенниковъ; всюду слышались молитвенные гимны, курился ѳиміамъ, и проливалась кровь жертвенныхъ животныхъ. Но ни молитвы, ни жертвы не помогали. Тогда Эдипъ послалъ вѣстника въ Дельфы, къ оракулу, чтобы вопросить его о причинѣ бѣдствія и узнать, какое средство можетъ прекратить его. Желанный вѣстникъ вернулся и принесъ съ собою такой отвѣтъ оракула: «пусть ѳиванцы не ждутъ себѣ спасенья, пока не выгонятъ изъ среды своей человѣка, руки котораго запачканы кровью». Эдипъ сказалъ на это вѣстнику: «нетрудно было бы намъ избавиться отъ бѣдствія, если бы мы только знали этого человѣка и то преступленіе, которое совершилъ онъ». Вѣстникъ отвѣчалъ Эдипу, что рѣчь въ отвѣтѣ оракула идетъ о смерти царя Лаія, который погибъ во время своего путешествія. Эдипъ принялся за розыски убійцы, во всѣ стороны разослалъ своихъ вѣстниковъ и грозилъ страшнымъ наказаніемъ всякому, кто укрылъ бы у себя преступника.

И эти розыски, и послѣдовавшая вскорѣ смерть коринѳскаго царя, и ознакомленіе въ обстоятельствами смерти Лаія со словъ единственно уцѣлѣвшаго раба, уяснили Эдипу, что онъ убилъ своего отца и женился на своей матери. Услышавъ объ этомъ, Іокаста покончила свою жизнь самоубійствомъ, а Эдипъ въ страшномъ отчаяніи ослѣпилъ себя. Всѣ родные отвернулись отъ него, всѣ проклинали его. Тогда несчастный Эдипъ удалился въ изгнаніе. Вмѣстѣ съ нимъ пошла и его дочь Антигона, горячо любившая своего отца. Эдипъ кончилъ свою жизнь естественною смертью. Желанная имъ смерть постигла его вблизи Аѳинъ, въ мѣстечкѣ Колонѣ, въ рощѣ эвменидъ, богинь мщенія, которыя, видя его страданія и раскаяніе, вполнѣ примирились съ нимъ.

46. О походѣ противъ Ѳивъ. Проклятіе, лежавшее на Эдипѣ, перешло на его сыновей, Этеокла и Полиника. Они условились между собою занимать ѳиванскій престолъ поочередно, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ уступать власть другому по прошествіи года. Этеоклъ занялъ престолъ первый и такъ полюбилъ власть, что не пожелалъ по прошествіи года передать ее своему брату. Обманутый Полиникъ удалился къ аргосскому царю Адрасту. Онъ женился на дочери царя и просилъ у него помощи противъ Этеокла.



Слѣпой Эдипъ удаляется въ изгнаніе.

Въ походъ противъ Ѳивъ выступили семь вождей со своими дружинами. Главное мѣсто занималъ между ними Полиникъ. Вѣроятно, они и одержали бы побѣду въ открытомъ бою, но Этеоклъ, прослышавъ о походѣ на Ѳивы, заперся въ городѣ и не пожелалъ выйти изъ него. Началась осада. Отважные въ открытыхъ битвахъ, вожди оказались совершенно неспособными къ осадѣ города. Уже много пало храбрыхъ воиновъ съ той и другой стороны. Наконецъ братья порѣшили окончить дѣло единоборствомъ. Были точно опредѣлены и время, и мѣсто поединка. Народъ, много потерпѣвшій отъ вражды братьевъ, со-

брался, чтобы посмотрѣть на ихъ единоборство. Братья яростно бросились другъ на друга, нанесли другъ другу смертельныя раны и оба вмѣстѣ испустили духъ. По обычаю тѣла обоихъ братьевъ положили на погребальный костеръ, чтобы сжечь ихъ. И что же? Даже пламя, охватившее ихъ трупы, раздѣлилось на двѣ части: такъ велика была вражда между ними, что даже самая смерть не укротила ея. Таково одно сказаніе: по другому, какъ увидимъ, дѣло происходило иначе.

Ѳиванскимъ царемъ сдѣлался теперь Креонъ, шуринъ Эдипа. Онъ былъ друженъ съ Этеокломъ и похоронилъ его, совершивъ всѣ обряды, которые предписывались религіей. Тѣло же Полиника онъ запретилъ хоронить, а велѣлъ выбросить его на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Лишеніе погребенія считалось у древнихъ самымъ ужаснымъ наказаніемъ. Если тѣло не погребалось, его душа обрекалась на вѣчныя скитанія и муки (§ 35). Но Креонъ не посмотрѣлъ на это. Всякому, кто попытался бы нарушить его повелѣніе, грозила смертная казнь. Но не испугалась этой угрозы прекрасная Антигона. Она не могла примириться съ мыслію, чтобы тѣло ея злополучнаго брата осталось безъ погребенія. Вотъ почему она прокралась къ тѣлу Полиника и стала совершать надъ нимъ установленные обряды, но сторожъ, приставленный къ тѣлу, схватилъ ее на мѣстѣ преступленія и привелъ къ царю. Напрасно всѣ близкіе къ царю люди умоляли о прощеніи Антигоны, все преступленіе которой заключалось въ преданности религіознымъ обычаямъ. Напрасно умолялъ своего жестокаго отца Гемонъ, женихъ Антигоны. Креонъ приговорилъ ее къ ужасной смерти. Антигону отвели въ пещеру, гдѣ она должна была умереть голодною смертью, и завалили входъ. Грозныя слова ѳиванскаго прорицателя образумили наконецъ Креона. Онъ велѣлъ освободить Антигону, но было уже поздно: она наложила на себя руки, а ея женихъ закололъ себя у трупа своей невѣсты.

Все это, однако, не прекратило войны. Креонъ, осажденный вождями, устраивалъ по временамъ вылазки и сильно вредилъ осаждавшимъ. Наконецъ изъ семи вождей, отправившихся противъ Ѳивъ, остался въ живыхъ одинъ только Адрастъ.

Потерявъ своихъ товарищей, онъ обратился въ бѣгство и притомъ съ такою поспѣшностью, что даже не сжегъ труповъ павшихъ и не совершилъ обычнаго жертвоприношенія по нимъ. Ѳиванцы праздновали побѣду.

Но у вождей остались сыновья, которые и явились мстителями за своихъ отцовъ. Сыновья эти извѣстны подъ именемъ Эпигоновъ. На этотъ разъ потерпѣли пораженіе ѳиванцы. На ѳиванскомъ престолѣ утвердился сынъ Полиника, но ѳиванцы не имѣли ни въ чемъ счастія, пока управляли ими потомки Эдипа.

Въ миѳахъ о царѣ Эдипѣ отразился взглядъ грековъ на судьбу. Эдипу суждено было сдѣлаться невольнымъ преступникомъ. Несмотря на принятыя мѣры, которыми Лаій думалъ предотвратить неизбѣжное, оно все-таки осуществилось. Проклятіе судьбы, тяготѣвшее надъ тѣмъ или другимъ лицомъ, продолжало, какъ думали греки, тяготѣть и надъ его потомствомъ.

Миѳы о Троянской войнѣ.

47. Свадьба Пелея и споръ богинь. Одинъ изъ греческихъ царей, Пелей, праздновалъ свою свадьбу съ морскою богиней, Ѳетидой. На свадебный пиръ были приглашены всѣ боги и богини, кромѣ Эриды, богини раздора. Опасались, что она можетъ возбудить какую-либо ссору и тѣмъ омрачить общее веселье. Но оскорбленная Эрида рѣшила отомстить за невниманіе къ ней. Въ разгарѣ пира боговъ она пріотворила дверь залы и вкатила въ нее золотое яблоко, на которомъ было написано всего одно слово «прекраснѣйшей», но и его было достаточно для начала раздора. Отсюда и произошло такъ часто употребляемое въ разговорахъ выраженіе «яблоко раздора». Увидѣли богини яблоко, прочитали надпись и стали спорить между собою о томъ, кто изъ нихъ красивѣе всѣхъ прочихъ. Наибольшее право имѣли на яблоко три главныя богини — Гера, Аѳина и Афродита (§ 36). Остальныя богини не могли тягаться съ ними. Чтобы разрѣшить свой споръ, онѣ обратились къ Зевсу, но Зевсъ, не желавшій ссориться ни съ одною изъ нихъ, призвалъ Гермеса и велѣлъ ему проводить богинь къ царевичу Парису. Парисъ былъ сыномъ

царя Трои, Пріама, а Троей назывался городъ-государство, расположенный въ сѣверо-западной части Малой Азіи. Нравы въ ту пору были простые, и царевичъ пасъ стада своего отца на горѣ Идѣ. Богини въ одно мгновеніе пронеслись, въ сопровожденіи Гермеса, черезъ Эгейское море и предстали передъ Парисомъ, славившимся своею красотой. Каждая изъ богинь старалась привлечь его на свою сторону какимъ-либо обѣщаніемъ. Гера обѣщала ему могущество и славу, Аѳина обѣщала его сдѣлать мудрѣйшимъ изъ людей, Афродита поклялась доставить ему красивѣйшую женщину на землѣ. Парисъ отдалъ яблоко Афродитѣ. Афродита была довольна приговоромъ, но двѣ ея соперницы были раздражены имъ. Съ этой минуты онѣ стали злѣйшими врагами Трои.

Какъ разъ въ это время въ одномъ изъ греческихъ государствъ, Спартѣ, гдѣ царствовалъ Менелай, свирѣпствовалъ голодъ. Люди умирали на дорогахъ, воины утратили свое мужество, охотники были не въ состояніи преслѣдовать своей добычи. Обращались нѣсколько разъ въ Дельфы, но пиѳія давала темные, непонятные отвѣты. Наконецъ она высказалась ясно: голодъ прекратится только тогда, когда спартанцы перевезутъ къ себѣ изъ Трои кости сыновей Прометея[1]). Царь Менелай поѣхалъ въ Трою. Здѣсь онъ познакомился съ прекраснымъ царевичемъ Парисомъ и пригласилъ его къ себѣ. Парисъ посѣтилъ Спарту и, увидѣвъ жену Менелая, Елену Прекрасную, полюбилъ ее. Она и была самою красивою женщиною на землѣ. Афродита помогла Парису. Воспользовавшись отсутствіемъ Менелая изъ дому, Парисъ безъ труда уговорилъ Елену покинуть своего мужа. Потихоньку покинули они Спарту и, переѣхавъ на кораблѣ Эгейское море, поселились во дворцѣ царя Пріама. Но съ Парисомъ произошла съ тѣхъ поръ сильная перемѣна. Въ немъ нельзя было узнать прежняго бойца. Онъ проводилъ все время, лежа на шелко-

[1]) Прометей былъ сыномъ одного изъ титановъ, которые были могучи до установленія верховной власти Зевса и прочихъ Олимпійцевъ. Прометей оказалъ великое благодѣяніе людямъ, похитивъ съ неба огонь и принеся его на землю. Зевесъ жестоко наказалъ Прометея. По его повелѣнію, Прометей былъ прикованъ къ Кавказской скалѣ. Сюда ежедневно прилеталъ орелъ и выклевывалъ у Прометея печень, которая снова отрастала за ночь.

выхъ коврахъ: его копье и щитъ висѣли на стѣнѣ безъ всякаго употребленія. Онъ безпрестанно пилъ вино и высшимъ наслажденіемъ его стало слушать голосъ Елены. Эта лѣность, это неразумное препровожденіе жизни не нравилось и самой Еленѣ. Сумрачно она сидѣла вблизи Париса, вспоминала свой дворецъ въ Спартѣ, своего добраго мужа Менелая и думала о томъ, какъ глубоко оскорбила его.

Между тѣмъ оскорбленъ былъ не только одинъ Менелай, но и всѣ греки. Они рѣшили смыть нанесенный имъ позоръ войною и разрушеніемъ Троянскаго царства. Менелай и его братъ Агамемнонъ стали собирать войска, чтобы идти подъ Трою. Такимъ образомъ вражда, зажженная богиней Эридой, не потухла, но разгоралась все съ большею и большею силой.

48. **Греки въ Авлидѣ и подъ Троей.** Союзное греческое войско собралось въ Беотіи, въ гавани Авлидѣ. Главнымъ предводителемъ его былъ Агамемнонъ, могущественнѣйшій изъ греческихъ царей. Изъ прочихъ вождей особенно отличались: престарѣлый Несторъ, братья Аяксы, храбрый и хитрый Одиссей, быстроногій Ахиллъ и его другъ Патроклъ и др. Греческіе вожди рѣшили направиться изъ Авлиды черезъ Эгейское море къ области Троадѣ, въ которой была расположена Троя. Всѣ стремились отправиться поскорѣе въ путь, но сдѣлать это было невозможно, такъ какъ наступило полное безвѣтріе. Прошли недѣли, прошли мѣсяцы, а греческое войско оставалось осужденнымъ на томительное бездѣйствіе. Тогда Агамемнонъ призвалъ къ себѣ мудраго прорицателя Калхаса и спросилъ у него о причинѣ такого несчастія. Калхасъ объявилъ, что богиня Артемида разгнѣвалась на царя Агамемнона за то, что онъ убилъ лань, жившую въ посвященномъ ей лѣсу. Этимъ гнѣвомъ богини Калхасъ и объяснялъ безвѣтріе: богиня заперла всѣ вѣтры въ пещеру Эола. Богиню возможно было—по словамъ Калхаса—умилостивить, но для этого необходимо принести ей въ жертву дочь Агамемнона, Ифигенію. Тяжело было слышать это отцу, но долгъ повелѣлъ ему исполнить требованіе богини. Всѣ сокрушались, но никто и не подумалъ отказаться отъ предпріятія: такъ сильно говорило въ грекахъ чувство мести.

Послали за Ифигеніей, оставленной дома, и привезли ее въ греческій лагерь. Все было приготовлено для жертвоприношенія. Жертву принесли и возложили на алтарь. Жрецъ уже занесъ надъ нею ножъ, чтобы заколоть ее, но богиня Артемида сжалилась надъ дѣвушкой, ни въ чемъ неповинной, окутала ее облакомъ и чудеснымъ образомъ замѣнила ее ланью, которая и была принесена въ жертву вмѣсто нея. Ифигенію же Артемида перенесла на полуостровъ Тавриду (въ Крымъ), гдѣ и поставила ее главною жрицей своего храма, построеннаго на берегу Чернаго моря.



Жертвоприношеніе Ифигеніи.

Слова Калхаса исполнились: гнѣвъ Артемиды утихъ, подулъ западный вѣтеръ, и греческіе корабли поплыли къ Троадѣ.

Когда греки прибыли въ Троаду, то увидѣли передъ собою прекрасно укрѣпленный городъ. Попытка взять его приступомъ не удалась. Тогда они рѣшили осаждать его. Они вытащили свои корабли на берегъ и расположились станомъ между нимъ и стѣнами Трои. Вскорѣ у осаждающихъ перевелись всѣ съѣстные припасы. Для того, чтобы этихъ припасовъ было всегда въ достаточномъ количествѣ, греки разбились на отряды, а послѣдніе принялись грабить какъ по прибрежью, такъ и на

островахъ, расположенныхъ недалеко отъ берега. Станъ грековъ состоялъ изъ деревянныхъ хижинъ, покрытыхъ дерномъ и тростникомъ. Наступательнымъ оружіемъ у грековъ были копья, мечи, дротики, луки и пращи; оборонительнымъ — шлемы, брони и набедренники, сдѣланные изъ мѣди, а также щиты; послѣдніе дѣлались обыкновенно изъ дерева, которое обтягивалось воловьей кожей, а иногда обивалось мѣдными листами. Сражались не цѣлыми толпами, но каждый воинъ



Греческій воинъ.

бился со своимъ противникомъ. Вожди сражались на боевыхъ колесницахъ, запряженныхъ однимъ или двумя конями, а простые воины пѣшими: конницы еще не было. Осада Трои продолжалась цѣлыхъ 10 лѣтъ. Мы знаемъ мало сказаній о первыхъ десяти годахъ ея, но зато о послѣднемъ годѣ сохранилось много разсказовъ въ двухъ поэтическихъ произведеніяхъ древнихъ грековъ — Иліадѣ и Одиссеѣ. Авторомъ этихъ поэмъ греки считали слѣпого пѣвца Гомера.

Вотъ что разсказываетъ Гомеръ о единоборствѣ Менелая съ Парисомъ, обиженнаго съ обидчикомъ. Парисъ выступилъ впередъ изъ рядовъ троянскаго войска и сталъ вызывать изъ среды грековъ желающихъ вступить съ нимъ въ единоборство. На его плечахъ была накинута шкура барса; при немъ были лукъ и мечъ, а въ рукахъ онъ держалъ два копья. Лишь только завидѣлъ его Менелай, какъ сейчасъ же спрыгнулъ со своей боевой колесницы, чтобы ринуться въ бой съ ненавистнымъ похитителемъ Елены. Одинъ видъ вооруженнаго Менелая привелъ Париса въ трепетъ, и онъ быстро отступилъ, думая скрыться за рядами своихъ воиновъ. Но братъ его Гекторъ обратился къ нему съ рѣчью, полною укоровъ. Эта рѣчь сообщила Парису мужество, и онъ рѣшился биться съ Менелаемъ; онъ даже самъ предложилъ, чтобы побѣдителю досталась Елена и ея сокровища. Такъ какъ этимъ поединкомъ предводители обѣихъ сторонъ согласились покончить войну, всѣ воины, утомленные ею, были въ восторгѣ. Гекторъ и Одиссей отмѣрили мѣсто, на которомъ долженъ былъ происходить поединокъ, затѣмъ взяли шлемъ и положили въ него два жребія, чтобы узнать, кому изъ бойцовъ придется первому бросить копье въ своего соперника. И Парисъ, и Менелай стояли въ это время другъ противъ друга, оба покрытые бронею, со шлемами на головахъ и длинными копьями въ рукахъ. Жребій далъ первенство Парису. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили обѣ рати за ходомъ борьбы. Парисъ бросилъ свое копье въ Менелая, но остріе его, ударившись о мѣдную обшивку Менелаева щита, притупилось, и копье отскочило. Тогда Менелай обратился къ Зевсу съ горячей молитвой, прося помочь ему умертвить обидчика, чтобы и въ дальнемъ потомствѣ никто не осмѣлился болѣе дѣлать зло тому, кто приметъ его дружелюбно, какъ гостя. Затѣмъ, размахнувшись, онъ кинулъ въ Париса свое копье. Оно пробило щитъ его соперника, пробило его панцырь и даже разорвало хитонъ [1]) Париса. Не

[1]) Хитономъ называлась у грековъ нижняя одежда, соотвѣтствующая нашей рубашкѣ. Надѣвался онъ чрезъ голову, какъ и у насъ надѣвается рубашка. Части хитона, прилегающія къ бокамъ и бедрамъ, или сшивались, или одна изъ нихъ, правая, оставалась несшитой, чтобы дать большую сво-

давъ опомниться своему противнику, который спасся отъ смерти только тѣмъ, что во-время отшатнулся назадъ. Менелай кинулся на него съ мечомъ и ударилъ имъ Париса по шлему. Отъ сильнаго удара мечъ сломался на нѣсколько частей. Тогда Менелай схватилъ противника за шлемъ, привязанный ремнемъ къ подбородку и потащилъ такимъ образомъ своего врага въ сторону греческаго войска. Парису приходилось плохо, такъ какъ ремень совершенно затянулъ его шею, но Афродита сжалилась надъ своимъ любимцемъ и порвала ремень. Въ рукахъ Менелая остался только шлемъ. Богиня же окутала Париса облакомъ и перенесла своего любимца во дворецъ Пріама. Никто изъ присутствующихъ не видѣлъ совершившагося, никто не могъ указать, куда дѣлся Парисъ. И напрасно метался по лагерю и искалъ своего врага Менелай.

Такъ какъ побѣдителемъ, по мнѣнію грековъ, остался Менелай, то царь Агамемнонъ потребовалъ у троянцевъ выдачи Елены и ея сокровищъ. Все греческое войско одобрило его требованіе. Но троянцы смотрѣли на дѣло иначе. Они думали, что Парисъ, хранимый богами, вовсе не побѣжденъ, и не исполнили условія, заключеннаго съ греками передъ единоборствомъ. Война продолжалась. Продолженію ея и радовались, и помогали непосредственнымъ участіемъ богини Гера и Аѳина, крѣпко держа сторону грековъ.

49. Ахиллъ и единоборство его съ Гекторомъ. Самымъ сильнымъ вождемъ у грековъ былъ Ахиллъ, сынъ Пелея и Өетиды. Враги страшно боялись его, такъ какъ никто изъ нихъ не оставался въ живыхъ, когда его настигало копье Ахилла. Онъ одинъ разорилъ 23 города въ области Троадѣ. Благодаря именно ему, греки стали брать перевѣсъ надъ троянцами. Но на десятомъ году войны между Ахилломъ и Агамемнономъ произошелъ разладъ. Поссорились они при дѣлежѣ добычи. Такъ какъ Агамемномъ не желалъ уступить Ахиллу, послѣдній

боду правой рукѣ. Для скрѣпленія концовъ матеріи, гдѣ это было нужно, употребляли пуговицы или запонки. Иногда хитоны были совершенно подобіемъ нашихъ рубашекъ, именно тогда, когда они снабжались рукавами. Только рукава эти были очень короткими. Длина хитоновъ бывала различная, но обыкновенно они доходили до колѣнъ.

отказался участвовать въ битвахъ. Кругомъ него лилась кровь, и раздавались побѣдные крики, а онъ спокойно лежалъ въ своей палаткѣ, забавляясь игрою на струнномъ инструментѣ, или сидѣлъ задумчиво на берегу волнующагося моря. Пользуясь бездѣйствіемъ Ахилла, троянцы стали одерживать верхъ надъ греками. Виновникомъ этого былъ Гекторъ, сынъ Пріама. Нѣжно простившись со своею женою Андромахой, помолившись богамъ о своемъ маленькомъ сынѣ [1]), онъ съ необычайнымъ увлеченіемъ отдался войнѣ. Съ нимъ вышелъ на поле битвы и Парисъ. Скоро троянцы стѣснили грековъ настолько что Агамемнонъ уже помышлялъ о бѣгствѣ. Оскорбленный Ахиллъ не тронулся несчастіями грековъ, но побѣды троянцевъ вывели изъ терпѣнія Геру. Ея положеніе было тѣмъ болѣе тяжелымъ, что самъ Зевсъ и Фебъ-Аполлонъ покровительствовали Гектору. Руководимые Гекторомъ троянцы проникли въ самый лагерь грековъ, разрушили лагерную стѣну, засыпали ихъ ровъ, а самихъ грековъ прогнали до моря и даже пытались сжечь ихъ корабли. Ахиллъ видѣлъ все это, но не хотѣлъ помочь своимъ. Гера негодовала, но не могла помочь грекамъ.

Въ эту печальную для грековъ пору и выступилъ на поле битвы другъ Ахилла, Патроклъ, не принимавшій участія въ борьбѣ съ тѣхъ поръ, какъ устранился отъ нея Ахиллъ. Патроклъ изобразилъ своему другу отчаянное положеніе греческаго войска и сталъ просить его, чтобы онъ отпустилъ его сражаться съ троянцами, если уже самъ, по своему жестокосердію, не желаетъ дѣлать этого. «Дай мнѣ — говорилъ Патроклъ Ахиллу—надѣть на себя и доспѣхи твои дорогіе». Патроклъ думалъ, что троянцы примутъ его въ этихъ доспѣхахъ за самого Ахилла, испугаются и отступятъ. Ахиллъ согласился и далъ другу не только свои доспѣхи, но и свой отрядъ. Такъ какъ въ эту минуту троянцы зажгли греческіе корабли, то Ахиллъ, опасаясь потери всѣхъ кораблей, сталъ торопить своего друга, но самъ, однако, оставался вѣрнымъ себѣ. Патроклу удалось заставить троянцевъ отступить отъ кораблей, но не удалось вернуться съ поля битвы. Гекторъ убилъ его.

[1]) Прекрасная сцена прощанія изображена въ VI-ой пѣснѣ Иліады.

Смерть дорогого друга вывела Ахилла изъ бездѣйствія. Его скорби не было границъ. Онъ схватилъ горсть пепла и осыпалъ имъ свою голову и лицо, кинулся на землю и рвалъ на себѣ волосы. Цѣлую ночь проплакалъ онъ надъ трупомъ Патрокла. Между порывами своего горя Ахиллъ обратился съ молитвой къ своей матери, богинѣ Ѳетидѣ. Гекторъ завладѣлъ его доспѣхами, снявъ ихъ съ трупа Патрокла, и вотъ Ахиллъ просилъ мать дать ему новые доспѣхи. Ѳетида немедленно отправилась къ жилищу бога Гефеста. Самъ Гефестъ былъ занятъ въ это время работою въ своей кузницѣ. Когда онъ услышалъ, что къ нему явилась Ѳетида, то очень обрадовался, прибралъ свои мѣха и снаряды, вытеръ губкою лицо и руки, принарядился и вышелъ, прихрамывая, на встрѣчу богинѣ. Узнавъ, что заставило ее прибыть къ нему, онъ охотно согласился исполнить ея просьбу и выковалъ для Ахилла великолѣпные доспѣхи—щитъ, шлемъ, панцырь и поножи. Особенно хорошъ былъ щитъ: весь онъ былъ искусно покрытъ различными изображеніями.

Ахиллъ выступилъ на поле битвы. Завидя его издали, страшнаго и блистающаго новымъ вооруженіемъ, Гекторъ палъ духомъ. Раньше онъ укорялъ въ трусости Париса, испугавшагося Менелая, а теперь самъ потерялъ всякое присутствіе духа и побѣжалъ. Ахиллъ бросился за нимъ, какъ соколъ за голубемъ. Четыре раза они обѣжали такимъ образомъ стѣны города Трои.

Всѣ понимали, что предстоитъ рѣшительное дѣло. Со стѣнъ Трои смотрѣлъ на бѣгущихъ царь Пріамъ со своими приближенными, съ высотъ Олимпа смотрѣли на нихъ безсмертные боги. Самъ Зевсъ страшно заинтересовался вопросомъ, кто одержитъ верхъ—Гекторъ или Ахиллъ. Не зная рѣшенія судьбы, онъ сталъ испытывать его: взялъ въ руки золотые вѣсы и положилъ на нихъ два жребія; одинъ былъ жребіемъ Гектора, другой—Ахилла. Когда Зевсъ поднялъ вѣсы за середину, опустилась чашка, на которой лежалъ жребій Гектора. Рѣшеніе судьбы было ясно: умереть долженъ Гекторъ. Такъ какъ сами боги не могли бороться противъ судьбы, Аполлонъ, помогавшій до тѣхъ поръ Гектору, отошелъ отъ него. Зато около

Ахилла появилась Аѳина-Паллада и принялась дѣятельно помогать ему. Склонившись къ любимцу, она посовѣтовала ему отдохнуть, сама же обѣщалась внушить Гектору мысль начать единоборство. Ахиллъ оперся на свой щитъ и сталъ дожидаться. Аѳина приняла на себя тѣмъ временемъ видъ младшаго сына Пріамова, Деифоба, и стала подстрекать Гектора къ борьбѣ. «Нападемъ вмѣстѣ», говорилъ мнимый Деифобъ Гектору. Вселивъ мужество въ заробѣвшаго Гектора, богиня перешла на сторону Ахилла.

Гекторъ обратился къ Ахиллу съ такими словами: „Я не стану болѣе бѣжать отъ тебя: сердце внушаетъ мнѣ биться съ тобою, убью ли я тебя или паду самъ. Но передъ боемъ поклянемся вѣчными богами: если Зевсъ доставитъ побѣду мнѣ, я не стану наносить тебѣ безчестья и возвращу трупъ твой сподвижникамъ твоимъ, снявъ только съ него доспѣхи. Клянись, что и ты поступишь такъ же со мною“. На эту рѣчь послѣдовалъ отказъ.

Ахиллъ началъ первый и бросилъ свое копье въ Гектора. Послѣдній припалъ на одно колѣно, копье пролетѣло мимо и вонзилось въ землю. Аѳина вытащила копье и незамѣтно для Гектора передала его Ахиллу. Тогда Гекторъ метнулъ свой дротикъ въ Ахилла и попалъ въ самую середину щита, но щитъ, сработанный Гефестомъ, выдержалъ ударъ, и дротикъ отскочилъ отъ него: Не было у Гектора другого метательнаго оружія; онъ оглянулся назадъ, изумленный тѣмъ, что Деифобъ не помогаетъ ему, но Деифоба не было. Гекторъ сразу понялъ, что его обманула Аѳина. Онъ уже не думалъ о побѣдѣ, но о томъ, чтобы пасть съ честью. Съ мечомъ въ рукѣ кинулся онъ на Ахилла, но въ то же мгновеніе и Ахиллъ бросился на него и вонзилъ свое копье въ переднюю часть шеи Гектора такъ глубоко, что остріе копья вышло у затылка. Несчастный упалъ и, умирая, молилъ Ахилла не подвергать его тѣло поруганію, но отдать его родителямъ.

Когда Гекторъ умеръ, Ахиллъ снялъ съ него вооруженіе, прокололъ ему обѣ ноги между лодыжкой и пяткою, продѣлъ въ отверстіе ремень и, крѣпко привязавъ его сзади своей колесницы, погналъ своихъ лошадей по направленію къ кораблямъ.

50. Похороны Патрокла. Пріамъ у Ахилла. Вечеромъ того же дня, въ который палъ Гекторъ, Ахиллъ устроилъ тризну по Патроклѣ. Было заколото множество быковъ, овецъ и свиней;

кровь лилась въ такомъ изобиліи, что можно было черпать ее кубками. Утромъ слѣдующаго дня воины Ахилла срубили множество деревьевъ и сложили изъ нихъ на берегу рѣки громадный костеръ. Затѣмъ они срѣзали себѣ волосы и покидали ихъ на костеръ. Самъ Ахиллъ срѣзалъ прядь своихъ волосъ и положилъ ее въ руку своего мертваго друга. Жиръ убитыхъ животныхъ былъ положенъ на трупъ, самыя же туши ихъ расположены вокругъ костра. На тотъ же костеръ были поставлены кувшины съ медомъ и масломъ. Затѣмъ Ахиллъ убилъ и возложилъ на костеръ коней и собакъ покойнаго, а также



Ахиллъ влечетъ за колесницей трупъ Гектора.

и 12 убитыхъ имъ съ этой цѣлью троянскихъ юношей. Послѣ этого подожгли костеръ, который горѣлъ въ продолженіе цѣлой ночи. Пока онъ горѣлъ, Ахиллъ лилъ на землю вино, обращаясь съ воззваніями къ душѣ Патрокла. Только съ восходомъ солнца онъ отошелъ отъ костра и легъ спать. Но сонъ его скоро былъ потревоженъ. Пришли греческіе вожди и принялись, по просьбѣ Ахилла, заливать костеръ виномъ. Когда онъ потухъ, они собрали кости Патрокла, сложили ихъ въ золотую урну и закопали ее въ курганѣ, который былъ насыпанъ на пепелищѣ погребальнаго костра. Когда всѣ погребальные обряды были совершены, Ахиллъ устроилъ игры,

чѣмъ и окончились всѣ заботы его объ упокоеніи души горячо любимаго друга.

Въ то же время трупъ Гектора валялся въ полѣ, какъ падаль. Ахиллъ обволокъ его три раза вокругъ свѣжей могилы и потомъ пересталъ думать о немъ. Но трупъ не разлагался: Аполлонъ сдѣлалъ все, чтобы предохранить его отъ разрушенія.

Оставить трупъ Гектора непогребеннымъ не могли тѣ люди, которымъ былъ близокъ покойникъ. Престарѣлый Пріамъ приказалъ заложить въ колесницу коней и, пользуясь ночною темнотой, покровительствуемый богомъ Гермесомъ, пріѣхалъ въ греческій станъ и остановился у самой палатки Ахилла. Послѣдній уже спалъ. Пріамъ подошелъ къ нему, разбудилъ его, обнялъ его колѣни и цѣловалъ его руки, убившія Гектора и нѣсколькихъ братьевъ его. Очевидно, онъ былъ готовъ на всякія жертвы, лишь бы только удалось успокоить душу Гектора, предавъ его тѣло погребенію. Пріамъ напомнилъ Ахиллу объ его престарѣломъ отцѣ: можетъ быть, его тѣснятъ теперь враждебные сосѣди, но все же у него есть надежда, опорою ему служитъ милый сынъ. Затѣмъ онъ изобразилъ ему все свое безпомощное положеніе. «Я пришелъ сюда—говорилъ онъ—къ кораблямъ, чтобы выкупить у тебя моего Гектора и привезъ несмѣтныя деньги. Побойся боговъ, Ахиллъ, сжалься надо мною. Пришлось мнѣ вытерпѣть то, чего не претерпѣвалъ ни одинъ человѣкъ: я прижимаю къ губамъ руку человѣка, умертвившаго моихъ дѣтей». Вспомнивъ о своемъ престарѣломъ отцѣ, Ахиллъ согласился выдать Пріаму трупъ Гектора, но не отказался, однако, отъ выкупа за него. По распоряженію Ахилла, тѣло Гектора было омыто, умащено и обернуто въ одежды. Самъ Ахиллъ положилъ трупъ убитаго на приготовленное для него ложе. Но, поступая такъ, онъ вспомнилъ о Патроклѣ и сказалъ, какъ бы обращаясь къ его душѣ: «Не гнѣвайся и не ревнуй, Патроклъ, если узнаешь въ преисподней, что я возвратилъ трупъ Гектора его отцу. Онъ привезъ мнѣ достойный выкупъ, останется отъ него доля и для тебя!» Ахиллъ передалъ Пріаму трупъ Гектора и обѣщалъ не нападать на троянцевъ въ теченіе девяти дней, чтобы дать имъ возможность достойно похоронить дорогое для нихъ тѣло.

51. Паденіе Трои. Прошло десять лѣтъ, а Троя все-таки не была взята: настолько были неискусны греки въ осадѣ городовъ. Не дождавшись окончанія войны, погибъ и самъ непобѣдимый Ахиллъ. Убить его было трудно, такъ какъ онъ былъ неуязвимъ для оружія. Причина этого заключалась въ томъ, что его мать купала его въ дѣтствѣ въ рѣкѣ Стиксѣ, протекавшей въ подземномъ мірѣ. Но, купая его въ водахъ Стикса, она держала его за ногу, и такимъ образомъ уязвимой для оружія осталась только пятка. Она была его слабымъ мѣстомъ, тѣмъ мѣстомъ, которому возможно было нанести смертельное



Пріамъ у ногъ Ахилла.

пораненіе. Вотъ почему и теперь, желая указать какую-либо слабость человѣка, и не только физическую, но и нравственную, называютъ ее обыкновенно Ахилловой пятой. Въ единственное слабое мѣсто Ахилла попала стрѣла, пущенная «женоподобнымъ», какъ назвалъ его Гекторъ, Парисомъ, и мужественнаго Ахилла не стало. Но и самъ Парисъ вскорѣ погибъ.

Будучи не въ силахъ взять Трои оружіемъ, греки прибѣгли къ хитрости. Ихъ выручилъ хитроумный Одиссей, выдвинувшійся на первый планъ послѣ смерти знаменитѣйшихъ греческихъ вождей. Онъ посовѣтовалъ своимъ соорудить деревяннаго коня огромной величины. Живо греки принялись за работу: нарубили высокихъ елей на лѣсистыхъ склонахъ горы

Иды, а искусный Эпеосъ сдѣлалъ изъ еловыхъ стволовъ задуманнаго коня. Сначала были сдѣланы ноги, за ними и туловище; къ головѣ придѣлали заостренныя уши, въ лобъ вставили блестящіе стеклянные глаза, а шею и хвостъ въ изобиліи снабдили волосами. Одному Эпеосу безъ божественной помощи врядъ ли бы удалось сдѣлать этого коня и притомъ въ необычайно короткій срокъ—всего только въ три дня. Но ему помогала сама богиня Аѳина, такъ много трудившаяся въ пользу грековъ. Внутренность коня была совсѣмъ пустая. Туда-то и забрались храбрѣйшіе изъ греческихъ героевъ, и между ними были Менелай и Одиссей. Послѣ этого остальные греки сожгли свои палатки, сѣли на корабли и уѣхали на расположенный неподалеку островъ Тенедосъ, гдѣ и высадились.

Наступило утро. Жители Трои, привыкшіе въ теченіе десяти лѣтъ къ одному и тому же зрѣлищу, открывавшемуся съ ихъ высокихъ стѣнъ, были крайне изумлены тѣмъ, что увидали теперь. Передъ ними былъ дымящійся лагерь, въ которомъ не было видно ни одной живой души. На рейдѣ не виднѣлось обычныхъ кораблей. Весело высыпавъ изъ города на равнину, они увидали чудовищнаго коня.

Пошли толки и пересуды; всякій подавалъ свое мнѣніе: кто говорилъ, что коня слѣдуетъ сжечь тутъ же, гдѣ онъ стоитъ; кто предлагалъ разломать его; кто, напротивъ, совѣтовалъ втащить его въ городъ и поставить тамъ на вершинѣ акрополя. Какъ разъ въ это самое время прибылъ на мѣсто всѣхъ этихъ споровъ Лаокоонъ, бывшій у троянцевъ жрецомъ Аполлонова храма. Онъ, еще приближаясь къ своимъ, кричалъ имъ: «несчастные! что за безуміе овладѣло вами? Неужели вы вѣрите, что греки и въ самомъ дѣлѣ уплыли домой на корабляхъ, и что даръ ихъ не скрываетъ какого-либо обмана? Развѣ вы не знаете Одиссея? Или въ этомъ конѣ скрывается какая-нибудь опасность для насъ, или же онъ представляетъ собою военную машину, которую враги наши, укрывшись гдѣ-нибудь недалеко и выжидая удобнаго случая, думаютъ ввести въ нашъ городъ».

Не довольствуясь этимъ увѣщаніемъ, Лаокоонъ стукнулъ копьемъ по животу коня, и слышно было, что онъ пустой, и даже что-то звякнуло внутри его. Но не послушались троянцы

совѣтовъ умнаго и, вѣроятно, вдохновленнаго Аполлономъ жреца. Къ тому же со стороны послышались крики: кричали троянскіе пастухи, которымъ удалось захватить въ плѣнъ одного изъ грековъ. Они нашли его скрывающимся въ прибрежныхъ тростникахъ. Этой находкѣ всѣ обрадовались и сразу забыли о Лаокоонѣ и его увѣщаніи. «Зачѣмъ построена эта лошадь? что означаетъ?»—вотъ вопросъ, разрѣшенія котораго ждали отъ блѣднаго и трепещущаго плѣнника. Но это былъ мнимый плѣнникъ. Онъ только превосходно игралъ свою роль, а цѣлью его было—устроить дѣло такъ, чтобы трояны втащили коня въ свой городъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и сговорился со своими. Долго отказывался онъ дать требуемый отвѣтъ и даже плакалъ, увѣряя, что не можетъ открыть тайны. Своимъ образомъ дѣйствій онъ, конечно, еще болѣе раззадорилъ любопытство троянцевъ. Когда же наступила удобная минута, хитрецъ сказалъ слѣдующее: «Ну слушайте-же. Греки плывутъ домой. Коня этого они выстроили по совѣту жреца, чтобы совершить благополучное плаванье. Они поставили коня въ даръ богинѣ-покровительницѣ вашего города. А такъ какъ было пророчество, что конь этотъ, втащенный въ вашъ городъ, принесетъ вамъ необыкновенное счастіе и сдѣлаетъ городъ вашъ повелителемъ всѣхъ другихъ городовъ, то и выстроили его въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, чтобы вы не могли втащить его въ свой городъ». Сказаннаго Синономъ (такъ звали хитраго грека) было достаточно для троянцевъ. Они порѣшили сейчасъ-же втащить коня въ городъ. Придѣлали къ лошади колеса, навязали на нее веревокъ и принялись тащить даръ богинѣ въ посвященный ей городъ. И старый, и малый работали изо всѣхъ силъ, и громадный конь все ближе и ближе придвигался къ воротамъ. Такъ какъ онъ былъ больше воротъ, усердно поломали часть стѣны. Можно представить себѣ, какъ были веселы герои, сидѣвшіе въ конѣ! Наконецъ коня втащили въ городъ и установили его передъ храмомъ богини. День закончился веселымъ пиромъ, на которомъ было выпито много вина.

И настала ночь. Все было тихо на улицахъ спящаго города. Синонъ подошелъ къ лошади, открылъ дверцу, искусно устроенную въ ея животѣ, и оттуда стали вылѣзать другъ за другомъ

отважные герои. Они пошли по пустыннымъ улицамъ къ городскимъ воротамъ, перебили сторожей, которые спали крѣпкимъ сномъ, и отперли ворота своимъ. А тѣ уже давно вернулись на своихъ корабляхъ съ Тенедоса, высадились на троянскій берегъ и жадно ждали, когда ворота откроются передъ ними. Шумно ворвались они въ городъ; Синонъ бѣгалъ изъ стороны въ сторону съ факеломъ въ рукѣ, поджигая жилища троянцевъ; въ разныхъ мѣстахъ начались отчаянныя схватки. Пріамъ укрылся съ женою и дѣтьми во внутреннихъ покояхъ дворца. Съ горячими мольбами приникли несчастные къ алтарю своихъ домашнихъ боговъ. Но враги проникли и въ этотъ мирный уголокъ и никого не пощадили. Только жена царя, Гекуба, царскія дочери и невѣстки были изяты въ плѣнъ и подѣлены, какъ добыча, между побѣдителями. Менелай отыскалъ спрятавшуюся со страху Елену и хотѣлъ, было, умертвить ее, но тутъ пришла на помощь Афродита: Елена засіяла вдругъ такою ослѣпительною красотой, что мечъ выпалъ изъ рукъ грознаго мужа. Они примирились, но отъ прекраснаго еще недавно города остались однѣ развалины.

52. Одиссей у киклоповъ. Десять лѣтъ послѣ паденія Трои скитался Одиссей и много чудеснаго, много ужаснаго испыталъ за это время. Въ прекрасной греческой поэмѣ «Одиссеѣ» увлекательно разсказано все то, что онъ испыталъ. Поэму эту греки приписывали тому же Гомеру, котораго считали творцомъ Иліады [1]).

Товарищи Одиссея давно вернулись къ роднымъ очагамъ и наслаждались покоемъ послѣ тяжелой и продолжительной войны. Только Агамемнонъ испыталъ печальную участь. Радостно спѣшилъ онъ въ свой Аргосъ на свиданіе съ женою, но коварная жена безжалостно погубила его. Жена Одиссея, вѣрная Пенелопа, упорно ждала своего мужа, но мужъ ея носился по морямъ, далеко отъ своей родной Итаки. Онъ испыталъ столько всякихъ приключеній, что нелегко и пере-

[1]) Иліада оканчивается разсказомъ о погребеніи Гектора и тризнѣ, которую троянцы устроили въ честь своего героя. Разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ заимствуется изъ другихъ источниковъ и преимущественно изъ поэмы римскаго поэта Вергилія, извѣстной подъ именемъ „Энеиды“.

сказать ихъ. Вотъ почему мы познакомимся только съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Разъ Одиссей и его спутники прибыли въ страну, гдѣ жили одноглазые великаны киклопы (по другому произношенію, циклопы). Страна была прекрасна. Безъ всякихъ стараній со стороны обитателей она давала имъ и рожь, и пшеницу, и ячмень, и длинный виноградъ. Пастбища были тучныя, а по нимъ свободно бродили стада тонкорунныхъ овецъ и барановъ. Людей здѣсь никогда не бывало, а жили одни киклопы. Они были такіе огромные, что скорѣе походили на вершины лѣсистыхъ горъ, чѣмъ на живыя существа. Жили они въ одиночку, въ пещерахъ, не признавали ни боговъ, ни законовъ.

Приставъ къ одному изъ островковъ, на которыхъ жили эти чудовища, Одиссей и его 12 спутниковъ пошли бродить по острову. Скоро они пришли къ пещерѣ, густо обвитой лаврами, а вокругъ нея росли высокія сосны и развѣсистые дубы. Въ ней никого не было, и греки стали съ любопытствомъ осматривать ее: кругомъ стояли корзины съ сыромъ, чаны и сосуды для молока, въ стойлахъ были загнаны ягнята и козлята. Греки расположились здѣсь, какъ у себя дома: развели огонь и стали угощаться чужимъ сыромъ. Но вотъ пришелъ страшный хозяинъ, Полифемъ, сынъ бога Посейдона, и бросилъ на землю огромную вязанку дровъ, притащенную имъ въ пещеру. Отъ этого раздался такой стукъ, что перепуганные греки попрятались по угламъ пещеры. Загнавъ стада козъ и овецъ въ пещеру, Полифемъ завалилъ входъ въ нее скалою, подоилъ свое стадо, подкрѣпился парнымъ молокомъ и разложилъ огонь. Тутъ только замѣтилъ онъ грековъ и страшнымъ голосомъ спросилъ у нихъ, кто они такіе. Одиссей оправился раньше другихъ, выступилъ впередъ и обратился къ Полифему съ рѣчью, въ которой объяснялъ ему, кто они такіе, откуда и куда плывутъ, какъ сбились съ дороги и попали на островъ, и какъ ждутъ теперь дружелюбнаго пріема и подарковъ. При этомъ Одиссей напомнилъ Полифему о Зевсѣ, всевышнемъ вождѣ и заступникѣ странниковъ. Раздраженный смѣлостью Одиссея, Полифемъ сказалъ ему, что киклопамъ нѣтъ никакой нужды ни въ богѣ Зевсѣ, ни въ прочихъ безсмертныхъ богахъ, что порода киклоповъ болѣе знаменита.

чѣмъ порода боговъ, что онъ, Полифемъ, никого не боится и поступитъ съ греками такъ, какъ ему самому заблагоразсудится. Послѣднія слова свои онъ объяснилъ и дѣломъ: схватилъ двоихъ изъ спутниковъ Одиссея, разбилъ ихъ о землю, какъ щенятъ, и съѣлъ ихъ вмѣстѣ съ косточками, а потомъ завалился спать. Одиссей хотѣлъ, было, вонзить свой острый мечъ въ единственный глазъ чудовища, но сейчасъ же сообразилъ, что даже всѣмъ имъ не отвалить скалы, закрывавшей выходъ изъ пещеры, а потому отложилъ свое намѣреніе до болѣе благопріятнаго случая. На утро Полифемъ съѣлъ еще двоихъ изъ спутниковъ Одиссея, отвалилъ скалу отъ входа, выгналъ стадо, снова задвинулъ входъ скалою, какъ колчанъ крышкою, и удалился на пастбище.

У Одиссея созрѣлъ между тѣмъ, съ помощью богини Аѳины, планъ спасенья. Въ пещерѣ лежала длинная и толстая дубина Полифема, сдѣланная изъ масличнаго дерева. Онъ велѣлъ своимъ спутникамъ заострить ея конецъ, обжечь его, а затѣмъ припрятать ее такъ, чтобы она не была замѣчена Полифемомъ. Одиссей задумалъ выколоть этой дубиной единственный глазъ чудовища и выбралъ съ этою цѣлью четырехъ изъ своихъ товарищей.

Наступилъ вечеръ. Полифемъ вернулся и сдѣлалъ все то, что дѣлалъ наканунѣ. Очевидно, человѣческое мясо очень понравилось ему, потому что онъ съѣлъ еще двоихъ изъ спутниковъ несчастнаго героя. Тогда Одиссей подошелъ къ ложившемуся спать киклопу и подалъ ему чашу великолѣпнаго вина. Полифемъ выпилъ и попросилъ вторую, выпилъ вторую и попросилъ третью. Вино ему страшно понравилось. Онъ спросилъ Одиссея, какъ зовутъ его, и обѣщалъ дать ему подарокъ. Хитрый Одиссей отвѣчалъ, что имя его очень короткое, что зовутъ его Никто. «Ну, Никто мой любезный, — отвѣчалъ ему Полифемъ,—я съѣмъ тебя послѣднимъ, вотъ мой подарокъ». Сейчасъ же, повалившись отъ дѣйствія крѣпкаго вина на землю, онъ уснулъ. Одиссей вытащилъ съ товарищами дубину и держалъ ее на огнѣ до тѣхъ поръ, пока острый конецъ ея не превратился въ раскаленный уголь. Тогда греки привели свое намѣреніе въ исполненіе. Страшно заревѣлъ отъ боли ослѣпленный Полифемъ и сталъ звать къ себѣ на помощь другихъ

киклоповъ. Тѣ сбѣжались къ скалѣ, закрывавшей входъ въ пещеру, и стали спрашивать у своего пріятеля, отчего онъ такъ страшно реветъ, кто обидѣлъ его? Полифемъ ревѣлъ имъ въ отвѣтъ: «Никто, Никто!» Не поняли этого отвѣта киклопы, подумали, что товарищъ ихъ сошелъ съ ума, и разошлись по своимъ пещерамъ.

Полифемъ отвалилъ скалу отъ входа въ пещеру, сѣлъ у самаго входа и сталъ выгонять своихъ животныхъ, но при этомъ ощупывалъ спины ихъ, боясь какъ бы не выѣхали на нихъ его гости. Одиссей, видя это, связалъ по три барана, у которыхъ была самая густая шерсть, а подъ среднимъ изъ нихъ подвязалъ по одному изъ своихъ спутниковъ. Для себя же онъ выбралъ самаго сильнаго барана и повисъ подъ нимъ, вцѣпившись пальцами въ его замѣчательно густую шерсть. Такъ и удалось ему ускользнуть отъ неминуемой бѣды вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими товарищами. Онъ отвязалъ ихъ, и всѣ они весело направились къ кораблямъ и туда же погнали Полифемово стадо барановъ. Такъ какъ Одиссей, немного отъѣхавъ отъ берега, не отказалъ себѣ въ удовольствіи поговорить съ Полифемомъ и посмѣяться надъ нимъ, Полифемъ сталъ швырять огромные камни въ ту сторону, откуда долеталъ до него голосъ Одиссея. Но богиня Аѳина отвращала ихъ отъ корабля Одиссея. Зато отецъ Полифема, Посейдонъ, преслѣдовалъ Одиссея въ теченіе десяти лѣтъ.

53. Одиссей въ аду. Скилла и Харибда. Изъ другихъ приключеній Одиссея особенно интересно пребываніе его въ преисподней. Разсказъ объ этомъ событіи интересенъ въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о тѣхъ представленіяхъ, какія имѣли греки о загробномъ мірѣ.

Чтобы проникнуть въ преисподнюю, Одиссею пришлось плыть далеко по морю въ страну, гдѣ нѣтъ солнца, за океанъ, обтекающій кругомъ земли. Прибывъ наконецъ къ цѣли своего путешествія, греки вышли изъ корабля и вытащили его на прибрежный песокъ. Затѣмъ они захватили съ собою барана и овцу и направились къ тому мѣсту, которое указала Одиссею волшебница Ц и р ц е я. Поручивъ двумъ своимъ спутникамъ смотрѣть за животными, Одиссей выкопалъ мечомъ квадратную

яму и сталъ совершать въ нее возліяніе мертвымъ. Первое изъ нихъ онъ сдѣлалъ смѣсью молока съ медомъ, второе—виномъ, а послѣднее водою. Въ промежуткахъ онъ сыпалъ въ яму ячменную муку. Сообразуясь съ совѣтами Цирцеи, онъ произнесъ обѣтъ, по возращеніи на островъ Итаку, принести въ жертву тѣнямъ умершихъ телку, прорицателю Тирезію — чернаго барана, лучшаго во всемъ стадѣ. Произнеся обѣтъ, онъ зарѣзалъ надъ ямой барана и овцу въ жертву подземнымъ богамъ. Какъ только полилась въ яму кровь, слетѣли къ ней толпою души умершихъ. Ихъ привлекъ къ себѣ запахъ свѣжей крови, и онѣ готовы были кинуться къ ямѣ. Одиссей, извлекши свой мечъ, заставилъ ихъ отступить, чтобы дать возможность первому испить крови Тирезію, ради котораго онъ прибылъ сюда. Но вотъ явился и прорицатель Тирезій. Онъ вопросилъ Одиссея о причинѣ, которая привела его въ безотрадное мѣсто, и просилъ его не препятствовать ему напиться крови, такъ какъ только въ такомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи пророчить. Напившись крови, Тирезій сказалъ Одиссею, что онъ будетъ на Итакѣ, если только обуздаетъ и себя, и своихъ спутниковъ. Въ то же время онъ указалъ Одиссею, чего именно не слѣдуетъ дѣлать во избѣжаніе непоправимыхъ бѣдствій. По окончаніи рѣчи Тирезія Одиссей просилъ его объяснить, какимъ образомъ можно заставить тѣни умершихъ узнавать живыхъ людей и говорить съ ними. Дѣло въ томъ, что онъ видитъ тѣнь своей матери, но та какъ будто и не замѣчаетъ его. Тирезій объяснилъ, что необходимо для этого дать имъ напиться крови.

Когда Тирезій скрылся, къ ямѣ съ кровью приблизилась тѣнь Одиссеевой матери и, напившись крови, узнала своего сына и вступила съ нимъ въ бесѣду. Такъ какъ она жила на Итакѣ уже послѣ отъѣзда своего сына въ Троянскую войну, она повѣдала ему объ его домочадцахъ. Она сказала сыну, что его вѣрная жена Пенелопа ждетъ его возвращенія, что царскій санъ не переданъ народомъ никому другому, что его сынъ, Т е л е м а х ъ, владѣетъ его состояніемъ, что престарѣлый отецъ Одиссея томится и ждетъ возвращенія милаго сына, что сама она (А н т и к л е я) умерла отъ тоски по немъ. Разсказъ этотъ

тронулъ Одиссея. Три раза пытался онъ обнять тѣнь своей матери, и три раза скользила она между его руками. Одиссея поразило это явленіе, и онъ спросилъ у матери о причинѣ его. Мать отвѣчала ему: «когда смертный разстается съ жизнью, а тѣло и кости его дѣлаются добычею пламени, душа улетаетъ, какъ воздушный призракъ сна».

Разставшись съ матерью, Одиссей увидѣлъ и узналъ многихъ героевъ и героинь, бесѣдовалъ съ Агамемнономъ и Ахилломъ. Ахиллъ жаловался Одиссею на то призрачное существованіе, которое суждено вести человѣку въ подземномъ мірѣ, въ царствѣ Аида и Персефоны, жены его. Сравнивая преисподнюю съ міромъ живыхъ людей, освѣщаемыхъ радостнымъ свѣтомъ солнца, Ахиллъ сказалъ, что предпочелъ бы быть наемникомъ у какого-нибудь бѣдняка поселянина на землѣ, чѣмъ царствовать надъ всѣми тѣнями преисподней.

Одиссею хотѣлось повидать въ преисподней и древнихъ героевъ, какъ напримѣръ, Тезея. Но души, слетѣвшись къ нему безчисленными толпами, подняли такой шумъ, что Одиссей пришелъ въ неописуемый ужасъ и поспѣшилъ покинуть безотрадное царство Аида.

Заѣхавъ еще разъ на островъ волшебницы Цирцеи, чтобы похоронить тамъ трупъ одного изъ товарищей, Одиссей поплылъ далѣе. Ему предстояло проѣхать очень опасное мѣсто на морѣ, то мѣсто, гдѣ были Скилла (или Сцилла) и Харибда. Спутники Одиссея, заслышавъ издали глухой ревъ пучины Харибды, со страха выронили изъ рукъ весла. Харибда изображена въ Одиссеѣ страшнымъ чудовищемъ, обитавшимъ подъ низкимъ утесомъ. Три раза въ сутки Харибда поглощала морскую воду и три раза извергала ее назадъ. Харибда была столь страшнымъ чудовищемъ, отъ котораго, по словамъ Цирцеи, не спасся бы и самъ Посейдонъ. Но Одиссей узналъ отъ волшебницы, что насупротивъ Харибды обитало въ глубокой пещерѣ другое чудовище — Скилла. У Скиллы, по описанію Цирцеи, было 12 ногъ, 6 змѣиныхъ шей и столько же отвратительныхъ головъ съ тремя рядами зубовъ. Никогда не проходилъ мимо нея ни одинъ корабль, не лишившись своихъ лучшихъ гребцовъ. Цирцея рекомендовала Одиссею держать

свой корабль ближе къ Скиллѣ, такъ какъ лучше лишиться шестерыхъ спутниковъ, чѣмъ потерять ихъ всѣхъ.

Вотъ почему Одиссей сталъ ободрять своихъ спутниковъ, когда, напуганные страшнымъ ревомъ Харибды, они выронили изъ рукъ весла. Онъ велѣлъ имъ держаться подальше отъ пучины и поближе къ скалѣ. О Скиллѣ же онъ не сказалъ имъ ни слова, чтобы окончательно не обезсилить ихъ. Такимъ образомъ корабль Одиссея въѣхалъ въ узкій проливъ, расположенный между двумя чудовищами. Глаза всѣхъ были устремлены на Харибду. Этимъ воспользовалась Скилла и проглотила шестерыхъ спутниковъ Одиссея. Напрасно въ безсильной борьбѣ со Скиллой молили несчастные о помощи. Одиссей былъ принужденъ только смотрѣть на то, какъ пожирало ихъ чудовище. Этою жертвой онъ спасся отъ страшной участи, которая грозила его кораблю и всему экипажу его отъ Харибды.

Вскорѣ послѣ этого надъ несчастными разразилась ужасная буря. Она сопровождалась грозою. Молнія ударила прямо въ корабль; гребцы попадали въ море и утонули. На кораблѣ остался одинъ Одиссей. Но вотъ случилась новая бѣда: корабль распался на части. Тогда Одиссей связалъ кое-какъ мачту съ килемъ, устроилъ себѣ подобіе плота и носился на немъ по разъяренному морю. Въ довершеніе всего вѣтеръ перемѣнился и повлекъ злополучнаго странника прямо къ Харибдѣ. Какъ разъ въ это время она поглощала воду. Къ своему счастію, Одиссей замѣтилъ росшую въ расщелинѣ утеса смоковницу, ловко схватился за нее руками, взлѣзъ на ея верхушку и сталъ ожидать. Харибда поглотила его самодѣльный плотъ, но, по прошествіи нѣкотораго времени, снова выбросила его. Одиссей спрыгнулъ на плотъ и понесся на немъ по свирѣпымъ волнамъ, и на этотъ разъ избѣгнувъ неумолимой Харибды. Его выбросило на островъ нимфы Калипсо.

И до сихъ поръ употребляется выраженіе «попасть между Сциллой и Харибдой». Такъ говорятъ про человѣка, которому въ одно время угрожаютъ двѣ бѣды, если, избѣгая одной, человѣкъ рискуетъ испытать другую.

54. Что происходило на островѣ Итакѣ? Въ то время, какъ Одиссей испытывалъ самыя разнообразныя приключенія

и подвергался страшнымъ бѣдствіямъ, на Итакѣ происходило слѣдующее. Такъ какъ Одиссея не было дома уже около двадцати лѣтъ, то совершенно естественно составилось мнѣніе, что онъ погибъ. Не думала такъ вѣрная Пенелопа и, проливая горькія слезы, продолжала надѣяться на его возвращеніе. Между тѣмъ къ ней сваталось болѣе ста жениховъ. Ежедневно являлись они въ домъ Одиссея и хозяйничали здѣсь, нисколько не стѣсняясь ни Пенелопы, ни ея молодого сына. Они, какъ господа, распоряжались рабами и рабынями, рѣзали скотъ Одиссея на свои пиры и опустошали его погреба, гдѣ хранились прекрасныя вина. Старикъ Лаэртъ, отецъ Одиссея, удалился изъ дворца, поселился въ полномъ уединеніи и жилъ въ ужасной нищетѣ. Сына, Телемаха, женихи ни во что не ставили. Когда назойливость ихъ достигла высшей степени, Пенелопа прибѣгла къ хитрости. Она заявила женихамъ, что выберетъ себѣ въ мужья достойнѣйшаго изъ нихъ, но лишь послѣ того, какъ окончитъ начатую ею ткань, погребальное покрывало для Лаэрта. Но каждую ночь она распускала часть ткани, сработанной ею за день. Нѣкоторое время ея хитрость оставалась тайною, но одна изъ служанокъ разболтала женихамъ тайну, и положеніе Пенелопы сдѣлалось послѣ этого еще болѣе тяжелымъ.

Но надъ домомъ Одиссея все же бодрствовала богиня Аѳина. Пользуясь отсутствіемъ Посейдона, который беспощадно преслѣдовалъ Одиссея, она обратилась въ присутствіи другихъ боговъ къ Зевсу. Она выставила ему на видъ то обстоятельство, что Одиссей, пребывая въ Троадѣ, постоянно чтилъ его и приносилъ ему жертвы. «Ужель не войдетъ состраданіе въ сердце твое, Олимпіецъ?» — вотъ, о чемъ просила она Зевса. Зевсъ отвѣчалъ ей, что онъ не забылъ Одиссея, такъ какъ забыть человѣка, подобнаго ему, невозможно. Онъ, Зевсъ, и готовъ бы былъ помочь Одиссею, но какъ сдѣлать это, когда до сихъ поръ не можетъ успокоиться богъ Посейдонъ? Выслушавъ слова Зевса, Аѳина попросила его отправить бога Гермеса на островъ О г и г і ю, къ нимфѣ Калипсо, которая удерживаетъ героя у себя, и приказать ей отпустить Одиссея, такъ какъ наступилъ срокъ возвращенія его на родину. Сама же Аѳина задумала посѣтить Итаку, повидаться тамъ съ Телемахомъ и

посовѣтовать ему созвать народное собраніе и запретить буйнымъ женихамъ посѣщать домъ Одиссея. Вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшила послать Телемаха въ Спарту и Пилосъ, чтобы разузнать тамъ, что можно, о своемъ отцѣ. Какъ задумала богиня, такъ и поступила. Зевсъ не препятствовалъ ей. По внушенію Аѳины, Телемахъ созвалъ народное собраніе.

Когда народъ собрался, Телемахъ явился къ нему съ мѣднымъ копьемъ въ рукѣ. Народъ уже отвыкъ отъ собраній, такъ какъ граждане не созывались съ тѣхъ поръ, какъ Одиссей уѣхалъ въ походъ подъ Трою. Вотъ почему одинъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи старцевъ задалъ вопросъ о томъ, кто созвалъ народъ. Тогда всталъ Телемахъ, взялъ въ руки скипетръ, поданный глашатаемъ, и объявилъ, что собраніе созвано имъ, что побудила его къ этому поступку не государственная, а своя собственная нужда. Объяснивъ причину, побудившую его обратиться къ народному собранію, онъ изобразилъ поведеніе жениховъ и всѣ его тяжелыя послѣдствія. Онъ насилу докончилъ свою рѣчь, бросилъ свой скипетръ на землю и заплакалъ. Народъ почувствовалъ невольное состраданіе къ несчастному положенію молодого человѣка. Нѣкоторое время всѣ сидѣли молча. Затѣмъ всталъ съ своего мѣста одинъ изъ жениховъ и заявилъ Телемаху, что причиной разоренія Одиссеева дома слѣдуетъ считать не жениховъ, а Пенелопу. Уже четвертый годъ—продолжалъ онъ—Пенелопа играетъ женихами, даетъ обѣщанья и всѣмъ, и каждому порознь, но сама и не думаетъ исполнять ихъ. Разсказавъ присутствующимъ исторію съ тканью, ораторъ потребовалъ отъ Телемаха, чтобы онъ заставилъ свою мать выйти замужъ за одного изъ нихъ; пока же она не сдѣлаетъ этого, домъ Одиссея будетъ попрежнему подвергаться разоренію. Телемахъ возразилъ на это, что у него не хватитъ духа обратиться къ матери съ подобною рѣчью, что подобный поступокъ съ родною матерью можетъ возбудить противъ него совершенно справедливое порицаніе людей и гнѣвъ боговъ. Въ концѣ своей рѣчи Телемахъ просилъ жениховъ прекратить свое безцеремонное отношеніе къ чужому добру и пригрозилъ имъ гнѣвомъ Зевса, который не оставитъ, конечно, неотомщенными ихъ дурные поступки. Лишь только Телемахъ пересталъ гово-

рить, надъ собраніемъ появились два орла, посланные Зевсомъ. Сперва они летѣли рядомъ, широко распустивши огромныя крылья. Нѣкоторое время орлы покружились надъ собраніемъ, потомъ стали сцѣпляться, перецарапывая другъ другу груди и шеи и улетѣли прочь. Всѣ смотрѣли на птицъ въ изумленіи, каждый невольно провожалъ ихъ глазами и думалъ, что появленіе орловъ несомнѣнно что-нибудь предвѣщаетъ. Тогда поднялся со своего мѣста старецъ-гадатель и, обратившись къ согражданамъ, сказалъ: «Бѣда виситъ надъ женихами; Одиссей живъ и находится гдѣ-нибудь по близости, готовя имъ смерть и погибель. Я предсказывалъ уже давно, что Одиссей вернется домой въ исходѣ двадцатаго года; теперь мое предсказаніе исполняется». Слова старого прорицателя не подѣйствовали на жениховъ. Одинъ изъ нихъ даже поглумился надъ нимъ и высказалъ предположеніе, что онъ надѣется получить отъ Телемаха какой-нибудь подарокъ. Послѣ этого онъ обратился къ Телемаху съ тѣмъ же требованіемъ, съ какимъ другой женихъ обратился къ нему въ самомъ началѣ собранія. Тогда Телемахъ сталъ просить народъ, чтобы онъ снарядилъ ему прочный корабль съ двадцатью гребцами, такъ какъ онъ хочетъ ѣхать въ Спарту и Пилосъ на развѣдки объ отцѣ. «Если — продолжалъ Телемахъ — я узнаю, что мой отецъ живъ, я буду ждать его возвращенія еще одинъ годъ, терпѣливо перенося притѣсненія со стороны жениховъ; если же мнѣ придется услышать, что Одиссей погибъ, я вернусь немедленно домой, насыплю покойному въ память погребальный холмъ и совершу тризну, какъ требуетъ этого обычай, а затѣмъ склоню Пенелопу къ замужеству». Другу Одиссея, Ментору, оставленному имъ управителемъ дома, казалось, что еще не все потеряно, разореніе можно остановить: стоитъ только гражданамъ Итаки покинуть свое постыдное равнодушіе и умѣрить буйство жениховъ. Третій изъ жениховъ отвѣчалъ Ментору, что женихи не побоятся ни гражданъ, ни самого Одиссея, если бы удалось ему вернуться на родину, чего, конечно, никогда не будетъ; въ заключеніе онъ выразилъ сомнѣніе, чтобы Телемаху удалось совершить свое путешествіе вполнѣ благополучно. Граждане разошлись по своимъ домамъ, а женихи направились въ домъ Одиссея.

Вотъ что происходило на Итакѣ въ то время, когда странствованіямъ Одиссея приближался конецъ.

55. Одиссей у феакійцевъ. Когда нимфа Калипсо услышала отъ Гермеса о приказаніи Зевса, она отпустила Одиссея, сильно тосковавшаго на ея островѣ по другому острову—родной Итакѣ — и близкимъ ему людямъ, жившимъ на немъ. По совѣту нимфы Одиссей нарубилъ бревенъ и устроилъ себѣ плотъ съ мачтою и парусомъ. Нимфа снабдила Одиссея съѣст-



Навзикая.

ными припасами и платьями и даже послала ему въ дорогу попутный вѣтеръ. Цѣлыхъ семнадцать дней Одиссей плылъ вполнѣ благополучно, но на восемнадцатый день его посѣтила новая бѣда. Какъ разъ возвращался въ это время изъ далекаго путешествія—изъ страны эѳіоповъ — богъ Посейдонъ. Только пользуясь его отсутствіемъ, и могла богиня Аѳина привести въ исполненіе свой планъ, касающійся Одиссея. Увидалъ Посейдонъ Одиссея, уже приближавшагося къ землѣ, и запылалъ страшнымъ гнѣвомъ. Лишь только онъ ударилъ по морю своимъ трезубцемъ, заходили волны, задули противные вѣтры,

черныя тучи обложили все небо. Придя въ ужасъ, Одиссей сталъ сожалѣть, что не погибъ со славою подъ стѣнами Трои: его пугала смерть въ пучинѣ не сама по себѣ, а тѣмъ, что была безславной. Волны залили плотъ, мачта сломалась. Одиссея сбросило въ море. Но ему удалось ухватиться за свой плотъ. Положеніе героя было отчаяннымъ. Къ счастію, надъ нимъ сжалилась морская богиня Левкотея. Она велѣла ему бросить свои одежды, покинуть плотъ и ввѣриться волнамъ. Въ то же время она дала ему чудесное покрывало, благодаря которому онъ не могъ утонуть, но потребовала отъ него, чтобы, коснувшись рукою берега, онъ немедленно кинулъ это покрывало въ море.

Все кончилось благополучно. Одиссей вышелъ на берегъ въ устьѣ рѣки. Онъ былъ совершенно измученъ и упалъ на землю, но, вспомнивъ о приказаніи богини, снялъ съ себя чудесное покрывало и бросилъ его въ море. Затѣмъ, отойдя отъ рѣчного устья, онъ выбралъ прекрасное мѣсто на холмѣ, подъ двумя оливковыми деревьями, сплетшими свои вѣтки, легъ на опавшіе листья, зарылся въ нихъ и уснулъ. Въ глубокій, благотворный сонъ погрузила его богиня Аѳина.

Послѣ этого Аѳина проникла въ спальню царской дочери Навзикаи, тихо стала у самаго ея изголовья и внушила ей мысль выпросить у отца колесницу и муловъ, собрать всѣ свои одежды и покровы, чтобы выстирать ихъ. Такъ Навзикая и поступила.

Направилась она со своими рабынями въ то мѣсто, гдѣ безмятежно спалъ Одиссей. Выстиравъ одежды и выкупавшись, царевна стала играть со своими рабынями въ мячъ. Брошенный царевною мячъ упалъ въ море, всѣ дѣвушки закричали, и крикъ ихъ разбудилъ Одиссея. Проснувшійся Одиссей обратился къ Навзикаѣ съ просьбою о гостепріимствѣ. Навзикая пожалѣла бѣднаго странника и велѣла своимъ служанкамъ дать ему пищи, вина и приличную одежду. Когда все бѣлье было уложено въ короба, короба поставлены на колесницу, Навзикая отправилась со своими рабынями домой. Желая представить неизвѣстнаго ей странника своимъ родителямъ, она посовѣтовала ему отправиться по прошествіи нѣкотораго

времени также въ городъ и отыскать тамъ дворецъ ея отца Алкиноя.

Путеводительницей Одиссея по незнакомому ему городу была богиня Аѳина. Она довела его до самыхъ палатъ царя Алкиноя. У самаго входа во дворецъ стояли по сторонамъ двѣ собаки: одна изъ нихъ была сдѣлана изъ золота, а другая изъ серебра: сработалъ ихъ самъ богъ Гефестъ. Вдоль стѣнъ залы шли лавки богатой работы: на нихъ лежали покрывала, вытканныя рабынями. На высокихъ пьедесталахъ стояли золотыя изваянія отроковъ со свѣтильниками въ рукахъ. Къ просторному дворцу Алкиноя примыкалъ прекрасный садъ, со всѣхъ сторонъ обнесенный высокою оградой. Въ немъ росли маслины, смоковницы, яблони, грушевыя и гранатовыя деревья. Часть сада была отведена подъ виноградникъ. Вдоль стѣны были расположены гряды съ овощами всякаго рода. Въ саду были два источника: одинъ бѣжалъ свѣтлою струею по саду, другой билъ у порога царскаго жилища: сюда приходили за водою жители города.

Вдоволь налюбовавшись дворцомъ и садомъ царя Алкиноя, Одиссей рѣшился наконецъ переступить порогъ его жилища. Скрытый туманомъ, которымъ окружила его богиня Аѳина, онъ прошелъ никѣмъ незримый въ пиршественную палату, въ которой сидѣли феакійскіе старѣйшины. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ были самъ Алкиной и его жена царица Арета. Лишь только Одиссей обнялъ колѣна Ареты, туманъ, закрывавшій его, разсѣялся. Одиссей обратился къ царицѣ съ горячею просьбой о томъ, чтобы она и царь приняли его, какъ гостя, и помогли ему вернуться на родину. Послѣ этого онъ подошелъ къ огню, горѣвшему въ очагѣ, и усѣлся на его пеплѣ. Скоро царь Алкиной подошелъ къ нему, поднялъ его съ пепла и усадилъ рядомъ съ собою на роскошномъ креслѣ, на которомъ сидѣлъ раньше царскій сынъ. Тогда одна изъ рабынь поднесла Одиссею золотой рукомойникъ, полный студеной воды. Когда Одиссей вымылъ свои руки, къ нему пододвинули столъ съ пищею и угостили его виномъ. Такъ какъ было уже поздно, Алкиной пригласилъ феакійскихъ старѣйшинъ разойтись по домамъ, но просилъ ихъ пожаловать къ

нему на слѣдующій день, чтобы пировать съ правителями, помолиться вмѣстѣ съ ними безсмертнымъ богамъ и помочь ему вернуться на родину.

На слѣдующее утро Алкиной провелъ своего гостя на городскую площадь. Скоро прибѣжали туда и феакійскіе граждане. Царь Алкиной обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой говорилъ о необходимости помочь невѣдомому страннику, спустить на воду еще никогда не ходившій по морю корабль и снабдить его 52-мя молодыми гребцами. Затѣмъ царь пригласилъ въ свой дворецъ всѣхъ старѣйшихъ феакійскихъ, позвалъ туда же и гребцовъ, и пѣвца Демодока. Гребцы спустили сначала на море легкій корабль, установили на немъ мачты, устроили всѣ снасти и просунули въ ремённыя петли длинныя весла и только тогда пошли во дворецъ. Дворецъ былъ уже полонъ, и скоро начался пиръ. Слѣпой пѣвецъ Демодокъ сѣлъ передъ гостями на серебряномъ стулѣ, прислонившись спиною къ высокой колоннѣ. Лира пѣвца была повѣшена на гвоздѣ надъ его головою. Когда всѣ утолили свой голодъ, Демодокъ снялъ съ гвоздя свою лиру и запѣлъ вдохновенно о храбромъ Ахиллѣ, о мудромъ царѣ Одиссеѣ. Растроганный Одиссей не могъ слушать спокойно касавшуюся лично его пѣснь Демодока и закрывалъ во время пѣнія свою голову мантіей, чтобы скрыть отъ людей невольныя слезы. Но слезы Одиссея замѣтилъ царь Алкиной и понялъ ихъ причину.

По окончаніи пѣнія Алкиной пригласилъ своихъ гостей принять участіе въ играхъ. Сперва бѣгали вперегонки, потомъ боролись, прыгали и метали диски. Когда всѣ уже достаточно утомились, одинъ изъ сыновей Алкиноя подошелъ къ Одиссею, все еще не сказавшему своего имени, и пригласилъ его показать свое искусство. Одиссей сперва, было, отказался, ссылаясь на свое горе. Но когда одинъ изъ юношей позволилъ себѣ посмѣяться надъ нимъ, предположивъ, что странникъ прежде былъ просто купецъ, думавшій только о барышахъ, Одиссей нахмурился. Онъ схватилъ огромный камень и ловко швырнулъ его гораздо дальше всѣхъ дисковъ. И всѣ невольно изумлялись его страшной силѣ и поразительной ловкости. На вызовъ Одиссея потягаться съ нимъ въ томъ или другомъ видѣ игры не от-

звался никто. Начались пляски, происходившія подъ веселую пѣснь пѣвца Демодока. Одиссей былъ изумленъ легкостью и граціей танцующихъ.

Одиссей открылъ свое имя только за вечерней трапезой и надолго занялъ вниманіе присутствующихъ своими разсказами. Затѣмъ, щедро одаренный царемъ, царицей и феакійцами, онъ, сѣлъ на корабль и отплылъ ночью отъ острова гостепріимныхъ феакійцевъ.

56. Возвращеніе Одиссея на родину. Во все время переѣзда съ острова феакійцевъ на островъ Итаку Одиссей спалъ. Рано утромъ пристали феакійцы къ берегу Итаки. Осторожно вынесли они Одиссея на родной берегъ, положили его на подушки подъ маслиной, вынесли изъ корабля всѣ подарки и сложили ихъ немного въ сторонѣ, чтобы кто-нибудь не похитилъ ихъ у спавшаго героя. Покончивъ все, они пустились въ обратный путь.

Проснувшись, Одиссей сначала не узналъ своей родины: давно онъ не видалъ ея, да и богиня Аѳина покрыла всю мѣстность туманомъ, чтобы никто не узналъ Одиссея, не узналъ объ его прибытіи, пока онъ не совершитъ своего мщенія надъ женихами. Одиссей уже началъ, было, сомнѣваться въ добросовѣстности феакійцевъ. Но скоро богиня Аѳина явилась передъ нимъ въ образѣ молодого пастуха и объявила ему, что онъ находится наконецъ на своей родинѣ. Она велѣла ему спрятать въ темномъ гротѣ привезенныя съ собою сокровища и пойти прежде всего въ жилище пастуха Эвмея, наиболѣе преданнаго ему изъ слугъ. Чтобы никто изъ посторонних не могъ узнать Одиссея, она превратила его въ дряхлаго и жалкаго нищаго, облекла его тѣло въ рубище и дала ему нищенскую суму. Сама же богиня полетѣла въ Спарту, чтобы вызвать оттуда Телемаха, отправившагося собирать извѣстія объ отцѣ.

Возвратившись тайкомъ, Телемахъ пошелъ прежде всего къ вѣрному Эвмею. Одиссей былъ уже здѣсь. Онъ обнадежилъ Эвмея въ скоромъ возвращеніи Одиссея, но не открылся ему. Когда же Эвмей побѣжалъ къ Пенелопѣ, чтобы сообщить ей радостную вѣсть о возвращеніи Телемаха, Одиссей, оставшись наединѣ со своимъ сыномъ, открылся ему. Чтобы сынъ могъ

узнать своего отца. Аѳина прикоснулась къ послѣднему своимъ жезломъ, и тогда Одиссей предсталъ передъ Телемакомъ во всей своей мужественной красотѣ и силѣ. Онъ разсказалъ сыну свой планъ мести: заявилъ, что явится къ женихамъ въ видѣ дряхлаго нищаго и будетъ сносить до удобной минуты всѣ оскорбленія ихъ; Телемаху же велѣлъ скрывать свои чувства, никому—даже матери—не раскрывать тайны, а, между тѣмъ, потихоньку выносить изъ дворцовой залы находящееся въ ней оружіе.



Одиссей у Эвмея.

Все было исполнено согласно съ планомъ Одиссея. Когда онъ подходилъ къ своему жилищу, его узнала когда-то прекрасная, а теперь старая и заброшенная собака. Ласково встрѣтила она своего хозяина, хотѣла подойти къ нему, но тутъ же и умерла передъ его глазами. Эта вѣрность животнаго тронула Одиссея, и онъ съ трудомъ удержалъ слезы, выступившія на его глазахъ. Придя въ свой дворецъ, онъ вынесъ въ этотъ день немало оскорбленій отъ пировавшихъ тамъ жениховъ. Когда же они покинули дворецъ съ наступленіемъ вечера, Пе-

нелопа, услыхавшая отъ вѣрнаго Эвмея кое-что интересное для себя о нищемъ, вступила съ нимъ въ бесѣду и стала разспрашивать у него объ Одиссеѣ. Одиссей назвался вымышленнымъ именемъ, вселилъ въ сердце ея отрадную надежду на близкое возвращеніе мужа, но не открылся ей. Служанка, мывшая Одиссею ноги, признала своего господина по шраму на ногѣ, но Одиссей строго приказалъ ей хранить молчаніе.

Слѣдующій день былъ днемъ кровавой расправы. По своему обыкновенію, женихи наполнили покои Одиссеева дворца и стали бражничать. Они и не подозрѣвали своей близкой погибели. Между тѣмъ Аоина внушила Пенелопѣ мысль предложить женихамъ особаго рода состязаніе. Состязаніе должно было состоять въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ Одиссеева лука.

Пенелопа отправилась къ кладовой, въ которой хранился этотъ лукъ, дорогая память объ Одиссеѣ. Войдя въ кладовую, она поднялась на цыпочки и сняла съ гвоздя висѣвшій на немъ лукъ. Онъ былъ обернутъ блестящимъ чехломъ. Царица сѣла, вынула изъ чехла лукъ и, положивъ его къ себѣ на колѣни, зарыдала. Долго проплакавъ, не понимая, что съ предстоящаго состязанія начнется дѣло ея спасенія, она пришла съ лукомъ въ рукахъ въ собраніе жениховъ. Кромѣ лука она принесла съ собою и колчанъ, наполненный стрѣлами. Слѣдомъ за нею пришли рабыни и притащили съ собою ящикъ съ мѣдными и желѣзными вещами.

Войдя въ чертогъ, гдѣ пировали буйные женихи, Пенелопа остановилась у столба, поддерживавшаго потолокъ, прикрыла свои щеки головнымъ покрываломъ и предложила женихамъ состязаніе. Она заявила имъ, что отдастъ свою руку тому, кто сможетъ согнуть Одиссеевъ лукъ, натянувъ на него тетиву, и пуститъ изъ него стрѣлу такъ, чтобы она пролетѣла черезъ 12 колецъ, не задѣвъ ни одного изъ нихъ. Женихи согласились, но никто изъ нихъ не могъ натянуть тетивы, хотя они и прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобы согнуть лукъ,—натирали его масломъ и согрѣвали на огнѣ. Они совершенно отчаялись натянуть лукъ, какъ Одиссей, открывшійся уже Эвмею и другому вѣрному слугѣ, но все еще имѣвшій видъ нищаго, попросилъ у жениховъ позволенія натянуть лукъ царя Одиссея. Въ это время его вѣрные рабы исполняли приказанія своего господина: заперли дверь въ женскую половину дворца (гинекей), куда еще раньше ушла Пенелопа, и крѣпко затворили ворота. Женихи очутились такимъ образомъ въ засадѣ, не по-

дозрѣвая этого. На просьбу Одиссея они отвѣчали смѣхомъ и даже гнѣвомъ. Тогда Телемахъ взялъ лукъ и подалъ его отцу. Сильною рукою царь натянулъ тетиву, и сейчасъ же съ лука слетѣла стрѣла: она ловко пронеслась сквозь всѣ кольца, не задѣвъ ни одного изъ нихъ. Телемахъ, согласно условію, приблизился съ мечомъ къ Одиссею, стоявшему у порога. Явились сюда же и двое вѣрныхъ слугъ Одиссея. Когда стрѣлы, пускаемыя Одиссеемъ, стали попадать въ жениховъ и убивать ихъ, остальные женихи начали загораживаться столами и скамьями, прижимаясь къ стѣнѣ. Среди рабовъ Одиссея нашелся негодяй, измѣнившій своему господину: онъ снабдилъ-таки жениховъ оружіемъ. Тщетно, однако, нападали они на Одиссея: Аѳина все время защищала его, стрѣлы же Одиссея и оружіе Телемаха убивали ихъ. Такъ и пали всѣ буйные женихи Пенелопы. Ихъ души были уведены богомъ Гермесомъ въ преисподнюю. Въ залѣ лежали ихъ трупы. Скоро, по приказанію Одиссея, зала была очищена, вымыта и окурена сѣрой.

Во время роковой расправы Одиссея съ женихами, Пенелопа спала на женской половинѣ дворца, ничего не зная о томъ, что происходило въ другомъ концѣ его. Когда всѣ слѣды безпощадной расправы были уничтожены, вѣрная служанка побѣжала на женскую половину, разбудила Пенелопу и привела ее въ залу. Здѣсь стоялъ Одиссей уже не въ видѣ нищаго, а во всемъ блескѣ своей могущественной красоты. Несказанно радостной была встрѣча супруговъ.

Убійства, совершенныя Одиссеемъ, чуть было не вызвали междоусобной войны на островѣ Итакѣ. Одни изъ гражданъ стояли за Одиссея, другіе были противъ него. Но все уладилось мирно, благодаря богинѣ Аѳинѣ. Она же, принявъ видъ Ментора, укрѣпила союзъ между царемъ и народомъ: были произнесены обоюдныя клятвы, и сожжены жертвы богамъ.

57. Бытъ грековъ по Иліадѣ и Одиссеѣ. Обѣ поэмы, Иліада и Одиссея изображаютъ не одно и то же время. Иліада изображаетъ бытъ болѣе древній, Одиссея—болѣе поздній. Конечно, и въ болѣе позднее время сохранилось многое, что существовало въ болѣе раннюю пору, но появилось и кое-что такое, чего раньше не было. Познакомившись съ тѣмъ, что было общаго у того и другого времени, мы замѣтимъ и нѣкоторыя особенности каждаго изъ нихъ.

Во главѣ каждаго греческаго государства-города стоялъ въ тѣ времена, которыя изображены въ поэмахъ, царь или *базилевсъ*. Онъ былъ и предводителемъ войска, и правилъ народомъ, и творилъ судъ и расправу. Въ торжественныхъ случаяхъ сами цари приносили жертвы богамъ, т.-е. были какъ бы верховными жрецами. Престарѣлые цари уступали свою власть сыновьямъ; такъ поступилъ, напримѣръ, Лаэртъ, передавшій свою власть Одиссею. У царей не было ни коронъ, ни вѣнцовъ. Единственнымъ знакомъ, отличавшимъ ихъ, былъ скипетръ, почему они и назывались скиптроносцами. Во главѣ каждаго государства, кромѣ царя, стояли еще старѣйшины (*геронты*). Собственно говоря, самъ царь былъ только главнымъ изъ нихъ. Собираясь вмѣстѣ, они составляли царскій совѣтъ или *буле*. Старѣйшины помогали царю не только править, но и судить тяжущихся. Въ Одиссеѣ старѣйшины представляются болѣе властными, чѣмъ въ Иліадѣ. Въ особенныхъ случаяхъ созывалось народное собраніе, состоявшее изъ всѣхъ свободныхъ людей государства. Оно происходило на открытомъ мѣстѣ, которое называлось *агора*. Большею частью здѣсь оповѣщалось во всеобщее свѣдѣніе рѣшеніе царя и его совѣта. Но въ извѣстныхъ случаяхъ въ народномъ собраніи происходило и обсужденіе вопросовъ. И здѣсь всякій, желавшій говорить, вставалъ со своего мѣста и бралъ изъ рукъ глашатая жезлъ. Народъ выражалъ свое мнѣніе крикомъ.

Высшее сословіе въ государствѣ составляли *лучшіе* люди, аристократы, люди знатнаго происхожденія. Они же были и наиболѣе богатыми. Все это были потомки людей, отличавшихся какими-либо заслугами. Ниже ихъ находилась масса *свободныхъ* людей. Она раздѣлялась на двѣ части—ремесленниковъ (или *деміурговъ*) и земледѣльцевъ. Въ составъ первой изъ этихъ частей входили не только ремесленники, но также жрецы и прорицатели, пѣвцы (или *рапсоды*) и глашатаи. Земледѣльцы были собственниками земли и скота. Ниже свободныхъ стояли обѣднѣвшіе люди или *теты*. Самое же низкое положеніе занимали *рабы*. Они или пріобрѣтались покупкою, или же имѣли несчастіе сдѣлаться рабами, какъ военноплѣнные. Рабы обрабатывали поля своихъ господъ, пасли ихъ стада, служили въ ихъ домѣ въ качествѣ прислуги.

Въ тѣ времена, которыя изображены въ Иліадѣ и Одиссеѣ, главнымъ занятіемъ грековъ было скотоводство. Но кромѣ скотоводства греки занимались и земледѣліемъ. Сѣяли преимущественно ячмень, а также и пшеницу. При распашкѣ земли пользовались волами и мулами. Для молотьбы употребляли рогатый скотъ, который вытаптывалъ зерна на гумнѣ. Затѣмъ вылущенныя зерна мололи на ручныхъ мельницахъ, приводившихся въ движеніе рабынями. Изъ другихъ видовъ добывающей промышленности греки занимались пчеловодствомъ, разведеніемъ винограда и маслины. Если въ Иліадѣ еще сравнительно рѣдко упоминается растительное масло, то очень многія мѣста Одиссеи заставляютъ думать, что въ эту пору разведеніе маслины занимало уже очень видное мѣсто. Въ Одиссеѣ же подробно описывается садъ царя Алкиноя. Въ саду этомъ растутъ яблоки, груши, гранаты и смоковницы. Сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ обрабатывающая промышленность занимала второстепенное мѣсто. Почти всѣ предметы первой необходимости изготовлялись дома. Но рядомъ съ этимъ былъ большой спросъ и на такія вещи, которыя невозможно было дѣлать одними домашними средствами, какъ, напримѣръ, оружіе; какъ оружіе, такъ и другія металлическія вещи, изготовляли кузнецы. Тогда же достигло значительнаго развитія и гончарное ремесло. Наконецъ ни дворцы, ни городскія стѣны не могли быть построены безъ знатоковъ своего дѣла.

Кораблестроеніе и мореплаваніе стояли еще на низкой ступени развитія. Греческіе корабли были небольшихъ размѣровъ и большею частью приводились въ движеніе веслами, а не парусами. Торговля была мѣновая и находилась почти только въ рукахъ финикіянъ. Она считалась въ это героическое время даже чѣмъ-то зазорнымъ.

Законовъ еще не было. Сила считалась какъ бы высшимъ правомъ, и обыкновенно люди сильные безнаказанно совершали грабежи и убійства. Если что и могло удерживать человѣка отъ убіенія подобнаго себѣ, такъ это была боязнь самому подвергнуться кровной мести со стороны родственниковъ убитаго. Въ Одиссеѣ, однако-же, видно начало новаго порядка: въ одной изъ ея пѣсенъ изображается судъ за убійство, и рѣчь идетъ о денежномъ штрафѣ за него. Къ побѣжденнымъ относились

жестоко. Ихъ или брали въ плѣнъ, обрекая на пожизненное и даже потомственное рабство, или убивали, хотя бы люди эти и были безоружными. Враговъ не только убивали, но и подвергали поруганію ихъ трупы. Совершались и человѣческія жертвоприношенія. Договоры, заключавшіеся при клятвенныхъ обѣщаніяхъ обѣихъ сторонъ, нарушались легко. Греки еще не понимали, что преступленіе нарушаетъ не только интересы пострадавшаго, но и цѣлаго общества. Однимъ словомъ, у нихъ еще не было развито понятіе объ обязанностяхъ человѣка относительно другихъ людей. Но рядомъ съ тяжелыми явленіями жизни существовало и такое отрадное явленіе, какъ гостепріимство. Кромѣ гостепріимства встрѣчались и другія благородныя явленія, какъ напримѣръ: искренняя дружба, родительская и супружеская любовь, доброе отношеніе къ старымъ и вѣрнымъ слугамъ, уваженіе къ старшимъ и любовь къ родинѣ. Таково было нравственное состояніе грековъ.

Въ умственномъ отношеніи греки стояли еще невысоко. Если дѣйствующія въ Иліадѣ и Одиссеѣ лица и произносятъ умныя рѣчи, то рѣчи эти свидѣтельствуютъ только о здравомъ природномъ умѣ. Но эти же люди, не просвѣщенные знаніемъ, останавливались въ недоумѣніи передъ различными естественными явленіями и считали ихъ за нѣчто сверхъестественное и чудесное. Они слѣпо вѣровали въ сны, гаданія и примѣты. Если и была въ то время грамотность, то встрѣчалась, какъ явленіе необычайное. Воспитаніе лицъ знатнаго происхожденія заключалось въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ игрѣ и пѣніи. Обыкновенно сынъ обучался тому, что зналъ его отецъ.

Зато поэзія, воспѣвавшая подвиги героевъ, достигла замѣчательнаго развитія. Пѣсни о герояхъ заучивались на память и такъ передавались отъ отца къ сыну, какъ въ свое время наши былины. Рапсоды пользовались большимъ почетомъ и считались людьми, вдохновляемыми самимъ божествомъ. Изъ искусствъ достигла уже нѣкотораго развитія архитектура. Но постройки тѣхъ временъ отличались болѣе своими размѣрами, чѣмъ изяществомъ. Есть указанія въ поэмахъ и на произведенія скульптуры. Своего замѣчательнаго развитія архитектура и скульптура достигли у грековъ только по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Древній Востокъ.

Грецiя (Эллада).

Николаевъ А. А. Историч. хрестоматія. Пособіе для школъ и самообразованія. Ц. 1 р. 20 к.

Павловичъ М. Г. Учебникъ теоріи словесности. Теоретическія положенія, историческія свѣдѣнія и разборы образцовъ, ц. 85 к.

Его-же. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Полный курсъ средн. учеб. заведеній, ц. 85 к.

Пуцило и Лебедкина. „Въ родномъ мірѣ“. Хрестоматія, ч. I, 85 к.; ч. II, ц. 1 р. 20 к.; ч. III, ц. 1 р. 50 к.; ч. IV, ц. 2 р. 15 к.

Ихъ-же. Примѣчанія къ хрестоматіи „Въ родномъ мірѣ“, ч. I, ц. 10 к.; ч. II, ц. 10 к.

Рудаковъ В. Е. Гай Юлій Цезарь. Записки о галльской войнѣ. Переводы—близкій къ подлиннику и литературный съ примѣчаніями. Кн. I, ц. 30 к. Кн. II—IV, ц. 40 к. Кн. V—VI, ц. 40 к.

Свѣтловъ П. К. Учебникъ зоологіи, сост. по программѣ кадетскихъ корпусовъ и фельдшерскихъ школъ, ц. 60 к.

Его-же. Учебникъ ботаники, сост. по прогр. кадетскихъ корпусовъ и фельдшерскихъ школъ, ц. 50 к.

Смирновъ Ѳ. А. Иллюстриров. русская исторія, ц. 60 к.

Его-же. Географія Кавказа, съ рис., ц. 65 к.

Русскій
- во Франціи 30 к.
- въ Германіи 30 к.
- въ Италіи 30 к.
- въ Англіи 30 к.
- въ Испаніи 30 к.
- въ Греціи 30 к.
- въ Японіи 30 к.
- въ Швеціи 50 к.
- въ Норвегіи 30 к.
- въ Турціи 30 к.
- въ Польшѣ 30 к.
- въ Сербіи 30 к.
- въ (Аравіи) Палестинѣ и Египтѣ 60 к.
- въ Чехіи 30 к.
- въ Финляндіи 30 к.
- въ Персіи 50 к.

Новѣйшія и легчайшія руководства къ изученію безъ посторонней помощи иностр. языковъ съ точнымъ произношен. каждаго слова русскими буквами.

Тюленевъ П. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для стилист. упраж. учащихся въ млад. кл. гимназій, ц. 75 к.

Чебышева-Дмитріева Е. Вопросы начальной школы и педагогич. очерки, ц. 1 р.

Шагренъ К. Учебникъ товаровѣдѣнія для коммерческ. училищъ, ц. 1 р. 50 к.

Новыя книги:

1. **Ивановъ К. А.** Средневѣковое папство и его представители, ц. 1 р. 50 к.
2. **Антоновъ Ѳ. А.** Практическое изученіе синтаксиса русскаго языка, ц. 20 к.
3. **Платоновъ Д. И.** Краткій курсъ черченія по клѣткамъ, въ двухъ выпускахъ; изд. 5-е: цѣна каждаго выпуска 25 коп.
4. **Его-же.** Тетради для записи прочитанныхъ книгъ, въ двухъ вып.; вып. I для пригот.—IV кл., 8-е изд., ц. 20 коп.; вып. II для V—VIII кл., 3-е изд., ц. 20 к.
5. **Его-же.** Русскія прописи (косое письмо), 2-е изд., ц. 10 к.
6. **Александровъ А.** Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письмен. упражн. въ младш. классахъ средн. учебн. заведеній, ц. 25 к.
7. **Бѣлявскій Ф.** Очерки по исторіи культуры. Ч. I. Древній востокъ, ц. 60 к. Ч. II. Индія и Китай, ц. 60 к. Ч. III. Античный міръ, ц. 60 к. Ч. IV. Іудаизмъ и христіанство, ц. 1 р. 20 к.
8. **Ктитаревъ Я. Н.** Руководство къ изученію Закона Божія въ старшихъ классахъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, ч. I-я — *Православно-христіанское вѣроученіе*, ц. 1 р.; ч. II-я — *Существенныя черты православнаго нравоученія*, ц. 85 к.
9. **Его-же.** Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ, ч. I, ц. 1 р.; ч. II, ц. 1 р. 25 к.
10. **Его-же.** Чтенія объ основныхъ вопросахъ жизни: сущность и происхожденіе религіи, бытіе Божіе и безсмертіе души, ц. 1 рубль.